

И. СОКОЛОВ - МИКИТОВ

ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

И. СОКОЛОВ - МИКИТОВ

ОТ ВЕСНЫ
ДО ВЕСНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД • 1964

Рисунки
Е. Чарушина и Ел. Бианки

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-87, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ-МИКИТОВ

На одном из широких проспектов Ленинграда, где много света и солнца, где в знойный июльский полдень явственно ощущается свежесть близкого моря, в большом новом доме живет чудесный человек и удивительный рассказчик Иван Сергеевич Соколов-Микитов.

Немало хороших книг написал он за те полвека, что трудится в литературе. Многие рассказы и повести писателя известны не только у нас, но и за рубежом. Его добрый, самобытный талант сразу же полюбился читателям, увидевшим в молодом авторе тонкого художника, глубоко чувствующего родную природу, хорошо понимающего душу своего народа.

Не случайно такой взыскательный мастер слова, как А. И. Куприн, прочитав первые рассказы писателя, в одном из писем Соколову-Микитову, плававшему в те годы матросом на торговом пароходе «Омск», писал:

«Я очень ценю ваш писательский дар за яркую изобразительность, истинное знание народной жизни, за живой и правдивый язык. Более же всего мне нравится, что вы нашли свой собственный, исключительно ваш стиль и свою форму. И то и другое не позволяет вас спутать с кем-нибудь, а это самое дорогое».

Иван Сергеевич Соколов-Микитов пришел в литературу из лесного Смоленского края. Он родился в 1892 году в деревне, в семье управляющего лесными угодьями. Мальчик рос среди обильной, почти нетронутой природы, в окружении добрых и трудолюбивых людей. Его первыми, наиболее сильными впечатлениями были впечатления от народных гуляний, красочных сельских ярмарок, няниных затейливых сказок.

Постоянное общение с природой, знание народной жизни не могло не сказаться на творчестве писателя. «Этому деревенскому миру, окружавшим меня простым людям, русской родной природе обязан я лирическим свойствам моего таланта», — напишет он позднее в своих «Автобиографических заметках».

Но благополучие, окружавшее пытливого и любознательного мальчика, не помешало ему увидеть и те противоречия, которыми так богата

была дореволюционная деревня. И всегда его симпатии были на стороне тех, кого угнетали и эксплуатировали, кто больше всего страдал от социальной несправедливости.

В 1910 году Соколов-Микитов, исключенный незадолго до этого из Смоленского реального училища «по подозрению в принадлежности к ученическим революционным организациям», попадает в Петербург.

Здесь он некоторое время учится на частных сельскохозяйственных курсах. Убедившись, что у него нет настоящего влечения к сельскому хозяйству, юноша уезжает в Ревель и становится сотрудником небольшой провинциальной газетки «Ревельский листок». Поначалу газетная работа захватывает его. Он пишет передовицы, печатает свои очерки и стихи. Но близость моря и увлекательные рассказы моряков, среди которых у молодого журналиста оказалось немало друзей, побуждают его уйти из газеты и поступить «матросским учеником» на пароход «Меркурий».

Так начался период морских скитаний писателя. Где только не побывал он за годы своих странствий! В Турции и Египте, в Нидерландах и Англии. Он познакомился с жизнью многих европейских и африканских портов и всюду наталкивался на те же разительные социальные контрасты, которые так поражали его на родной Смоленщине.

И все же это было счастливое для писателя время, богатое событиями и интересными встречами. «Я сходил и знакомился с простыми людьми, а сердце мое трепетало от полноты и радости ощущения земных просторов», — вспоминал впоследствии Соколов-Микитов.

Когда началась первая мировая война, Соколов-Микитов находился за границей. С трудом удалось ему вернуться на родину. Несколько месяцев он проводит в кругу семьи на Смоленщине, а затем добровольцем уходит на фронт: служит в санитарных отрядах, летает мотористом на первом русском бомбардировщике «Илья Муромец» и время от времени печатает свои рассказы и очерки в газетах и журналах.

После февральской революции Соколов-Микитов как депутат фронтовых солдат едет в Питер. Здесь в горячие Октябрьские дни он слушает выступление В. И. Ленина в Таврическом дворце, встречается с А. М. Горьким. Угадав в начинающем писателе незаурядный талант, Горький много сделал, чтобы помочь ему нащупать правильный путь.

Вернувшись на Смоленщину, Соколов-Микитов работает учителем, но увлечение педагогикой быстро проходит. Его тянет странствовать. И вот он на одном из судов торгового флота уходит в заграничное плавание, закончившееся для него весьма печально. Владельцы судна, эмигрировавшие из Советской России, тайком от команды продали пароход английской торговой компании. И Соколов-Микитов вместе со своими товарищами — русскими моряками — оказался в чужой, негостеприимной стране без средств к существованию.

Более года прожил он за рубежом, не имея работы, перебиваясь

случайными заработками. На собственном горьком опыте убедился он в несправедливости и враждебности чуждого ему мира. Позже, в «Морских рассказах» и небольшой повести «Чижикова лавра», проникнутой неподдельной любовью к родине, с чувством горького сожаления расскажет писатель о судьбах обманутых и брошенных на чужбину русских людей.

Летом 1922 года при посредстве М. Горького и А. Толстого Соколов-Микитов возвратился в Россию.

«Встреча с родиной, с близкими людьми, с родной природой, — пишет он в «Автобиографических заметках», — была самым трогательным, самым памятным событием моей жизни».

С этого времени И. С. Соколов-Микитов становится профессиональным литератором.

Любовь к природе, охоте, страсть к путешествиям не дают ему долгу засиживаться на одном месте. Побывав у рыбаков Каспия, он едет на Север, чтобы принять участие в экспедиции по спасанию ледокола «Малыгин». Затем отправляется в центральные районы Тянь-Шаня, путешествует по Кавказу.

И каждый раз, возвращаясь из поездки, радует читателей живым очерком или рассказом о том, что видел собственными глазами, что довелось пережить самому.

Тепло и задушевно изображая природу родного края, Соколов-Микитов не забывает о людях, которые переделывают ее на благо человека.

В очерках «У синего моря», «В горах Кавказа», «Весна в Чуне», «Белые берега», богатых фактическим материалом, интересными авторскими наблюдениями, писатель внимательным глазом художника подмечает то новое, что входит в жизнь советского человека, в каком бы уголке родины он ни жил, чем бы ни занимался. «Чудесные времена, чудесные люди, — пишет он в одном из своих очерков. — Радостно видеть и знать, сколько способности, живой крепкой смекалки, бесстрашной отваги и несокрушимой настойчивости таит в себе простой русский человек».

С любовью рисует он таежных охотников, моряков, землепашцев, членов рыболовецких колхозов, научных работников поисковых партий. Герои его произведений — скромные люди, занятые тяжелым, подчас опасным трудом, — надолго остаются в памяти. Они борются со стихией и покоряют ее. Проникают в труднодоступные районы и обживают их. Ведут разработку природных богатств и заботятся о бережном отношении к самой природе.

Природа и охота не случайно занимают большое место в творчестве писателя. Еще мальчиком любил он бродить с ружьем по лесным уголкам Смоленщины, прислушиваться к таинственным шорохам леса, разбираться в запутанных следах лесных обитателей. Скупое, с присущим ему лаконизмом умеет он передать прелесть пробуждающегося ве-

сенного леса, с доброй улыбкой бывалого следопыта рассказать о проделках хитрого зайчишки или повадках своей охотничьей собаки.

А как впечатляюще поэтичны его рассказы об охоте: «На тяге», «Глушаки», «На глухаринном току», «Первая охота»! Читаешь их — и кажется, будто вместе с автором стоишь на лесной опушке и напряженно следишь за стремительным полетом вальдшнепа или в ранний предрассветный час прислушиваешься к загадочной и волнующей песне глухаря.

О. Д. Форш, хорошо знавшая писателя и ценившая его талант, как-то сказала мне: «Читаешь Микитова и ждешь: вот-вот застучит над головой дятел или выскочит зайчишка из-под стола; как это у него всё здорово, по-настоящему рассказано».

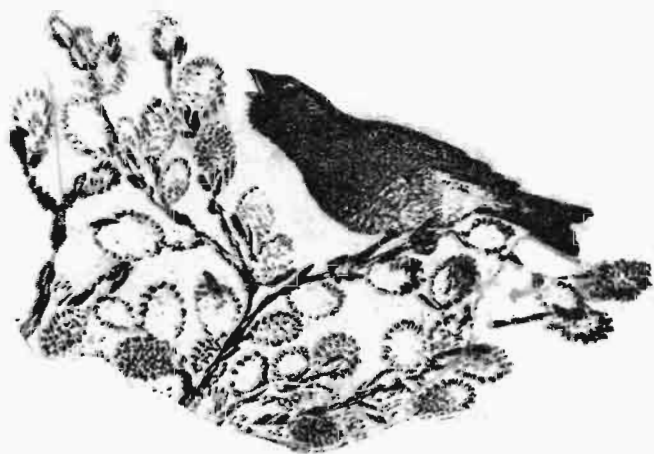
Охота никогда не была для писателя забавой или простым развлечением. «Охотничье ружье, — писал он, — было моим верным спутником, приобщавшим меня к прекрасному царству природы. С охотничьим ружьем в руках побывал я в самых далеких уголках нашей страны. В путешествиях находил я верных друзей, каждое путешествие закрепляло веру в нового, советского человека, творящего чудеса на обновленной земле».

Рассказы Соколова-Микитова об охоте и природе, о его путешествиях по родной стране давно полюбили юным читателям. Вот почему в эту книгу, предназначенную ребятам, писатель прежде всего включил «Рассказы охотника», путевые очерки и несколько живописных рассказов для самых маленьких.

Книги Соколова-Микитова глубоко патриотичны. Они всегда доставляют радость, потому что позволяют полнее и ярче ощутить многообразие жизни, увидеть то, на что, занятые своими делами, мы иной раз и не обращаем внимания. В этом притягательная сила его книг, обаяние доброго его таланта.

М. Смирнов

ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ

ЛЕСНЫЕ КАРТИНКИ

ВЕСНА

Над полями и лесом все ярче и ярче светит солнышко.

Потемнели в полях дороги, посинел на реке лед. Прилетели белоногие грачи, торопятся поправлять свои старые растрепанные гнезда.

Зазвенели по скатам ручьи. Надулись на деревьях смолистые пахучие почки.

Увидели ребята у скворешен первых скворцов. Весело, радостно закричали:

— Скворцы! Скворцы прилетели!

Выбежал на опушку заяц-беляк; присел на пенек, огляделся. Ушки на макушке у робкого зайца. Смотрит заяц-беляк: вышел на опушку леса огромный лось с бороною. Остановился, слушает лось... А в глухом лесу вывела медведица родившихся в берлоге маленьких медвежат на первую прогулку. Еще не видели медвежата весны, не знают большого темного леса. Не знают, чем пахнет пробудившаяся земля.

На поляне, у лесного разлившегося ручейка, весело играют смешные, неуклюжие медвежата. Со страхом заглядывают в холодную бегучую воду, взбираются на пни и оттаявшие на солнце старые коряги...

Стройными косяками летят, тянутся с юга гуси; показались первые журавли.

— Гуси! Гуси! Журавли! — кричат, задрав головы, ребята.

Вот закружились над широкой рекой гуси, спустились отдохнуть на наполненную водой полынью.

Увидели отдыхающих на льду гусей другие пролетавшие гуси, стали подсаживаться к ним. Обрадовались товарищам другие гуси. Далеко над рекою покатился радостный крик...

Все теплее, шумнее и краше весна.

На пригреве в лесу распустились на веточках ивы шелковистые мягкие пуховки. Побежали по кочкам хлопотливые муравьи. А над полянкой, где раскрылись подснежники, вспорхнула первая бабочка.

ВЕСНА В ЛЕСУ

По глухим чащобам и болотам ранней весной пробирался охотник от края до края через глухой лес.

Много птиц и зверей видел он в пробудившемся лесу. Видел, как на краю болота токует глухарь, как в молодом осиннике, на припеке, пасутся лоси, а по лесному оврагу пробирается в свое логово, бежит с добычей старый волк.

Многое видел и слышал в лесу внимательный охотник.

Радостна, шумна и пахуча весна. Звонко поют птицы, звенят под деревьями весенние ручейки. Смолой пахнут набухшие почки.

Теплый ветер пробегает в высоких вершинах.

Скоро, скоро оденется лес листвою, зацветет на опушках черемуха, защелкают над ручьями голосистые соловьи. Прилетят, закукуют длиннохвостые кукушки: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

Забéгают по кочкам хлопотливые муравьи, вылетит из зимнего убежища, загудит первый шмель.

Побегами молодой травы, голубыми и белыми подснежниками покажутся лесные полянки.

Хороша, радостна, весела весна в лесу!

РАННЕЕ УТРО

Ранним утром в глухом лесу, на самом краю болота, токует глухарь.

«Тэкэ, тэкэ, тэк, тэк, тэк!» — раздается его весенняя тихая песня.

Спокойно утром в лесу. Далеко слышен каждый звук.

Вот проковылял по чашобе, тихо похрустывая, заяц-беляк. Пробежала по краю болота осторожная лисица. Спрятался в норе под корягой быстрый хорек.

Громко затрубили на болоте, встречая солнце, длинноногие журавли.

Сорвался с болота, стрелою поднялся в небо длинноносый баранчик — бекас.

Будто голос молодого барашка, доносится с высоты далекий дребезжащий звук.

«Качи-качи-качи-качи!» — сидя на кочке радостно отозвался другой бекас на болоте.

«Тэкэ, тэкэ, тэк, тэк, тэк!» — чаще и чаще защелкал, еще жарче запел свою песню глухарь. Издали кажется: далеко-далеко точит кто-то топор на точиле.

Во время песни не слышит и плохо видит глухарь. Не слышит он, как пробирается по токовищу лисица, как у края болота пасутся в молодом осиннике лоси.

Кончит свою короткую песню глухарь, слушает долго: не идет ли, не крадется ли к току охотник?

НА КРАЮ ЛЕСА

Выше и выше над лесом солнце.

Вышла на край леса старая лосиха с длинноногим новорожденным лосенком, задремала на теплом весеннем солнышке лосиха.

Учится бегать маленький лосенок. Спотыкаются о высокие кочки его длинные ноги.

Ласково пригревает в редком лесу весеннее солнышко. Уже надулись на деревьях душистые клейкие почки. Из надломанной лосями березовой ветки прозрачными каплями сочится сладкий сок.

Отражая высокое небо, синими кажутся в лесу весенние лужи. А над синими лужами, над обогретой, пробудившейся землей, в золотых лучах солнца «толкут мак» комары-толкунцы.

Золотистыми пуховками распустились кустики ивы. Под деревьями зеленеют обросшие брусничником кочки.

Хорошо пахнет в весеннем лесу!

Задремала на солнышке старая лосиха. Чутко слышит она каждый шорох, каждый тревожный звук.

Беззаботно резвится у ее ног маленький лосенок. Знает он, что ни серому волку, ни злой разбойнице-рыси не даст его в обиду чуткая и сильная мать.

В ОВРАГЕ

Через темный лес, через глухие овраги пробирается с добычей старый волк.

Далеко от проезжих дорог и людных селений скрыто волчье логово.

Голодно, бесприютно было волкам в зимнюю стужу. В морозные, вьюжные ночи скитались они по снежным полям и дорогам. Ловили зайчишек, воровали зазевавшихся собак.

«У-ууу! У-ууу! У-ууу!» — разносилась над полями голодная волчья песня. «У-ууу! У-ууу!» — слышался сквозь непроглядную вьюгу жалобный вой.

Кончилась холодная зима. В весенние теплые дни родились у волчицы слепые маленькие волчата.

Растут, резвятся бойкие волчата. Много обглоданных костей валяется вокруг их далёкого, скрытого логова. Извилистые тропинки протоптаны к водопою.

Поздно утром возвращается старый волк с добычей. Похрустывает под волчьими лапами слежавшийся снег. Взлетают на деревья пугливые рябчики; тревожно попискивая, провожают лесного разбойника маленькие синички.

Смело бежит волк по знакомому лесу. Хорошо знает он дорогу в свое скрытое логово, где ждут не дождутся старого волка прожорливые, жадные волчата.

МЕДВЕЖЬЯ СЕМЬЯ

На освещенную солнцем лесную поляну вывела медведица своих маленьких медвежат.

Испугалась медведей быстрая куница.

Остановилась, слушает осторожная медведица: все ли спокойно в лесу?

Жмутся к матери маленькие медвежата. Страшно им в огромном лесу. Только недавно выбрались из теплой берлоги.

Прислушиваются медвежата, как шумит ветер в высоких лесных вершинах, как пересвистываются и поют невидимые птицы, а на сухой сосновой макушке дятел выстукивает барабанную дробь.

Поздней зимою, в берлоге, родились у медведицы эти мохнатые медвежата. Тепло им было в закрытой берлоге; сладко почмокивая, сосали они материнское молоко. Забравшись под брюхо медведицы, крепко спали.

Вывела медведица своих медвежат в лес. Будут они теперь привыкать к родному лесу, играть и кувыркаться по мягким кочкам, взбираться на деревья.

Трудно увидеть медведей.

Далеко слышит и чувствует медведица. Не увидишь и не услышишь, как уйдут, тихо скроются в темном лесу чуткие звери.

ЛОГОВО РЫСИ

В темной лесной чаще, под нависшими сучьями, затаилась разбойница-рысь.

Всю ночь скиталась она по лесу, разоряла звериные и птичьи гнезда, ловила зайчишек, доставала с деревьев спящих птиц.

Мрачно и темно в недоступной чаще. Длинными седыми бородами лишайников обросли сучья и стволы деревьев. Прикрытые мохом, во все стороны протянулись узловатые корни.

В зеленую крышу сплелись над логовом рыси еловые ветви.

В лесной темноте хорошо видят рысьи глаза. Тихо ступают по земле ее кошачьи, мягкие лапы. Хорошо слышат украшенные кисточками рысьи уши.

Будто сказочный часовой, охраняя логово рыси, на сучке дерева уселся круглоголовый глазастый совынок. Здесь, в лесной тени, у ствола старого дерева, прячется он от дневного яркого света.

Прижалась к земле рысь, доедает ночную добычу. Зелеными огоньками светятся ее злые глаза.

Беззащитные звери и все лесные птицы боятся, сторонятся рыси. Старательно прячут они гнезда, защищают и берегут своих маленьких детей.

Одна-одинешенька, скрыто и дико, живет в глухом лесу разбойница-рысь.

У СТАРОЙ СОСНЫ

Душистой смолою пахнет бор.

У освещенной солнцем старой сосны резвятся веселые проказницы-белки. Радуются они теплоте солнышка, светлой весне. Сменили к весне свои пушистые серые шубки. Рыжими стали у белок их спинки, пышные хвосты.

Всю долгую зиму жили белки в высоком лесу. От ветра и стужи прятались в теплых гнездах, забирались в глубокие дупла деревьев. С елки на елку, с сосны на сосну носились по лесу, грызли смолистые тяжелые шишки.

Много забот будет летом у белок. Нужно выкормить маленьких бельчат, собрать и спрятать в дуплах запасы орехов, насушить грибов.

В голодные годы, когда мало в лесу орехов и шишек, белки пускаются в далекие и опасные путешествия. Смело переплывают они широкие реки, перебегают открытые поля, забегают в селения и города.

Никому в лесу не делают вреда миролюбивые веселые белки.

С сучка на сучок, с вершины на вершину друг за дружкой гоняются они по деревьям, встречают светлую, теплую весну.

Весело, радостно играют у старой сосны проказницы-белки.

РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Ранней весной родились эти маленькие зайчата.

Еще лежал в лесу под деревьями глубокий снег, прихватывали по утрам крепкие весенние морозы. И птиц и зверей держал на снегу плотный наст. Называют поэтому ранних зайчат настовиками.

Крепко прижались друг к дружке маленькие зайчата.

Ласково пригревает весеннее солнышко. Обрадовались теплу, высушились из гнезда длинноухие зайчата. Терпеливо ждут свою мать.

А зайчихи-матери и своих и чужих детей кормят. Прибежит к гнезду чужая зайчиха, покормит проголодавшихся зайчат и убежит дальше.

Опять останутся одни маленькие зайчата.

Хорошо спрятались они в сухой, прошлогодней траве! Здесь не найдет их разбойница-рысь, не увидит хитрая лисица.

Увидела зайчат суетливая птичка. Уселась на ветку, вертится и поет:

«Вот, вот вижу! Вот, вот слышу!»

Большими, страшными зверями кажутся ей робкие, маленькие зайчишки.

Суетливая птичка все вертится над зайчатами, тоненько поет:

«Вот, вот вижу! Вот, вот слышу!»

Со страхом смотрят на суетливую птичку зайчата.

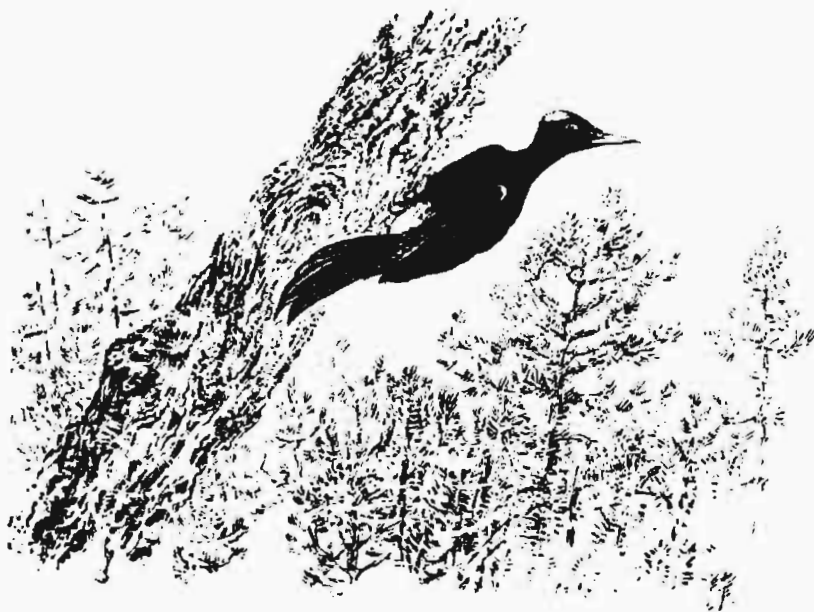
НА ОПУШКЕ

Выбежал на опушку леса рыжий лисовин, присел отдохнуть под старой березой.

Видно внизу за деревьями лесное глубокое озеро. Солнцем освещен дальний лес.

Смотрит и слушает старый лисовин.

Видит он, как пробежал по земле, скрылся в молодом сосняке и тихо засвистел рябчик, а у самого края леса, на открытой поляне, бродят по кочкам, спокойно кормятся краснобровые тетерева

Знает лисовин: не поймать ему осторожного рябчика, не подпустят близко осторожные тетерева.

Вот шевельнулась у гнилого пня сухая травинка, промелькнула в прошлогодней траве, скрылась в глубокой норке робкая лесная мышь. Дятел прилетел, уселся долбить ствол старой березы.

Насторожился лисовин.

Много слышит и видит он в весеннем лесу. Слышит, как птичьими голосами наполняется лес, как шуршат под корнями, тихо попискивают мыши, как пробирается по сухому валежнику, выбравшись из зимнего логова, голодный еж.

Один-одинешенек долго стоит под березой в лесу лисовин, слушает, смотрит.

Ушки на макушке у старого лисовина.

НАД БОЛОТОМ

Каждый год возвращаются журавли из далеких теплых стран на родное болото.

Над морями и широкою степью, над светлыми реками и синими лесами летят на свою родину весной журавли.

Высоким камышом и сухой, прошлогодней осокой заросло большое непроходимое болото. В самых недоступных местах устраивают гнезда сторожкие журавли.

Спокойно им жить на неприступном болоте. Не пройдет по болоту волк, не проберется лисица, не подкрадется осторожная рысь.

Водят весной журавли веселые хороводы. Соберутся в кружок на болоте, машут крыльями, танцуют.

«Курлы, курлы, курлы!» — по всему лесу разносятся их шумные голоса.

Скоро выведутся на болоте длинноногие, неуклюжие журавлята. Начнут ловить для них журавли лягушек и змей, приносить в гнездо корм.

Будут расти, учиться летать журавлята...

Шелестит на ветру сухая осока, качается высокий тростник.

Ниже и ниже спускается вечернее солнце.

Один за другим слетаются на ночевку, кружат над болотом журавли.

ВЕЧЕР В ЛЕСУ

За вершинами леса скрылось солнце.

Прохладно и сыро в лесу. Слышно, как дышит, оживает земля. Пахнет весенними почками, пробудившейся теплой землей.

Вот сам собою шевельнулся на земле прошлогодний мокрый листочек. Под ним показалась из земли зеленая стрелка молодой травы.

Много звуков в вечернем лесу.

Заливаются на деревьях певчие дрозды. На вершине высокого дуба громко воркует дикий голубь — витютень.

«Витютень, на ду-у-убе сижу! Витютень, на ду-у-бе сижу!» — выговаривает важно витютень.

Глухо турлычат в прозрачных весенних лужах лягушки.

Вытянув длинные шеи, свистя крыльями, пролетели над лесом дикие утки.

«Чуфшшш! Чуфшшш!» — вдруг громко чуфистнул и забормотал на поляне краснобровый красавец — тетерев-косач.

«Гу-гу-гууу! Гу-гу-гууу!» — гугукнул заяц, и очень похоже, бесшумно пролетая, ему отозвалась лесная сова.

Страшно ухнул в лесу и захохотал филин.

Взмахивая крыльями, тихо потянули над макушками леса длинноносые лесные кулики.

Ниже и ниже спускается весенняя прохладная ночь.

ЛЕТО В ЛЕСУ

Хорошо и привольно летом в лесу.

Зеленой листвою одеты деревья. Пахнет грибами, спелой, душистой земляникой.

Громко поют птицы. Пересвистываются иволги, кукуют, перелетая с дерева на дерево, неугомонные кукушки. В кустах над ручьями заливаются соловьи.

В лесу под деревьями рыщут звери. Бродят медведи, пасутся лоси, резвятся веселые белочки. В темной чащобе скрывается разбойница-рысь.

У самой вершины старой ели, в густых ветвях, свили гнездо тетереятники-ястребы. Много лесных тайн, сказочных чудес наблюдают они с высокой темной вершины.

РАССВЕТ В ЛЕСУ

Кончилась летняя теплая ночь. Занимается над лесом утренняя заря.

Над лесными полянами еще стелется легкий туман. Прохладной росой покрыта листва на деревьях.

Уже проснулись певчие птицы. Закуковала и поперхнулась спронею кукушка.

«Ку-ку! Ку-кук-кук!» — звонко по лесу раздалось ее кукованье.

Скоро взойдет, обсушит росу теплое солнышко. Привечая солнышко, еще громче запоют птицы и закукует кукушка. Растает туман над поляной.

Вот с ночного промысла возвращается усталый зайчишка-беляк.

Много врагов у маленького зайчишки. Гонялась за ним хитрая лисица, пугал страшный филин, ловила разбойница-рысь.

От всех врагов ушел маленький зайчишка.

НА ВЫРУБКЕ

Осветило лесную вырубку теплое солнышко.

Обсохла ночная холодная роса.

Спокойно и тихо на глухой вырубке в лесу. Пахнет багульником, спелой, душистой земляникой.

На край вырубки вывела свой выводок старая глухарка-мать. Будто пушистые, мягкие шарики, рассыпались маленькие глухарята. Ловят в траве мошек, клюют сладкую землянику.

Взлетела на пенек старая глухарка. То посмотрит на небо, то поглядит в лес. Не покажется ли ястреб-тетеревятник, не пробежит ли хитрая лисица, не промелькнет ли в высокой траве проворный горноста́й?

Зорко сторожит свой выводок осторожная глухарка.

Как в настоящем детском саду, бегают по лесной вырубке шустрые, маленькие глухарята.

ЛИСЬЯ НОРА

В сосновом лесу вырыла глубокую нору лисица.

Еще ранней весной здесь, в норе, родились слепые маленькие лисенята.

Каждый день уходит лисица за добычей, оставляет в норе лисенят.

Подросли, окрепли рыжие лисенята, стали выходить из тесной темной норы. Привольно играть и резвиться в лесу под деревьями, кувыркаться по мягкому моху.

Хоронясь за деревьями, возвращается с добычей старая лисица.
Жадно набросятся на добычу голодные лисенята.
Быстро растут, много едят бойкие лисенята.

НАД РЕКОЙ

По берегам реки — сосновый бор.
Дует над рекой ветер. Плещут в берег шумные волны. Гуляют по волнам седые барашки-беляки.

Взлетел над волнами огромный орлан-белохвост. Держит в когтях живую, трепещущую рыбину.

Умеют ловить рыбу зоркие орланы.

С огромной высоты камнем бросаются на волны, цепко схватывают добычу.

В самых больших лесах, на вершинах высоких деревьев, устраивают гнезда орланы. Много всяческой добычи приносят прожорливым птенцам.

Далеко видят зоркие и сильные орланы. Под самыми облаками палят они в ясные дни. Хорошо видят, где спрятался в траве, прижав уши, зайчонок, где всплеснула над волнами рыба, где на лесную вырубку вывела свой выводок осторожная глухарка-мать.

НА БОЛОТЕ

Все лето бродят по лесным диким трущобам медведи.

То полакомятся спелыми, вкусными ягодами, то у диких пчел отведают сладкого медку, то разроют высокую муравьиную кучу, то забегутся в колхозный овес.

Трудно охотнику летом выследить медведей. Боятся медведи человеческого духа, чуют человечесьи следы.

Забрели под вечер медведи на моховое болото. Бродят по болоту, обнюхивают высокие кочки. Ищут, чем можно полакомиться.

А над лесом гроза собирается. Не боятся медведи громкого грома, не страшат их далекие молнии, не пугает летний теплый дождь.

Не спеша бродят медведи. Старательно обнюхивают каждую кочку, осматривают всякий пенек.

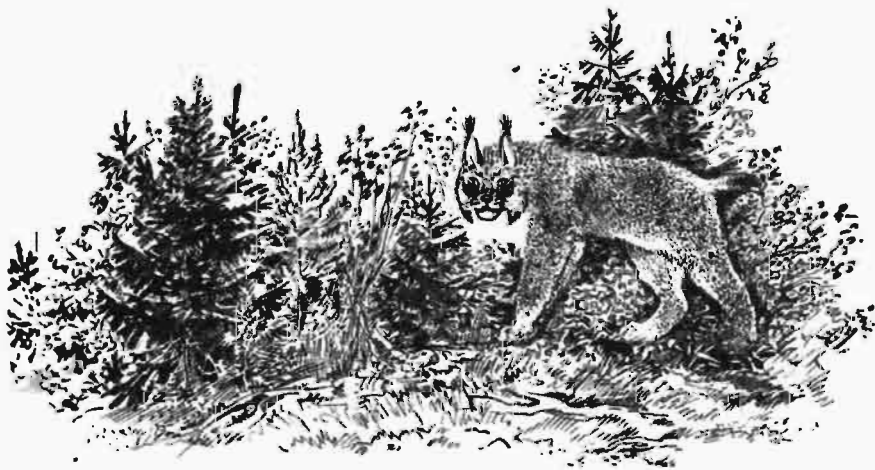
Ни одной спелой ягодки, ни одного пчелиного роя не пропустят лакомки-медведи.

РЫСЬ

Под старой сосною вытянулась, греется на солнышке рысь.

Тихо в глухом лесу. Слышит рысь, как перепорхнет с дерева на дерево рябчик, как пропищит, покачиваясь на ветке, синичка, прошелестит лесная мышь.

Маленький пушистый рысенок взобрался на спину рыси. Потягивается, мурлычет старая рысь, играет с маленьким веселым рысенком.

Ночью уходит рысь за добычей. Неслышно крадется под деревьями, ловит птиц и неосторожных, робких зайчишек.

Никто не увернется от острых когтей разбойницы-рыси: ни зазевавшийся зайчишка-беляк, ни старый тетерев и тяжелый глухарь, ни задремавший пугливый-рябчик.

Много вреда делает в лесу злая разбойница-рысь.

ЛОСИ

Наступил вечер в лесу. За макушки деревьев закатилось солнышко. Пасется на краю болота лосиха со своим длинноногим неуклюжим лосенком. Досыта наелись они сочной травой. Задремала, неподвижно стоит старая лосиха. Звенят над болотом надоедливые комары. Отбиваются от комаров лоси, потряхивают длинными ушами.

Чтобы спастись от комаров, забираются иногда лоси в воду. Ни воды, ни больших вязких болот, ни глухой, непролазной чащобы не страшатся сильные лоси.

Всюду бродят по лесу лоси — переходят болота, переплывают широкие реки и глубокие лесные озера.

Там, где люди не обижают лосей, доверчиво выходят они из лесу. Нередко люди видят лосей на окраинах селений и городов. Случается, забредают они в сады и подгородные парки.

Настоящие охотники берегут, не стреляют лосей. Любуются они большими, красивыми животными, не причиняющими вреда человеку.

НОЧЬ В ЛЕСУ

Наступила теплая ночь в лесу.

Светит луна на окруженную лесом поляну. Стрекохут ночные кузнечики, заливаются в кустах соловьи.

В высокой траве без отдыха кричат длинноногие, проворные коростели.

«Тпрусь-тпрусь! Тпрусь-тпрусь! Тпрусь-тпрусь!» — со всех сторон слышится их громкий, хриплый крик.

Беззвучно несутся в воздухе летучие мыши.

У края тропинки там и там зажглись зеленые фонарики светляков.

Тихо в ночном лесу. Чуть слышно журчит скрытый лесной ручеек. Душисто пахнут ночные красавицы — фиалки.

Вот проковылял, хрустнул сучком, отправляясь на промысел, заяц-беляк. Отбросив легкую тень на поляну, пролетела и скрылась сова.

В глубине леса вдруг ухнул и захохотал, как в страшной сказке, филин-пугач.

Испугалась филина, проснулась в гнезде, робко пискнула лесная маленькая птичка...

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

Пришел сентябрь. После знойного лета, после августовских теплых дней наступила золотая осень.

По опушкам лесов еще растут грибы: красноголовые подосиновики, зеленоватые и розовые сыроежки, скользкие грузди и душистые рыжики. На старых больших пнях жмутся друг к дружке тонконогие опенки.

В моховых болотах ожерельем рассыпана по кочкам румяная клюква. На освещенных солнцем лесных полянах краснеют гроздья рябины.

Чист и прозрачен воздух. Далеко слышны звуки, отчетливо разнятся голоса.

На дне лесного ручья виден каждый камешек, каждая тонкая травинка.

По прозрачному высокому небу бегут и бегут облака. В погожие дни многие птицы готовятся к отлету. Уже улетели ласточки, быстро-

крылые стрижи. Остаются зимовать рябчики, тетерева, куропатки. В шумные стайки собираются скворцы, улетают на юг певчие птицы. В дальний путь отправляются дикие гуси, покидают родные болота длинноногие журавли.

УЛЕТАЮТ ЖУРАВЛИ

В золотые осенние дни собирались к отлету журавли. Готовясь в далекий путь, покружили они над рекой, над родным болотом. Сбравшись в стройные косяки, потянули в дальние теплые страны.

Через леса, через поля, через шумные города высоко в небе летели журавли. В глухом лесу, на краю болота, остановились на отдых.

Еще до рассвета проснулись чуткие журавли.

Чуть брезжит над рекой, над лесными черными макушками ранняя зорька. Темным и мрачным кажется в эту пору глухой лес.

Один за другим журавли поднимаются с болота.

В этот ранний час в лесу просыпаются птицы, бегают по берегу проворные кулики.

Скоро взойдет над рекой и лесом веселое солнце. Все тогда засияет, все переменится в осеннем темном лесу.

Высоко поднимутся журавли. С высокого ясного неба услышим их прощальные голоса.

До свидания, до свидания, журавли! До радостной встречи весной!

ЛОСЬ

Много лосей живет в наших лесах. Иногда старые и молодые лоси близко подходят к людным селениям и шумным городам, бродят по городским паркам, на глазах людей переплывают реки, перебегают наезженные большие дороги. Люди заботливо берегут и охраняют редкостных красивых зверей, а умные лоси людей почти не страшатся.

Вот вышел из леса на край болота старый сохатый — лось. Стал посреди мелкого пожелтевшего березняка. Поднял голову с тяжелыми ветвистыми рогами и заревел громко.

Ранним утром далеко слышен грозный рев могучего лесного богатыря. Примолкли, слушают его звери и птицы. А где-то далеко, за болотом, отозвался, заревел другой старый лось.

Так каждую осень в наших глухих лесах ревут по утрам старые лоси, вызывают на бой своих соперников — лесных богатырей.

ГЛУХАРЬ НА ГАЛЬКЕ

Широко раскинулось глубокое лесное озеро с прозрачной, чистой водой. Восходит над лесом и озером солнце.

На яркий, осыпанный росинками-алмазами расписной ковер похожи берега пустынного озера. Над болотными кочками, заросшими вереском, мхом, багульником и голубицей, стоят редкие сосны.

Тихо утром в глухом лесу. Изредка пропищит синичка; перепорхнет, сядет долбить дерево дятел.

Еще на рассвете вылетел на береговую гальку мошник-глухарь. Ходит у самой воды, выбирает и клюет крепкие круглые камешки.

В таежных глухих лесах каждую осень вылетают глухари по утрам на берега рек и озер клевать береговую чистую гальку. Крепкие круглые камешки нужны глухарям, чтобы перемалывать, перетирать в зобах грубую зимнюю пищу. Всю долгую зиму будут питаться глухари колючей и жесткой сосновой хвоей.

Ходит по гальке глухарь, выбирает крепкие камешки. Не шелохнется прозрачное озеро. Выше и выше поднимается над лесом осеннее солнце.

БЕЛЯК

По лесу прошли лоси, нашумели, испугали зайчишку-беляка. Вскочил из своего логова трусливый зайчишка. Сел, слушает. Страшно робкому зайчишке-беляку. Много у него в лесу врагов.

Вдруг подкрадется хитрая лисица, или схватит голодный волк, или спрыгнет с дерева и загрызет быстрая рысь...

Всякого шума боится беляк. Заскрипит дерево — кажется беляку, это идут злые волки. Прыгнет из-под ног лягушонок — тоже страшно зайчонку. Гугукнет ночью сова — у беляка душа в пятки.

Почти весь год в страхе живет зайчишка-беляк. А всего страшнее ему в осенние прозрачные дни. Где ни ляжет, ни спрячется, его видно издалека: кругом все желтое, золотое, а порточки у бедняги уже побелели. Ни ночью, ни днем не спит робкий беляк.

Ждет не дождется, когда придет зима, выпадет глубокий снег.

Зимою беляк весь белый, только кончики ушей черные.

Зароется он в снежный сугроб — никто его не увидит: ни хитрая лисица, ни волк, ни быстрая рысь.

Е Ж

Через пни и колоды, через высокие заросшие кочки, через лесные открытые поляны пробирается в свое логово еж.

Осенью у ежей мало добычи. Попрятались в землю черви, скрылись юркие ящерицы, в кружки свились скользкие змеи и черные ужи. Трудно находить жуков и глупых лягушек.

В ясные осенние дни готовит себе хлопотливый труженик еж теплое зимовище. Ночью и днем таскает в нору под старым пнем душистые сухие листочки и мягкий лесной мох — стелет зимнюю постель.

Скоро заберется еж в свое логово на всю долгую зиму. Больше не станет бегать по лесу, ловить червей и жуков.

Придет зима, накроет его нору глубокий снежный сугроб. Под глубоким сугробом, как под толстым пушистым одеялом, тепло ежу.

Никто не найдет его логова, никто не разбудит. До весеннего солнышка всю зиму проспит еж, и будут ему сниться лесные ежиные сны.

БЕЛКИ

В темном еловом лесу с утра до позднего вечера без усталости хлопочут проворные белки. То заберутся на вершину высокой ели, то перемахнут с сучка на сучок, то вниз головой спускаются на землю собирать грибы.

В развилине елового сучка белки развесили сушить красноголовый подосиновик, тонконогие маленькие опенки. В лесных кладовых спрятали отборные, вкусные орехи.

Поздней осенью переменяют белки свои красные платица на серые зимние шубки.

В вершинах густых елок устроены у белок теплые гнезда. В этих гнездах, в устланных мягким мхом глубоких дуплах белки воспитывают и кормят своих маленьких бельчат, зимою спасаются от лютых морозов и холодных ветров.

Самый веселый, самый проворный и хлопотливый зверек в наших лесах — шустрая белка.

РЫСЬ

Вечером, после охоты, вышла осторожная рысь на лесную поляну. Несет в зубах краснобрового тетерева-косача.

Тихо и мрачно вечером в глухом лесу. Стоят, не шевелятся высокие темные ели. Легко и неслышно скачет под ними чуткая рысь.

Слышит рысь, как падают с деревьев, кружась в воздухе, сухие листья, как свистит в лесной чащобе рябчик и попискивают шустрые синички, как перепорхнул, уселся на сухом дереве дятел.

Все видит, все слышит рысь в глухом лесу.

И лето и зиму скитаются по лесу, ищут добычу чуткие рыси. То поймают неосторожного зайчишку-беляка, то схватят белку или под-

крадутся к задремавшему тетереву-косачу, на ходу проглотят лесную мышь.

Трудно увидеть осторожную и чуткую рысь. Неслышно ходит и далеко слышит рысь, умеет забираться на высокие густые деревья.

ВЕЧЕР В ЛЕСУ

Быстро наступает вечер в глухом лесу.

Темные тени лежат под деревьями. Недвижно высятся старые сосны, чернеют густые разлапые ели.

Пахнет в лесу смолой, сосновой хвоей, осенней опавшей листвой.

Скрылось за деревьями вечернее низкое солнце.

Еще не спят, кормятся в лесу птицы.

Вот на стволе дерева уселся красноголовый черный дятел — желна. Он звонко долбит сухое дерево.

Далеко слышен в вечернем тихом лесу торопливый стук дятла. Будто сказочный лесной часовой барабанит вечернюю зорю.

Вертятся возле дятла шустрые синички, подбирают жучков и червяков.

Скоро наступит в лесу темная, непроглядная ночь. Замолкнут и заснут дневные птицы и звери.

Выйдет из дневного логова зайчишка-беляк, робко заковыляет по сухим, ломким листьям.

Страшно ночью в лесу трусливому зайчишке: то неслышно пролетит сова, то хрустнет сухой веткою рысь, то в дальнем болоте завоют, собирая волчат, злые волки.

ВОЛКИ

Далеко, за непроходимым журавлиным болотом, устроили свое логово, живут в лесу волки.

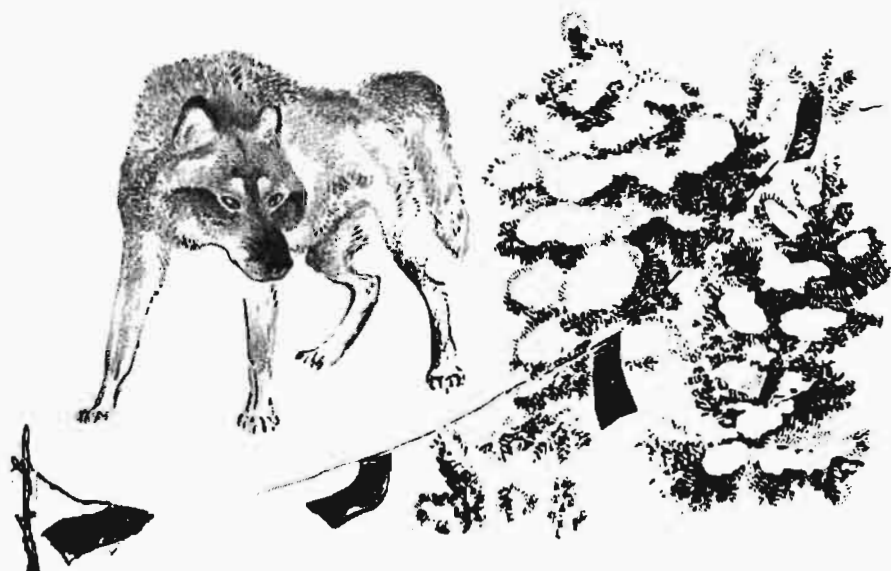
Еще весной родились у волков их маленькие волчата-щенята.

Все лето и осень кормят прожорливый выводок старые волки. Где поймают зайчишку, где из колхозного стада унесут овечку, где задавят жирного гуся. Много вреда делают жадные волки.

Каждое утро и вечер волки таскают в свое логово добычу.

Приближаясь к логову с добычей, они каждый раз громко воют. На разные голоса отвечают им малые и большие волчата. Старые волки собирают и кормят волчат.

Весело живут в лесу подрастающие волчата. Между кустами мож-

жевательника по мягким моховым кочкам гоняются они друг за дружкой, грызут кости, играют в прятки.

Поздней осенью, когда выпадет снег и подрастут волчата, всей семьей выйдут из лесного логова волки. Будут бродить вокруг деревень по глухим дорогам.

Осенью и зимою далеко слышен по ночам вой волков, промышляющих добычу.

ЗИМА В ЛЕСУ

Выпал снег.

Чистой белой скатертью покрылась и отдыхает земля. Глубокие высятся сугробы.

Тяжелыми белыми шапками накрылся и притих лес.

На скатерти снегов видят охотники красивые узоры звериных и птичьих следов.

Вот у обглоданных осинок натропил ночью зайчишка-беляк; подняв черный кончик хвоста, охотясь за птичками и мышами, пробежал горностай. Красивой цепочкой вьется по лесной опушке след старого лисовина. По самому краю поля, след в след, прошли разбойники-волки.

А через широкую наезженную дорогу, взрывая копытами снег, перешли лоси...

Много крупных и мелких зверей и птиц живет и кормится в накрытом снежною нависью, притихшем зимнем лесу.

НА ОПУШКЕ

Тихо раннее утро в зимнем лесу. Спокойно наступает рассвет.

По лесной опушке, у края снежной поляны, пробирается с ночной охоты рыжий старый лисовин.

Мягко похрустывает, пухом рассыпается под ногами лисовина снег. Лапка за лапкой выются за лисовином следы.

Слушает и смотрит лисовин, не запишит ли под кочкой в зимнем гнезде мышь, не выскочит ли из куста длинноухий неосторожный зайчишка.

Вот шевельнулась в сучках и, увидев лисовина, то-о-о-ненько — пик! пик! — пискнула синичка-королек. Вот, пересвистываясь и порхая, пролетела над опушкой стайка клестов-еловиков, торопливо рассыпалась по вершине украшенной шишками ели.

Слышит и видит лисовин, как взвершилась на дерево белка, а с густой закачавшейся ветки, рассыпаясь алмазною пылью, свалилась снежная шапка.

Все видит, все слышит, все знает в лесу старый, хитрый лисовин.

ТЕТЕРЕВА

Взошло, заиграло над лесом веселое зимнее солнышко, зажгло янтарным светом снега.

Вылетели из ночных лунок, из глубокого пушистого снега красавцы-тетерева, расселись на освещенной солнцем, украшенной кружевным инеем березе.

Кормятся, отдыхают тетерева.

Клюют березовые душистые почки. Спокойно гуляют под деревьями; оставляя на чистой скатерти снега красивые крестики своих следов.

Большими дружными стаями всю зиму живут тетерева. На ночь зарываются в снег, делают в сугробах глубокие ямки — лунки.

Не достанет зарывшихся в снег тетеревов их злейший враг — ястреб.

Не найдет и сам хитрый лисовин.

Издалека видит старый лисовин, как кормятся, сидят на березах, гуляют по снегу красивые, нарядные тетерева.

Слюнки текут у лисовина...

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

Одна за другой идут по зимней дороге нагруженные бревнами тяжелые машины.

Выбежал из лесу лось. Смело перебегает широкую наезженную дорогу.

Остановил шофер машину, любуется сильным, красивым лосем.

Много лосей в наших лесах. Целыми стадами они бродят по засыпанным снегом болотам, скрываются в кустарниках, в больших лесах.

Люди не трогают, не обижают лосей.

Только голодные волки решаются иногда нападать на лосей. Рогами и копытами обороняются от злых волков сильные лоси. Не дают в обиду разбойникам своих безрогих, молодых лосят.

Никого не боятся лоси в лесу. Смело бродят по лесным полянам, переходят широкие просеки и наезженные дороги, нередко подходят близко к селениям и шумным городам.

ГЛУХАРИ

В глухих сосновых лесах живут, зимуют, кормятся смолистою хвоей молоденьких сосен глухари.

Глухарь — самая большая, редкая птица в наших лесах.

Летом скрываются они вместе с лосьми в глухих чащобах, в моховых темных болотах. За это некоторые деревенские охотники называют глухарей «мошниками».

Не всякому удастся увидеть зимой в лесу глухарей, услышать весною их удивительную песню.

Только очень немногие, самые терпеливые и умелые, охотники знают, где живут, скрываются и поют глухари.

Хорошие, умные охотники не стреляют глухарей. Они берегут редкостных лесных птиц и, подкравшись к ним, любуются их силой и красотой.

БЕЛЯК И КУНИЦА

Проходили по лесу лоси, нашумели.

Услыхал зайчишка-беляк, как шумят близко лоси, выскочил из-под елки, прижал уши к спине и помчался со всех заячьих быстрых ног куда глаза смотрят, куда ноги несут.

Бежит по лесу зайчишка и не оглядывается, ничего не видит. Кажется ему, вот-вот догонят, затопчут его огромные лоси.

А на сосне злая куница сидит. Нацелилась куница, оскалила острые зубы, хочет прыгнуть вниз — поймать зайчишку.

Не видит зайчишка куницы. Прижал к спине уши, мчится со всех ног мимо сосны.

Нет, не поймать кунице быстроногого зайчишку-беляка. Прыгнет с дерева, промахнется — и прости-поощай!

Далеко-далеко умчится от нее на своих быстрых ногах длинноухий зайчишка-беляк.

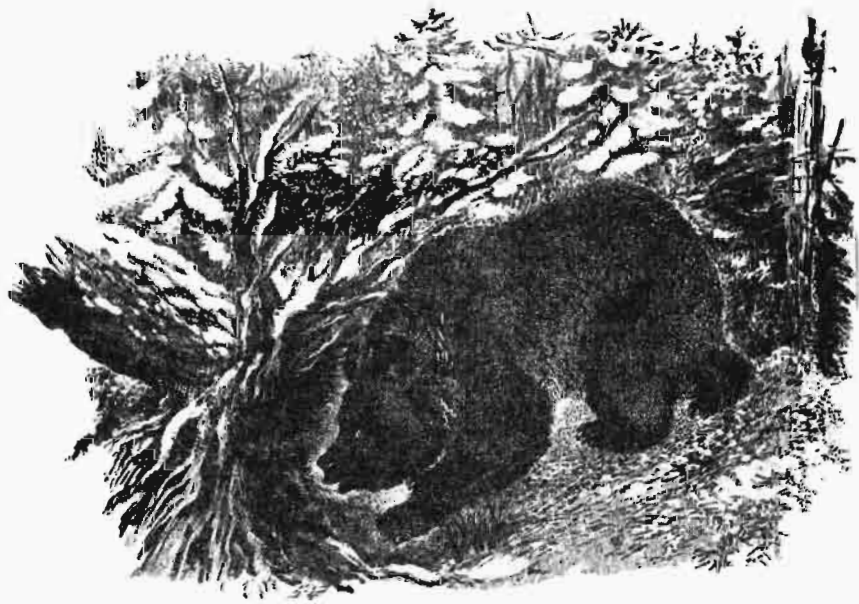
В БЕРЛОГЕ

Ранней зимою, как только выпадет снег, залегают в берлоге медведи.

Старательно и умело — в лесной глуши — готовят они эти зимние берлоги. Мягкой душистой хвоей, корой молодых елочек, лесным сухим мохом выстилают свое жилье.

Тепло и уютно в медвежьих берлогах.

Как только ударят в лесу морозы, засыпают в берлогах медведи. И чем лютее морозы, чем сильнее качает ветер деревья, крепче, непробуднее спят.

Поздней зимою рождаются у медведиц крошечные слепые медвежата. Тепло медвежатам в засыпанной снегом берлоге. Чмокают, сосут молоко, карабкаются на спину матери — огромной, сильной медведицы, устроившей для них теплую берлогу.

Только в большую оттепель, когда начинает капать с деревьев и белыми шариками валится с ветвей снежная навесь, медведь просыпается. Хочет узнать хорошенько: не пришла ли, не началась ли в лесу весна?

Высунется медведь из берлоги, поглядит на зимний лес — и опять до весны на боковую,

ВОЛКИ

Лето и зиму скрываются от людей разбойники-волки.

Поздней зимою, когда ляжет глубокий снег, в морозные метельные ночи бродят волки по полям и занесенным снегом дорогам. Ловят зайчишек, выманивают доверчивых собак.

Далеко слышна зимою их голодная страшная песня.

«Ууу-у-у! Ууу-у-у!» — воют волки, и тревожным лаем отвечают им в селениях чуткие собаки.

После ночного разбоя скрываются волки в лес.

По волчьим следам тихо идут на лыжах охотники с ружьями и красными флажками за плечами.

Осторожно обходят охотники залегших в чащобе волков. На длинных бечевках по сучкам и веткам развешивают вокруг волчьего логова флажки.

Пошевеливает ветер красные языки легких флажков. Чудится волкам в этих флажках опасность.

Спрятались охотники в лесу, спугнули с теплых лежек волков. Увидел старый волк красные флажки, остановился. Не уйдет он теперь из круга, попадется охотнику, спрятавшемуся с ружьем в лесу.

ОЛЕНИ

В больших заповедниках, в наших нетронутых лесах живут благородные олени.

Благородный олень — очень красивое, стройное животное с большими ветвистыми рогами.

Когда-то оленей везде было много. В далекую старину на них охотились с тенетами, травили собаками, убивали стрелами из луков и закалывали острыми копьями.

Охотиться на оленей теперь строго-настрого запрещено. В заповедниках оленей охраняют. Люди истребляют разбойников-волков, причиняющих много зла оленям, заготавливают на зиму сено и ставят в лесу кормушки.

Доверчиво относятся к людям красивые, смелые олени.

На лесной поляне, в сосновом бору, устроена кормушка. Каждый вечер приходят сюда олени. Спокойно едят они сено и почти не боятся, когда близко подойдет человек, чтобы ими полюбоваться.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Наступила ночь в лесу.

По стволам и сучьям толстых деревьев постукивает мороз, хлопьями осыпается легкий серебряный иней.

В темном высоком небе видимо-невидимо рассыпались яркие зимние звезды.

Тихо, беззвучно в зимнем лесу и на лесных снежных полянах.

Но и в морозные зимние ночи продолжается скрытая жизнь в лесу. Вот хрустнула и сломалась мерзлая ветка — это пробежал под деревьями, мягко подпрыгивая, заяц-беляк. Вот что-то ухнуло и страшно вдруг захохотало: где-то закричал филин. Завыли и замолчали волки.

По алмазной скатерти снегов, оставляя узоры следов, пробегают легкие ласки, охотятся за мышами хорьки, бесшумно пролетают над снежными сугробами совы.

Как сказочный часовой, уселся на голом суку головастый серый совынок. В почной темноте он один слышит и видит, как идет в зимнем лесу скрытая от людей жизнь.

РЫСЬ

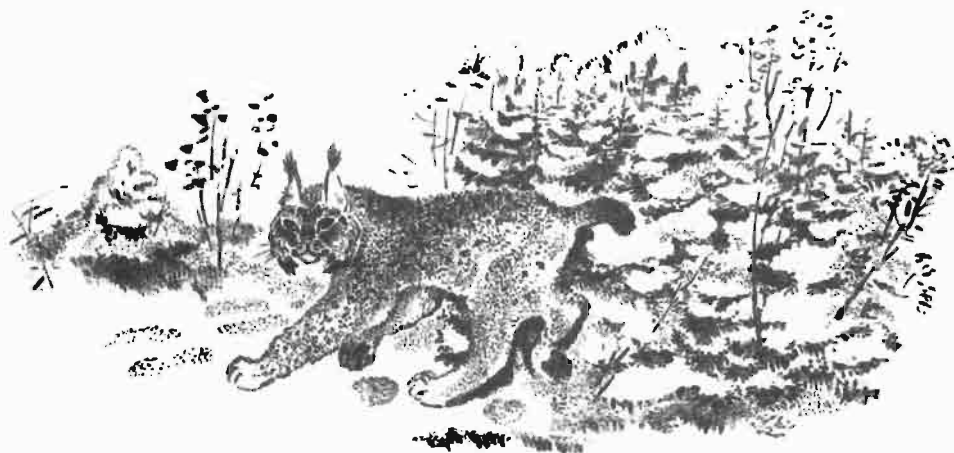
Самый страшный, самый хитрый зверь в лесу — рысь.

Поздним вечером выходит из своего логова рысь на охоту. Осторожно поднимая лапы, крадется она по лесной поляне.

Никого не щадит в лесу разбойница-рысь. Спрятавшись на сучках дерева, ловит она неосторожных, доверчивых зайчишек, хватает зазевавшихся сонных птиц.

Хорошо видят в ночной темноте зеленые рысьи глаза. Неслышно ступают по снегу кошачьи пушистые лапы.

Только очень умелые охотники могут добыть рысь. С опытными, умными собаками они загоняют ее на деревья, ловят в капкан.

Очень трудно поймать или убить осторожную рысь. Не боится она волчьих красных флажков, незаметно уходит от погони.

Радует охотник, если удастся убить из ружья или поймать живую рысь. Долго рассказывает он о счастливой, редкой охоте и показывает своим друзьям красивую, всю в пятнышках рысью шкуру.

ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ

ВЕСНА КРАСНА

1

На огороде распустилась верба: белые пуховки.

Жарче и жарче светит солнце. Днем с крыш капают капли, тают на солнце длинные сосульки. Потемнели, раструхли дороги.

Лед на реке посинел.

На крышах снег растаял. На пригорках и около деревьев и стен оголилась земля.

Весело скачут на дворе воробьи, проводили зиму, радешеньки-рады:

— Жив! Жив! Жив!

Прилетели белоносые грачи. Важные, черные, ходят они по дорогам.

2

В лесу точно кто-то проснулся, смотрит голубыми глазами. Смоляно пахнут ели, и от множества запахов кружится голова. Первые подснежники раздвинули своими зелеными лепестками слежалый прошлогодний лист.

В эти дни тело берез наливается сладким соком, ветви бурют и набухают почки, а из каждой царапины сочатся прозрачные слезы.

Самый час пробуждения наступает неуловимо. Первая ива, а за нею, отведешь невзначай глаза, весь лес стал зеленым и нежным.

Ночами темно так, что, сколько ни старайся, не разглядишь и собственных пальцев. В эти ночи в беззвездном небе слышен свист бесчисленных крыльев,

3

Жук прогудел, стукнулся о березу и замолк. Комар дудит над болотом. А в лесу по сухому листу хорь — шух! шух! И заиграл в небе первый баранчик-бекас.

Загомонили на болоте журавли.

Завопила человеческим голосом сова, и один за другим жалобно откликнулись ей по лесу зайцы.

Серый волк, хоронясь кустами, прошел на болото.

По осветлевшему небу протянул первый зазябший вальдшнеп, цвиркнул над лесом и скрылся.

4

Громче и громче на суку играет глухарь. Поиграет — и слушает долго, вытянув шею. А хитрый охотник стоит недвижно, ждет новой песни — тогда около глухаря пали хоть из пушки.

Первый навстречу солнцу столбом поднялся с межи жаворонок, выше и выше, и полилась на землю его золотая песня. Он первым увидит сегодня солнце.

А за ним, на полянах, распустив хвосты, пошли в хороводе тетерева-косачи. Далеко по заре слышен их гулкий голос.

5

Взошло солнце — не успеешь ахнуть.

Сперва закрылись самые маленькие окошечки-звезды. Только одна большая звезда осталась гореть над лесом.

Потом небо зазолотилось. Дыхнуло ветерком и потянуло лесной фиалкой. Грохнул по заре выстрел и долго катился по полям и лесам и перелескам. На минуту все приумолкло, а потом хлынуло еще звонче.

6

Над рекой и лугом повис текучий белый туман.

Зазолотились макушки — сильный и веселый кто-то по лесу вскрикнул! — поднялось над землею ослепительное солнце.

Смеется солнце, играет лучами. И нет сил, глядя на солнце, сдержаться:

— Солнце! Солнце! Солнце! — поют птицы.

— Солнце! Солнце! Солнце! — цветы раскрываются.

КРАСНОЕ ЛЕТО

1

На реке, в заводях, раскрылись белые лилии и желтые кувшинки. Буйно цветет над водою водяная кашка.

Дикая утка вывела из осоки своих утят, учит их плавать и ловить мошек. Летают над водою белые и синие стрекозы и гудят над цветущей кашкой деловитые пчелы.

Плавают в воде пузатые караси, а под плавучей травой затих, притаился зубастый щучонок.

Ходко бегает по пруду на длинных лапках водяные пауки — членики,

2

На берегу трава выше колена. Звонят по ветру лиловые колокольчики, встряхивается белая кашка и качаются пушистые одуванчики. На листке подорожника сидит большой зеленый кузнечик, играет на скрипке.

Пролетел над цветами, раскрыв крылья, красный трескунчик.

Высоко в небе — быстрые ласточки,

3

На зеленых широких лугах, возле светлой реки, от зари до зари работают в сенокос люди.

Ярко блестят острые косы. Покрытая росой, густыми рядами ложится высокая пахучая трава.

Далеко за рекою слышатся веселые песни косцов.

Под руками колхозников вырастают на лугах высокие башни-стога.

Медом, полевыми цветами густо пахнет в жаркий день свежее сено.

4

На крутом берегу, там, где начинается сосновый бор, выпало земляники видимо-невидимо.

Качается под ветром высокая зеленая трава. Гоняются над лугом

друг за дружкой веселые стрекозы и перепархивают разноцветные бабочки.

Между травинками по сухим земляным комочкам, по сухой траве спешат-бегут хлопотливые муравьи, несут травинки — строить себе высокий дом.

- А над муравьями качается, алея, пахучая земляника,

5

Хорошо бегать по зеленому душистому лугу и, набегавшись, по-лежать в траве под березами.

И, глядя в небо, слушать кукушку.

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Это вам на счастье,

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Это вам на радость.

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Это вам на веселье.

6

Накатилась синяя туча, с грядой серых облаков, и зашумела.

Прокатился по саду вихорь, поднял до самого неба сухие листочки и опустил за околицей.

Упали первые тяжелые капли.

Сверкнула молния.

И ударил гром.

Побежали по двору, опустив хвосты, куры.

Капля за каплей, ударил проливень с градом.

Скачет град по дороге — белый горох.

Дождь, дождь, пуще.

Дадим тебе гуши,

Дадим каши, —

Лей на нивы наши!

7

Тише дождь — посветлело за окнами. Струится по стеклам. Побежали по дорогам ручьи, омывая грязь и сор. Набряк, позеленел под окнами луг. Уткам раздолье — прочищают перышки как ни в чем не бывало.

Улыбнулось из-за тучи солнышко, и загорелась на небе над рекою семицветная радуга. А дождь сквозь солнце — к грибам, пойдут расти грибы.

Теперь босиком на волю, бегать по лужам, по набрякшей, помолодевшей траве!

Туча дальше и дальше.

Глуше и глуше гром.

Над лесом, освещенные солнцем, от земли до неба стоят столбы: там дождь идет.

8

Покуда глаз хватит — золотое поле — море золотое.

Ходят по золоту бегучие волны, клонят колосья.

Вот ползет по соломинке красный жучок — божья коровка, ползет вверх и расправляет крылья.

Никто во ржи тебя не увидит, разве жаворонок с неба да пролетающий над полем ястреб-мышелов увидят и скажут:

— Никак это маленький заяц прячется там во ржи!

9

Когда по березовым опушкам ковром высыплет иван-да-марья, ступай с туеском за грибами. Сухо в лесу; залепляя глаза, садится на лицо паутина.

В траве по опушкам сидят крепкие боровики, розовеют под палым листом мокрые сыроежки, краснеют по кочкам важные мухоморы, и, словно малые ребята, толпятся черноголовые подберезовики.

Между белыми стволами берез растет молодой ельник — подсед, и, чем глубже в лес, чаще мурашковые высокие кучи. Звонко стучит по

сухому дереву дятел, свистят на березах скрытные иволги. Свежо в лесу и пахуче. И так покоен воздух, что долго и тихо, кружась в нем, падает на землю сухой желтый листочек.

10

Клонятся, падают на полях под машиной тяжелые зрелые колосья. Ходят за трескучей машиной девушки-колхозницы, быстрыми руками вяжут золотые толстые снопы.

А на краю поля, у наезженной пыльной дороги, гулко шумит молотилка.

Тяжелое, крепкое льется в мешки зерно. Высокой горою растет над молотилкой омет золотой свежей соломы.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

1

Ночью в лесу слышно, как падают мертвые медленно листья. Пчелы затаились, изгнав ленивых трутней, больше не вылетают. Дедушка Игнат глиной замазал в ульях летки.

Сняли в саду налитую пахучую антоновку, сложили в ровные грудки. Красный среди желтых, упавший с яблони лист кажется издали подосиновиком.

Рыболовы ходили копать смолу — поедут лучить рыбу.

Налетел ветер, потрянул голыми липами. В саду над землей, доставая небо, взлетели, кружась и падая, желтые листья.

Холоднеет...

2

Бабочки-траурницы и осенние крапивошницы провожают лето, садятся на жохлую яблоневую кору. Их можно брать руками — не улетают.

Только осенью может случиться: идешь, задумавшись, по лесу и вдруг станешь: чувствуешь запах, чем-то крепким, как хлеб печеный, пахнет. Глянешь вверх — там светло-желтые листья, все целы — дуб!

Кое-где желтеет запоздалый цветок. Травы высыпали в землю свои семена, и под ветром качаются их голые стебли. Еще зеленеет на пастбищах подъеденная травка, такой и под снег ляжет.

Далеко слышна пастушья труба.

Еще держится изъеденный жучками лист на черной ольхе.

Одна ель спит и ничего не видит. Падет пороша — проснется.

3

На перепаханных голых полях, за деревню, убирают колхозники спелый картофель.

Позднью осенью срезают на огородах капусту — тяжелые, светло-зеленые кочаны.

В высокие груды насыпана между грядками выкопанная красная морковка и толстая сладкая репа.

На краю леса еще краснеет обсыпанная ягодами высокая рябина, яркими круглыми бусами алеют на огороде зрелые ягоды малины.

4

Кудрявый можжевельник обсыпан черными бусами — ждет не дождется снегу.

В неделю, как сожженная, легла ботва на картошке.

Травы и деревья поют последнюю песню, хвалят землю, хвалят жаркое солнце, хвалят теплые дожди.

Между сухими листьями — нет-нет — крепкая головка подосиновика. Срежешь ее — почернеет корешок.

Белка нагребла орехов — на подбор ядреные — ждет осенних дождей: белке и коту от мокроты беспокойство. А зимой пойдет скакать по еловым макушкам, швыряться шишками.

Отпотевают в комнате окна, а ветер чаще и шибче.

5

Под частой елочкой, под зеленой еловой лапой, строит дом свой заяц-беляк.

Белка переменяла на зиму шубку, починает гаюшку-гнездо, чтобы не дуло, не надувало в гаюшку снегу.

Лисичка-сестричка бегают по полям, ищет мышиные норы.
Хорь-скакун забрался под старый пенёк. У хоря под пнем хоромы — двадцать комнат. Хорь — зверь ловкий.

Еж Ежович накрылся палым листом, заснул на целую зиму.
Сестрички-кунички по елкам гоняются. У куничек дом готовый, а зима им раздолье, будут бегать по елкам друг за дружкой.

Крот глубоко ушел в землю, застыл до весны.
Белые ласочки и лесные мышки — поглубже в мох, под древесные корни.

Лягушки-квакушки зарылись в мох недвижно,
Застыли под хворостом юркие ящерицы.

6

А лучше, а теплее всех — Михайле Михайловичу: забрался он в берлогу, припал к лапе и — на боковую. Будет всю зиму видеть лесовые сны, слушать, как скрипят над берлогою высокие ели.

Хуже всех бездомнику-волку: от куста под куст, от беды к беде, в морозные ночи, когда под звездным небом мерцает снег, будет он долго и жалобно петь на перекрестке свою горькую волчью песню:

«У-у-у! У-у-у! У-у-у!»

ЗИМА ВЬЮЖНАЯ

1

Пролетело жаркое лето, прошла золотая осень, выпал снег — пришла зима.

Подули холодные ветры. Голые стояли в лесу деревья — ждали зимней одежды. Ели и сосны стали еще зеленее.

Много раз большими хлопьями начинал падать снег, и, просыпаясь, люди не узнавали поля, такой необыкновенный свет светил в окно.

По первой пороше охотники пошли на охоту. И целыми днями слышался по лесу залиvistый лай собак.

2

Стоит охотник на краю леса, ждет.

Колобок не колобок — катится через дорогу серый.

Свистнул охотник, остановился серый, стал на задние лапы, поднял уши — слушает, далеко ли собаки.

Поднял охотник ружье...

3

Звонко стучат на морозе топоры. Вздрыгнув вершиной, грузно валятся на землю высокие, покрытые инеем деревья. Хорошо пахнет в лесу смолой и хвоею.

У большого соснового пня жарко полыхает костер, синий, пахучий стелется дым.

Греются у огня озябшие лесорубы, громко смеются.

— Ай да мороз!

4

Едут лесорубы в лес, а борода у лесоруба белая, на усах сосульки, на шапке пушистый снег. Лошаденка косматая в инее. Бежит лесоруб позади саней, валенками скрипит, рукавицами прихлопывает.

— Ай да мороз!

А в лесу Мороз кружева развесит. Ни пером описать, ни в сказке сказать. Зацепишь дугою — летит за воротник снежная легкая пыль.

5

Протянулся через дорогу и скрылся в ельнике заячий разгонистый след. Лисий, строченый, лапка за лапкой, вьется вдоль дороги. Белка перебежала дорогу и, вздернув пушистым хвостом, махнула на елку.

На вершинах елок грозди темно-лиловых шишек. Прыгают по шишкам бойкие птички — клесты. А внизу, на рябине, рассыпались грудастые краснозобые снегири и, сполохнувшись, всей стаей слетели и, точно бусы, уселись на ветвях голой березы, стряхнув серебряный иней.

6

На улицах ходит ночью Мороз, темно в окнах, а в комнате тепло и уютно, горит светлая лампа, старая бабушка вяжет чулок.

Кот Васька забрался на печку.

Зимой и игры зимние: вечером — дома, а утром в погожий день ребята катаются с гор, а в оттепель лепят бабу.

А кто постарше — в школу.

7

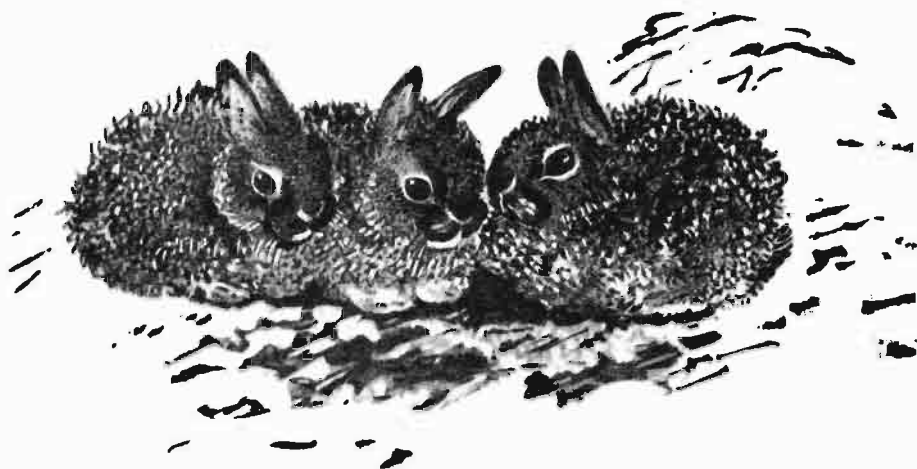
Ходит Мороз по двору, постукивает, погромыхивает. Ночь звездная, окна синие, на окнах Мороз ледяные цветы нарисовал — никому таких не вырисовать.

— Ай да Мороз!

Ходит Мороз; то в стену стукнет, то по воротам шелкнет, то отряхнет иней с березы и вспугнет задремавших галок. Скучно Морозу. От скуки пойдет на реку, стукнет по льду, станет звезды считать, а звезды лучистые — золотая озимь.

Утром затопят печи, а Мороз тут как тут — замороженными столбами стали над деревней голубые на позолотевшем небе дымы.

— Ай да Мороз!..

ЛИСТОПАДНИЧЕК

Осенью, когда осыпался с деревьев золотой лист, родился у старой зайчихи на болоте три маленьких зайчонка.

Называют охотники осенних зайчат листопадничками. Каждое утро смотрели зайчата, как разгуливают журавли по зеленому болоту, как учатся летать долговязые журавлята.

— Вот бы и мне так полетать, — сказал матери самый маленький зайчонок.

— Не говори глупости! — строго ответила старая зайчиха. — Разве зайцам полагается летать?

Пришла поздняя осень, стало в лесу скучно и холодно. Стали собираться птицы к отлету в теплые страны. Кружат над болотом журавли, прощаются на всю зиму с милой зеленой родиной. Слышится зайчатам, будто это с ними прощаются журавли:

— Прощайте, прощайте, бедные листопаднички!

Улетели в далекие страны крикливые журавли. Залегли в теплых берлогах лежебоки-медведи; свернувшись в клубочки, заснули колючие ежи; спрятались в глубокие норы змеи. Стало еще скучнее в лесу. Заплакали листопаднички-зайчата:

— Что-то будет с нами? Замерзнем зимой на болоте.

— Не говорите глупости! — еще строже сказала зайчиха. — Разве замерзают зайцы зимой? Скоро вырастет на вас густая, теплая шерстка. Выпадет снег, будет нам в снегу тепло и уютно.

Успокоились зайчата. Только один, самый маленький листопадничек-зайчонок никому покоя не дает.

— Оставайтесь здесь, — сказал он своим братьям. — А я один побегу за журавлями в теплые страны.

И убежал тихонько из родного гнезда маленький зайчонок искать журавлиные теплые страны.

Бежал, бежал Листопадничек по лесу, прибежал к глухой лесной речке. Видит, бобры строят на речке плотину. Подгрызут острыми зубами толстое дерево, ветер подует, упадет дерево в воду. Запрудили речку, можно ходить по плотине.

— Скажите, дяденьки, зачем вы валите такие большие деревья? — спрашивает Листопадничек бобров.

— Мы для того валим деревья, — говорит старый Бобр, — чтобы приготовить на зиму корм и новую хатку поставить для наших маленьких бобряток.

— А тепло в вашей хатке зимой?

— Очень тепло, — отвечает седой Бобр.

— Пожалуйста, возьмите меня в вашу хатку, — просит маленький зайчонок.

Переглянулись Бобр с Бобрихой и говорят:

— Взять тебя можно. Наши бобрятки будут рады. Только умеешь ли ты плавать и нырять?

— Нет, зайцы плавать и нырять не умеют. Но я скоро у вас научусь, буду хорошо плавать и нырять.

— Ладно, — говорит Бобр, — вот наша новая хатка. Она почти готова, осталось только крышу доделать. Прыгай прямо в хатку.

Прыгнул Листопадничек в хатку. А в бобровой хатке два этажа. Внизу, у воды, приготовлен корм для бобряток — мягкие ивовые ветки. Наверху настлано свежее сено. В уголке на сене сладко-сладко спят пушистые бобрятки.

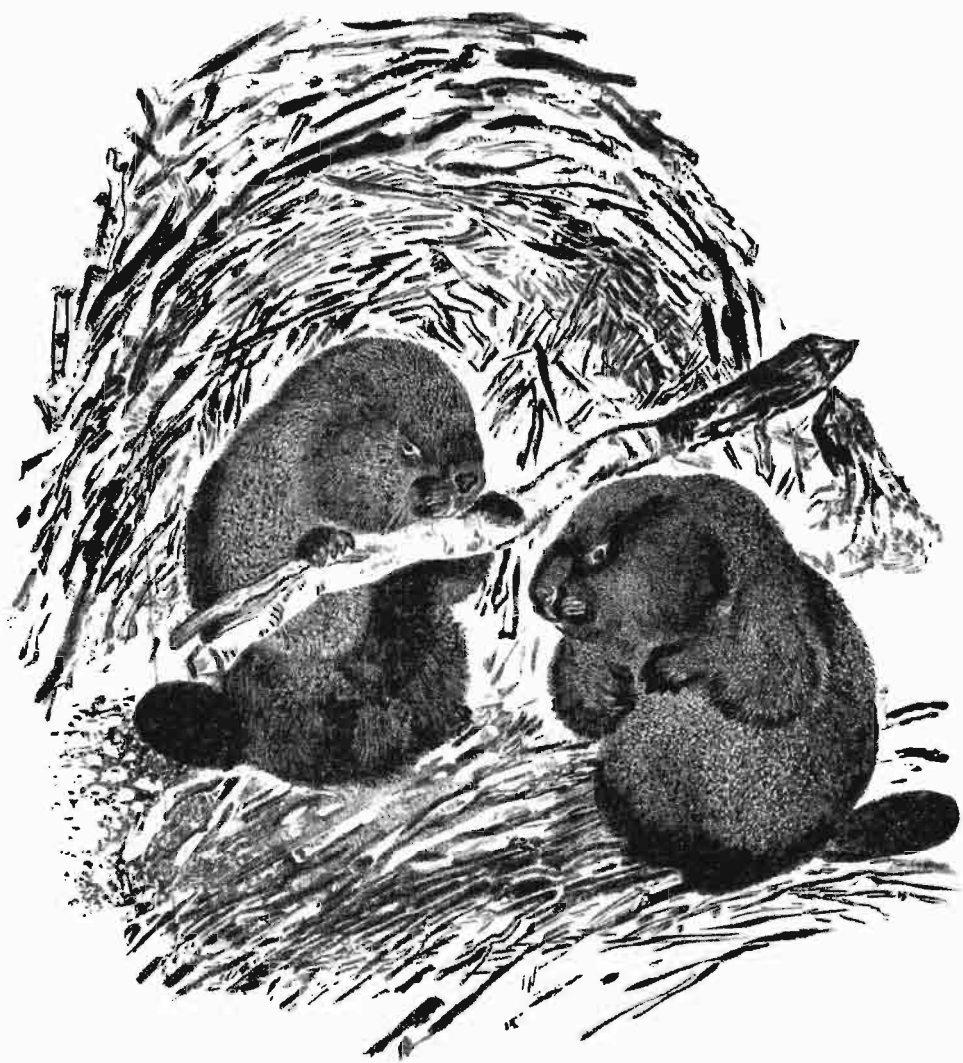
Не успел хорошенько осмотреться зайчонок, как бобры над хаткой крышу поставили. Один бобр обглоданные палки таскает, другой замазывает крышу илом. Толстым хвостом громко пришлепывает, как штукатур лопаткой. Ходко работают бобры.

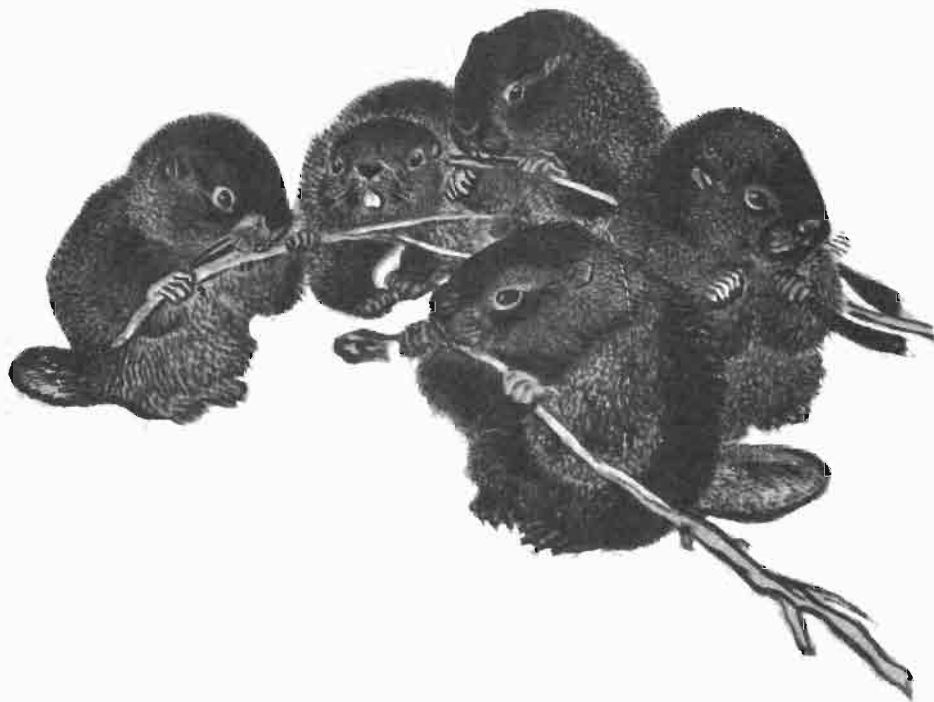
Поставили бобры крышу, стало в хатке темно. Вспомнил Листопадничек свое светлое гнездо, старую мать-зайчиху и маленьких братьев.

«Убегу-ка в лес, — думает Листопадничек. — Здесь темно, сыро, можно замерзнуть».

Скоро вернулись бобры в свою хатку. Отряхнулись внизу, обсушились.

— Ну как, — говорят, — как ты себя чувствуешь, зайчонок?

— У вас все очень хорошо, — говорит Листопадничек. — Но мне нельзя долго здесь оставаться. Мне пора в лес.

— Что делать, — говорит Бобр, — если нужно, ступай. Выход из нашей хатки теперь один — под водою. Если научился хорошо плавать и нырять — пожалуйста.

Сунул Листопадничек лапку в холодную воду:

— Бррр! Ах, какая холодная вода! Уж лучше, пожалуй, у вас на всю зиму останусь, я не хочу в воду.

— Ладно, оставайся, — говорит Бобр. — Мы очень рады. Будешь у наших бобрятки нянькой, будешь им корм приносить из кладовой. А мы пойдем на реку работать, деревья валить. Мы звери трудолюбивые.

Остался Листопадничек в бобровой хатке. Проснулись бобрятки, пищат, проголодались. Целую охапку ивовых мягких веток притащил для них из кладовой Листопадничек. Очень обрадовались бобрятки, стали глотать ивовые ветки — быстро-быстро. Зубы у бобров острые, только щепки летят. Обглодали, опять пищат, есть просят.

Намучился Листопадничек, таская из кладовой тяжелые ветки.

Поздно вернулись бобры, стали прибирать свою хатку. Любят бобры чистоту и порядок.

— А теперь, — сказали они зайчонку, — пожалуйста, садись с нами кушать.

— Где у вас репка лежит? — спрашивает Листопадничек.

— Нет у нас репки, — отвечают бобры. — Бобры ивовую и осиновую кору кушают.

Отведал зайчонок бобрового кушанья. Горькой показалась ему твердая ивовая кора.

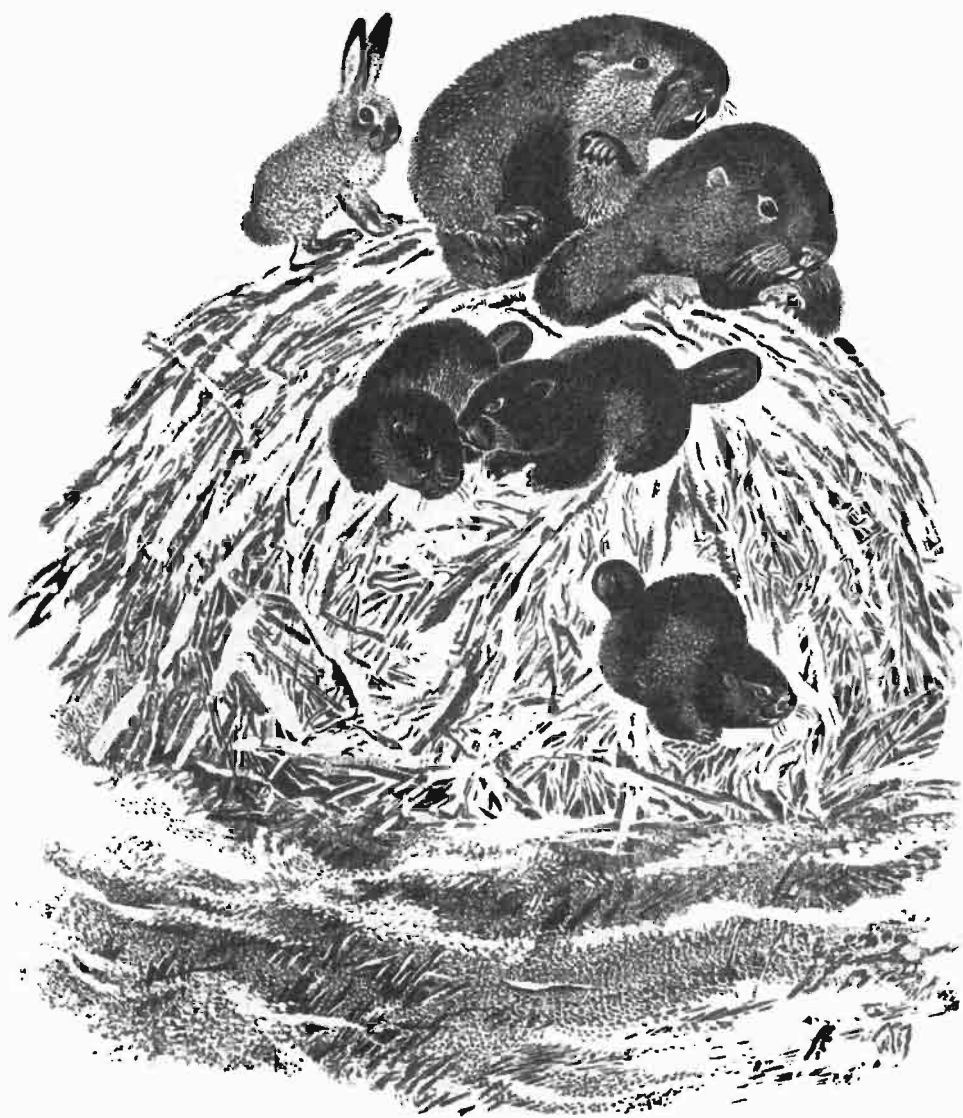
«Эх, видно, не видать мне больше сладкой репки!» — подумал листопадничек-зайчонок.

На другой день, когда ушли бобры на работу, запищали бобрята — есть просят.

Побежал Листопадничек в кладовую, а там у норы незнакомый зверь сидит, весь мокрый, в зубах большущая рыбина. Испугался Листопадничек страшного зверя, стал изо всех сил колотить лапками в стену, звать старых бобров.

Услыхали бобры шум, мигом явились. Выгнал старый Бобр из норы незваного гостя.

— Это разбойница выдра, — сказал Бобр, — она нам делает много зла, портит и разоряет наши плотины. Только ты не робей, зайчонок: выдра теперь не скоро покажется в нашей хатке. Я ей хороших тумачков надавал.

Выгнал Бобр выдру, а сам — в воду. И опять остался Листопадничек с бобрятами в сырой темной хатке.

Много раз слышал он, как подходила к хатке, пригнувшись, хитрая лисица, как бродила возле хатки злая рысь. Жадная росомаха пробовала ломать хатку.

За долгую зиму большого страху натерпелся листопадничек-зайчонок. Часто вспоминал он свое теплое гнездо, старую мать-зайчиху.

Раз случилась на лесной речке большая беда. Ранней весной провала вода построенную бобрами большую плотину. Стало заливать хатку.

— Вставайте! Вставайте! — закричал старый Бобр. — Это выдра испортила нашу плотину.

Бросились вниз бобрята — бултых в воду! А вода все выше и выше. Подмочила зайчонку хвостик.

— Плыви, зайчонок! — говорит старый Бобр. — Плыви, спасайся, а то пропадешь!

У Листопадничка со страху хвостик дрожит. Очень боялся холодной воды робкий зайчонок.

— Ну что с тобой делать? — сказал старый Бобр. — Садись на мой хвост да держись крепче. Я научу тебя плавать и нырять.

Уселся зайчонок на широкий бобровый хвост, крепко лапками держится. Нырнул Бобр в воду, хвостом вильнул, — не удержался, как пуля вылетел Листопадничек из воды. Волей-неволей пришлось к берегу плыть самому. Вышел на берег, фыркнул, встряхнулся и — со всех ног на родное болото.

А старая зайчиха с зайчатами спала в своем гнезде. Обрадовался Листопадничек, прижался к матери.

Не узнала зайчиха своего зайчонка:

— Ай, ай, кто это?

— Это я, — сказал Листопадничек. — Я из воды. Мне холодно, я очень озяб.

Обнюхала, облизала Листопадничка зайчиха, положила спать в теплое гнездо. Крепко-крепко заснул возле матери в родном гнезде Листопадничек.

Утром собрались слушать Листопадничка зайцы со всего болота.

Рассказал он братьям и сестрам, как бегал за журавлями в теплые страны, как жил у бобров, как научил его старый Бобр плавать и нырять.

С тех пор по всему лесу прослыл Листопадничек самым храбрым и отчаянным зайцем.

ДОМИК В ЛЕСУ

Наш маленький домик стоит в лесу на берегу реки.

Зимой и летом мы приезжаем из шумного города, чтобы отдохнуть в этом маленьком теплом домике. Зимой ходим на лыжах в знакомый лес. Ранней весной наблюдаем за прилетом птиц, чистим и ставим на деревьях возле домика скворешни. Смотрим, как просыпается и оживает весной земля, одевается лес и какие цветы раскрываются.

ЧЕРЕМУХА

Под самым окном нашего домика распустилась и цветет черемуха.

Черемуха — очень веселое деревцо. Она всегда улыбается, а весной, когда душистые белые цветы сплошь ее покрывают, — даже смеется. Любуясь цветущей черемухой, сам невольно начинаешь улыбаться.

Ранней весной мы приглядываемся к черемухе. Если на ней раскрылись зеленые почки, — значит, окончательно проснулась и потеплела земля, а весна вошла в полную силу.

ТРОПИНКА

Через поляны, через душистый сосновый бор и веселые березовые перелески вьется лесная тропинка.

Весною и летом мы ходим гулять по этой любимой тропинке.

Гуляя по лесу, мы слышим и видим, как живут звери и птицы, растут, разговаривают между собой деревья и меняются времена долгого года.

Много чудес раскрыла перед нами лесная любимая тропинка.

ЛЕСНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Это было ранней весной. Лес еще не успел одеться.

Мы шли в лесу по нашей тропинке. Вдруг послышались тихие, незнакомые и очень приятные звуки. Было похоже, что в глухом лесу собрались настоящие музыканты, играют на флейтах, фаготах и еще каких-то диковинных инструментах.

Прячась за деревьями, мы увидели много рыжеватых соек. Усевшись на сучках деревьев, сойки пели и щебетали.

Раньше мы не знали, ни от кого не слышали, что беспокойные, крикливые сойки умеют красиво петь и даже устраивают концерты.

Обычно их можно видеть на лесных дорогах и опушках. Заметит сойка собаку или человека и, перелетая с сучка на сучок, издает резкий, тревожный и неприятный крик. По этому крику звери и птицы узнают о близкой опасности, стараются поскорее укрыться.

А тут поют!

Подкравшись тихонько, мы стали слушать лесную музыку, любоваться веселыми нарядными музыкантами.

Неожиданно лесной концерт был испорчен. По нашим следам примчался мой охотничий пес Фомка. С высунутым мокрым языком он стал носиться под деревьями и распугал соек. С тревожным криком они разлетелись.

Мы очень рассердились на глупого Фомку.

ДЯТЛЫ

Еще зимою в лесу мы нашли мастерскую дятла.

В развалине старого пня торчала еловая шишка. А внизу на снегу лежала целая куча расклеванных шишек.

Я показал лесную мастерскую внучонку Саше и сказал:

— Все это наделал большой пестрый дятел. Он таскает сюда и долбит шишки. Чтобы удобнее добывать из шишек семена, он устроил себе верстак.

Мы спрятались за большим деревом, стали ждать. Скоро прилетел дятел. В лапках он держал тяжелую шишку и ловко вправил ее в свой верстак. Вправил и стал долбить клювом. Во все стороны полетели смолистые чешуйки.

Летом возле нашего домика мы нашли гнездо дятлов. Птенцы жили в дупле в старой осине. Когда к дуплу подлетали взрослые дятлы, молодые поднимали громкий крик и высывали из дупла носатые головы в красных платочках.

Когда пришло время, молодые дятлы вылетели из гнезда. Мы услышали отчаянный крик и стали тихонько подходить. Молодые, уже оперившиеся птенцы сидели вокруг дупла на деревьях и кричали изо всех сил. Наверное, им было страшно вылетать первый раз из родного гнезда.

Они испуганно и жалостно звали своих папу и маму на помощь.

ЛАНДЫШИ

Мы знаем очень красивое местечко в лесу. На высоком берегу реки, под стройными соснами и молодыми кудрявыми березками, пахнет смолой и березовой нежной листвою. У корней деревьев проворно бегают муравьи и густо растут ландыши.

— Посмотри, сколько ландышей! — радостно крикнул мой внучонок Саша. — Понюхай, как хорошо пахнут.

Мы набрали большой букет ландышей и, обложив их зелеными нежными листьями, осторожно принесли домой.

Мы очень любим ландыши. Их белые, чистые цветы очень похожи на крошечные фарфоровые колокольчики и так хорошо пахнут!

ЦВЕТЫ ЛЕСА

Первыми распускаются подснежники-перелески. Их белыми и лиловыми цветами весною украшены освещенные солнцем лесные поляны.

Однажды, ранней весной, Саша нашел в лесу маленькое деревцо, сплошь покрытое цветами. Розоватые крошечные цветы плотно сидели на гладких тоненьких ветках. Цветущее красивое деревцо мы принесли домой и поставили в банку с водой. Я рассказал Саше, что это удивительное деревцо называют волчьим лыком. Оно цветет очень рано, как только сойдет снег, а ягоды и кора его ядовиты.

В начале лета в лесу появилось много цветов. На березовых опушках зацвела иван-марья, показали лиловые колокольчики, высоко поднялся иван-чай. В густой траве на лесных полянах мы находили и собирали душистые ночные фиалки. А у глухого ручья, на берегу реки любовались голубыми незабудками.

Некоторые лесные цветы очень хорошо прижились в нашем садике и цветнике.

Осенью мы собирали в пакетики семена, а ранней весной выкапывали корневища и сажали в землю, удобренную лесным перегноем. На цветы в нашем садике летают пчелы собирать мед и золотую пушистую пыльцу.

СОЛОВЕЙ

У самого домика каждый вечер громко поет соловей.

Поющего соловья трудно увидеть. Он прячется в густых кустах вблизи своего гнезда и при малейшем шорохе затихает. Наш соловей так привык к людям и человеческим голосам, что шума почти не боятся. Иногда мы близко подходим к покрытому росой пышному кусту черемухи, и Саша мне шепчет на ухо:

— Вот он, дедушка, смотри!

Взявшись за руки, мы долго слушаем и смотрим на маленького певца. Соловей — очень маленькая и неприметная птичка. Но в пении соловья такая радость и такая сила!

Громкое пение соловья иногда будит нас ночью. Мы просыпаемся у открытого окна и, улынувшись, еще крепче засыпаем.

СВЕТЛЯКИ

Вечером у лесной тропинки мы увидели первых светляков.

— Огоньки! Огоньки! — закричал Саша.

Мы разглядели в высокой траве и поймали маленького червячка. Конец его мягкого брюшка светился зеленоватым холодным огоньком, очень похожим на крошечный фонарик. Червячок ползал по ладони, освещая на коже все морщинки и бугорки.

Мы собрали в коробочку несколько светляков, принесли домой и посадили на листья сирени. Всю ночь на сирени под нашим окном горели и переливались зеленые огоньки.

В теплые летние ночи вдоль тропинки появлялось очень много светляков. Вечерами мы выходили слушать соловья, и нам казалось, что вся тропинка, как в праздник, украшена зелеными фонариками-огоньками.

РОЙ

В нашем небольшом садике стоят голубой, розовый и зеленый ульи.

— Смотри хорошенько! — сказал я Саше. — Сегодня из голубого улья собирается выходить рой.

Я пошел за водой на колодец и услышал звонкий крик:

— Дедушка, скорее!

Над ульем шумели, клубом вились и кружились пчелы. Отлетевший из улья рой мы побрызгали водою, и пчелы начали садиться на согнувшийся под их тяжестью ивовый куст.

Скоро все пчелы свились на куст, и рой стал похож на живой, тихо гудевший неподвижный мешок.

Дав усидеться рою, я надел на голову прозрачную легкую сетку и осторожно стряхнул загудевших пчел в большое круглое лукошко с сетчатым дном, плотно закрыл и завязал лукошко.

Вечером мы посадили рой в новенький улей, и на другой день пчелы снова стали летать на работу, собирать с лесных цветов и носить в улей мед.

КУЗНЕЧИК

На лесной зеленой поляне трава выше колена.

Кланяются лиловые колокольчики, вьются цепкий горошек, качаются одуванчики и белеют высокие ромашки. На краю леса, под березами, ковром цветет иван-да-марья.

Ползают по былинкам жучки-коровки, бегают муравьи, порхают над цветами бабочки. Деловито звенят над поляной пчелы. С цветка на цветок перелетает тяжелый мохнатый шмель. А на листке подорожника, у самой тропинки, сидит большой зеленый кузнечик, громко-громко стрекочет. Сладким медом пахнет пышная медуница.

ЗЕМЛЯНИКА

Раньше всех созревает в лесу земляника.

Растет земляника на лесных вырубках и полянах у старых пней и по оврагам.

Земляника — самая вкусная, самая душистая, самая красивая ягода в лесу.

Мы часто ходим в лес за земляникой на знакомую зеленую поляну. Там я делаю из бересты небольшие кузовки, а Саша сам собирает спелые ягоды и дома всех угощает душистой и сладкой земляникой.

НА БЕРЕГУ РЕКИ

Прозрачно и тихо на берегу реки.

В тихих заводях плавают белые лилии и золотые кувшинки. Цветет водяная кашка.

Над зеркальной водою, остановившись в воздухе, трепещут прозрачными крылышками легкие стрекозы. У самого берега скользят по воде длинноногие быстрые водяные паучки. Чуть слышно шелестит высокая жесткая осока. Жарче и жарче греет солнце. Хорошо после прогулки выкупаться в реке, с головою окунуться в прозрачную холодную воду!

ДОЖДЬ

Поднялась за рекой большая темная туча, накрыла полнеба. Загромыхал гром.

Пронесся по лесным макушкам сильный вихрь. Зашумели, закачались деревья, закружились над поляною сорванные листья.

Упали первые тяжелые капли.

Сверкнула молния, ударил гром.

Капля за каплей хлынул теплый проливной дождь.

Приятно прятаться под густой развесистой елью в лесу. Хлещет дождь; сверкают молнии, а под елью, как в лесном домике, уютно и сухо. Спокойно бегают по усыпанной сухой хвоей земле проворные муравьи.

РАДУГА

Улыбнулось из-за тучи солнышко, затих, перестал дождь. Быстро прокатилась гроза.

С деревьев, с обмытых позеленевших листьев берез падают тяжелые капли.

Хорошо бегать босиком по намокшей лесной траве!

Туча дальше и дальше.

Глуше и глуше гром...

А над лесом, над вершинами умытых деревьев, над широкой рекою, над колхозными полями раскинулась по всему небу, загорелась семицветная радуга.

ГРИБЫ

После проливного теплого дождя сильно пахнет в лесу грибами.

По опушкам среди редких берез прячутся в траве крепкие боровики, розовеют мокрые сыроежки. Точно малые ребята, толпятся красноголовые подосиновики. Важно стоят нарядные мухоморы.

По темному ельнику растут скользкие грузди, а под стволами белых берез тянутся высокие подберезовики.

На лесных полянах показались первые рыжики, ярко желтеют на мху золотые личики.

ЛЕСНАЯ МАЛИНА

В жаркие летние дни далеко ходим в лес по малину.

На старой вырубке в зарослях лесной малины потерялась знакомая тропинка. Трудно продираться сквозь густые и цепкие заросли. Спелыми сладкими ягодами осыпаны тяжелые ветки. Хорошо и душисто в непролазном лесном малиннике.

Не всякий знает и умеет найти, где растет в глухом лесу малина. Чтобы не заблудиться, нужно знать лес, уметь хорошо разбираться на лесных путаных стежках-тропинках.

ГНЕЗДЫШКО

Птичка вспорхнула из куста черной смородины и закружилась над нашими головами. Мы осторожно раздвинули густые зеленые ветки и увидели круглое гнездышко. В гнездышке лежали четыре голубых яичка.

Пока мы смотрели, две птички кружились, пищали и, казалось, жалостно нас просили: «Не троны! Не троны!»

Разумеется, мы не тронули, даже не коснулись гнезда.

Мы часто навещали знакомое гнездышко, и птички к нам скоро привыкли. В начале лета из голубых яичек вывелись желторотые голые птенчики, а возле гнездышка валялись разбитые сухие скорлупки. Птички прилетали кормить птенцов и нас совсем не боялись.

Когда подросли и вылетели оперившиеся птенцы, мы осторожно сняли гнездышко, положили в пустую коробку и осенью привезли в город. Теперь это гнездышко стоит на полке рядом с люби-

мыми игрушками Саши, и, на него глядя, мы вспоминаем домик в лесу, счастливое теплое лето, доверчивых птичек и нашу любимую лесную тропинку.

ПАУКИ

Над самой тропинкой мастер паук раскинул красивую паутину.

В лучах утреннего солнца на серебряных нитях паутины бесчисленными алмазами переливаются крошечные капельки росы. На сказочное алмазное ожерелье похожа тогда паутина.

В летние жаркие дни много в лесу паутины. Длинные нити липнут к лицу, садятся на волосы, на одежду.

Чем суше лето и жарче дни, — больше в лесу паутины.

Все жаркое лето неустанно трудятся лесные мастера пауки.

РАССКАЗЫ ОХОТНИКА

ПЕРВАЯ ОХОТА

В детстве у меня был большой друг — деревенский пастушок Сашка. Мы вместе бегали в лес и ловили в нашем озерке рыбу. Однажды я увидел Сашку из открытого в сад окна. Из сада слышался деловитый гул пчел и нестерпимый треск кузнечиков. Над карнизом дома приветливо щебетали касатки-ласточки, а в летнем небе пронзительно свистели стрижи. Сашка стоял за кустом сирени, выпячивал глаза и делал мне таинственные знаки рукою.

— Айда дикую утку стрелять! — услышал я Сашкин шепот.

С невыразимым волнением бежали мы с Сашкой к озерку. В руке я сжимал маленькое ружьецо «монтекристо», которое мне подарил отец. Остановившись на краю сада, едва переводя дыхание, Сашка молча показал на заросшее кустами и осокой наше небольшое озерко. Посреди озерка спокойно плавала дикая утка. Грудь ее была белая, спина темная, а маленькая плоская головка на тонкой шее кончалась клювом, острым, как шило. С бьющимся сердцем я подполз к густому кусту и, раздвинув ветки, стал прицеливаться. Руки дрожали, стучало в ушах. От волнения я промахнулся, крошечная пулька шлепнулась рядом с птицей. Я перезарядил ружье, выстрелил еще и еще, а птица сидела, как заколдованная. Удачным выстрелом, наконец, я ее подстрелил. Зашлепав по воде крыльями, раскидывая брызги, она перевернулась вверх брюхом. Черные лапки судорожно двигались.

— Ура! — не своим голосом завопил за моей спиной Сашка.

Сталкиваясь веслами, мы изо всех сил гнали лодку к моей первой

в жизни настоящей охотничьей добыче. Я достал утку, с нее скатывались прозрачные капли воды. Добыча показалась тяжелой.

Наблюдая нашу охоту, на берегу стоял отец и улыбался знакомой добродушной улыбкой.

— Ну как, охотнички? — спросил он, шурясь от дыма папиросы. — Какую подстрелили дичину?

Я выскочил из лодки, держа в руках добычу.

— Эге-ге, — сказал отец, разглядывая утку. — Ты гагару ухлопал. Птица у нас редкостная. Только ее есть нельзя, гагары рыбой воняют.

— Совсем не воняют, — обиженно ответил я, обнюхивая добычу.

— А вот зажарь-ка ее, и сам есть не станешь. И собака не станет. Гагары рыбой питаются, поэтому их мясо нехорошо пахнет.

Разговор с отцом омрачил мою охотничью радость. Я никогда не слышал о вонючих утках, которые пахнут рыбой. «Наверное, отец хочет меня подразнить, — подумалось мне, — он нарочно придумал вонючую утку». Дома меня встретили веселыми поздравлениями. Даже учительница Евгения Николаевна, готовившая меня в первый класс, не заставляла в этот день решать скучные задачи. Я сам ошипал утку и потребовал, чтобы ее непременно зажарили к обеду. Мне хотелось всех угостить моей первой добычей.

— Что с ним поделаешь, — сказал отец. — Приготовьте ему завтра поганую утку. Только пусть ест ее за отдельным столом, а мы будем смотреть издали.

Ночью от пережитых охотничьих впечатлений я спал плохо. Мне грезилась утка, снилось ружье. За кустами дразнился Сашка, показывая язык: «Поганая, поганая твоя утка!»

Утром за завтраком надо мною продолжали шутить. Наливая молоко, накладывая в тарелку горячую душистую картошку, отец говорил:

— Теперь посмотрим, как наш молодой охотничек будет свою дичь кушать.

Передо мною торжественно поставили большую глиняную чашку с зажаренной гагарой. От жаркого шел неприятный рыбий запах. Под насмешливыми взглядами я взял вилку и нож. Нельзя сказать, чтобы дичь была вкусной, но, разумеется, я не смел в этом признаться. От мяса гагары порядочно воняло рыбой. Одолевая отвращение, я мужественно проглатывал кусок за куском. Поглядывая на меня, отец снисходительно и ласково улыбался.

— Ну, видно, выйдет из тебя настоящий охотник! — сказал он вставая, смеясь и теплой широкой ладонью оглаживая мою голову.

На шутки я не отвечал. Я терпеливо доедал добытую мною первую настоящую дичину и был очень доволен похвалой отца, предсказавшего, что из меня выйдет охотник. Позже я никогда не ел мяса вонючих гагар, но в трудных походах и на охоте никогда не бывал очень разборчивым и капризным.

РАННИМ УТРОМ

Помню деревенское ясное утро. С отцом мы едем на дрожках по укатанной, крепкой, потемневшей от ночной росы проселочной дороге. Солнце недавно взошло, легкий, оставшийся с ночи золотистый туман стелется над лугами. В этот утренний час неудержимо хочется спать, и, прикорнув за широкой спиной отца, я клую и клую носом.

В широкой, еще залитой легким туманом ложине отец вдруг останавливает лошадь.

— Смотри, — тихо говорит он, натягивая вожжи, показывая рукою на уходящий под гору луг. — Волки!

Утренняя сонливость мгновенно проходит. Я жадно смотрю вперед, на правую сторону, где под косыми лучами раннего солнца затейливо вьется посреди лугов речка. Там, шагах в пятистах от дороги, сгрудилось в беспорядочную кучу стадо овец. От неподвижного стада, точно разбойники с кровавого промысла, пробираются два матерых волка, ничуть не скрываясь. Я хорошо вижу их серые спины, лобастые головы с поджатыми ушами. Передний огромный волк, зубами придерживая добычу, несет на спине зарезанного барана. Свою тяжелую ношу он несет легко, как игрушку.

— Ах, разбойники, ах, прохвосты! — с волнением восклицает отец.

Торопливо вынимает он из сумки револьвер и, соскочив с дрожек, несколько раз стреляет. Волки немного прибавляют шагу, не выражая намерения бросить добычу. Отец кричит и стреляет еще и еще (я с трудом удерживаю вздрагивающую при каждом выстреле лошадь), и волки вместе с добычей скрываются в ольховых кустах.

Отец еще долго стоит с разряженным револьвером в руках. Разумеется, он очень взволнован. Но еще больше волнуюсь я. Недаром на всю жизнь с необычайной четкостью запечатлелась в моей памяти давняя эта картина: росистое летнее утро, освещенный утренним солнцем луг, отец с револьвером в руках и два серых разбойника, на наших глазах спокойно уносящие свою добычу.

НА ГЛУХАРИНОМ ТОКУ

В многочисленных описаниях и охотничьих рассказах повествуется об этой редкостной, исключительно русской охоте. Несомненно, на глухарином току испытывает охотник впечатления необычайные. И самая природа глухого дикого леса, и неизбежные ночевки у костра, иногда посреди непроходимого болота (все готов вытерпеть страстный охот-

ник!), и странная дремучая птица, чуждым образом пережившая на земле сотни тысячелетий, переносят охотника в допотопный сказочный мир. Странна, необычайна весенняя любовная песня самца-глухаря, во время которой он теряет свой слух. В природе нет звуков, похожих на щелканье, «точенье», «скирканье» лесной таинственной птицы. Слушая песню глухаря, впечатлительный охотник испытывает особенное чувство. Станные, необычайные звуки исходят как бы из допотопного мира. Ранним утром, еще в темноте, начинает петь глухарь. Необычайностью звука, его неповторимостью можно объяснить странное обстоятельство: даже чуткий, с острым слухом, но еще неопытный охотник обычно издали песню не слышит.

Начиная охотиться, в юности я сам испытал эту странность. Первый раз водил меня на глухариный ток наш деревенский долгоязыый охотник Тит. С величайшей точностью помню подробности первой охоты. Вместе с Титом мы ночевали вблизи болота, и, разумеется, я не сомкнул глаз, прислушиваясь к лесным таинственным звукам. Наставник мой громко похрапывал у костра, сыпавшего искры в темную вышину. Освещенные отблеском света, над нами колыхались в дыму еловые ветви. Множество раз ночевал я потом в лесу, но этот первый ночлег оставил самое чудесное, неизгладимое впечатление.

Перед рассветом (час этот особенно чувствует опытный охотник) наставник мой проснулся. Вскинувши ружья, мы вместе отошли от костра. Густая, влажная, почти непроглядная накрывала нас темнота.

В этой ослепившей меня темноте Тит отчетливо находил дорогу. В едва брезжащем рассвете мы шли по лесу, и странное, трепетное наполняло меня чувство.

На краю соснового болота наставник мой остановился. Мы долго стояли. Тит вслушивался в окружающую нас лесную тишину. Слушал и я, но ничего, кроме биения сердца и шума в ушах, расслышать не мог.

Вдруг Тит вздрогнул, насторожился, легонько толкнул меня рукою: — Слышишь? Играет!

Я попытался прислушаться, но еще громче стучало сердце, — казалось, шум весенней воды наполнил мои уши.

— Слышишь? — шепотом повторил Тит.

Нет, я решительно ничего не слышал. Напрягая почти до болезненности слух, я как бы ловил неясные звуки: звон и тихое щелканье, но ожидаемого звука, о котором мне рассказывал мой наставник, расслышать не мог.

— Скачи за мною! — строго приказал Тит.

Помня его наставления, я стал повторять движения Тита, то замиравшего недвижимо, то вдруг стремительно на два-три прыжка бросавшегося вперед. Задыхаясь от волнения, я едва поспевал.

Не помню, сколько продолжался подход. Остановившись, Тит иногда спрашивал (про песню, которой я не слышал):

— Слышишь?

— Нет, ничего не слышу, — шепотом сознавался я и отрицательно мотал головою.

— Ну, скажи дальше!

Песню я услышал неожиданно, как это часто бывает, когда мы были недалеко от птицы. Звук был отчетливый, даже громкий, но столь непохожий на всё когда-либо слышанное мною, что непривычное ухо не сразу его ловило. Услыхав звук, я уже не мог его потерять и забыть, и несомненная близость таинственной птицы несказанно увеличила мое волнение. Под дерево, на котором токовал глухарь, мы подошли, когда в природе еще продолжалось таинственное время борьбы ночной темноты с рассветом и даже знакомые предметы казались неузнаваемыми. Я смотрел на елку, на которую показывал Тит рукою, и, кроме черных, рисовавшихся на светлевшем небе ветвей, не мог ничего разглядеть. Тит долго показывал на дерево, делал мне знаки и, возмущаясь моей беспомощностью, по-видимому начинал не на шутку сердиться.

С ружьем в руках я стоял растерян, до слез в глазах вглядываясь в черную вершину. Невидимый глухарь рассыпал песню за песней. Теперь я отчетливо слышал каждое колено. По направлению песни казалось, что птица скрывается в самой вершине.

Раздражительность наставника меня смущала. Чтобы не сердить Тита, я делал вид, что хорошо вижу птицу. Наконец я увидел темное, как бы шевелившееся на конце сука пятно. Я прицелился и выстрелил. После выстрела, прогремевшего на всю округу, с елки дождем посыпалась хвоя, но птица не падала. Мало того, стрелянный мною глухарь запел как ни в чем не бывало.

Я стоял под елкою растерянный. Тит выругался, погрозил мне рукою, похожей на медвежью лапу, и, как бы совсем отмахнувшись от неспособного ученика, стал поднимать свою одностволочку. После слабого выстрела, вылетевшего из старой пищали, глухарь встрепнулся, слетел и, тихо планируя, упал за деревьями. Теперь я отчетливо понял свою ошибку: птица сидела вполдерева, ближе к стволу, и то, что я принял за глухаря, было темною веткою на конце сука, по которому расхаживал токовавший глухарь.

Первая охотничья неудача расстроила меня, но не истребила охотничьей страсти. Немного спустя я сам убил на току первого глухаря. Я ходил самостоятельно, без провожатых, по местам, достаточно мне знакомым. На этой охоте произошло со мною странное приключение. Подбегая к глухарю, я увлекся и вдруг обнаружил, что звук песни как бы переместился. Долго стоял я недвижно. Песня исходила неведомо откуда, то заглушаясь, то нарастая. Червячок глухариного «игрового» помета упал сверху на голову, и тогда только я догадался посмотреть над собою. В вершине высоченной голой осины сидел глухарь. Странное дело: мне он показался не больше маленькой птички.

С величайшим волнением я прицелился в птицу, сидевшую над моей головой. Двенадцатифунтовый глухарь упал почти на меня и чуть не сломал мне шею. Нужно сознаться: над этим первым убитым мною на току глухарем я плясал и пел, как настоящий индеец из куперовского романа...

Много долгих и необычайных лет прошло со времени моей первой охоты. Много глухарей убил я на глухариных токах, множество ночей провел в лесу у костра, веселящего сердце каждого настоящего охотника, знающего и любящего лесную природу. До сего времени несказанно волнуют меня эти лесные ночевки. Из всех известных мне охот я предпочитаю весеннюю охоту на глухариных токах, — в лесу, в глухой тайге вновь переживаю я давнишние страстные впечатления, и глухая лесная природа как бы поэтически переносит меня в первобытные времена огня и охоты.

НА ЛЕСНОЙ КАНАВЕ

Уже после восхода солнца, возвращаясь с глухариного тока, я шел краем глубокой канавы. Восходившее солнце золотило сосновые вершины. Внизу, под деревьями на мхах, лежала седая роса, густо пахло прелой листвой и вешней водою. Радуюсь солнцу, звонко распевали на деревьях дрозды, на вершине освещенной солнцем высокой сосны, где-то под небом, захлебываясь, ворковал дикий голубь — витютень.

Необыкновенные чувства возникают в сердце впечатлительного охотника в чудесный утренний час! Как бы сливаясь с окружающей лесной природой, я наслаждался музыкой наступавшего утра, чудесными красками восхода.

Глубокая лесная канава до самых краев была наполнена быстро бегущей мутной водой. Навстречу мне неслись клочья пены, течение шевелило ветви затопленных ольховых и ивовых кустов. Следя за течением, я увидел на воде желтоватое легкое перышко, очень похожее на крошечный кораблик. Чем дальше я шел по канаве, навстречу мне больше и больше вода несла таких корабликов-перышек. Плывшие по воде желтоватые свежие перышки несомненно принадлежали самке-глухарке.

«Наверное, — подумал я, глядя на перышки, — утром в лесу произошло что-то недоброе, а я ничего не слышал. Мне нужно в этом хорошенько разобраться».

Я шел, внимательно приглядываясь к местности, к кружившимся на воде перышкам, к кустам и деревьям. Кораблики-перышки все плыли и плыли. Бродя все утро по глухариному току, я не слышал ни одного

выстрела, да и вряд ли в эти глухие, малодоступные места мог проникнуть браконьер, не постеснявшийся застрелить на току глухарку. Лесная загадка очень меня занимала.

Пройдя около сотни шагов, на самом краю канавы я обнаружил следы недавней борьбы. На земле были разбросаны перья и, нагнувшись, я разглядел свежую кровь. Несомненно, здесь произошло загадочное преступление. Погибшей глухарки не оказалось. Внимательно оглядевшись, я заметил, что капельки крови ведут к воде. Я тщательно осмотрел место. Под ольховыми кустами из-под берега канавы торчал хвост птицы. Я вытащил из воды мертвую, еще теплую глухарку. Голова была отъедена, из раны сочилась кровь. По всем признакам, глухарку убил какой-то лесной хищник. Злейший ночной разбойник филин, который иногда охотится на глухариных токах, вряд ли станет прятать добычу в воду. Несомненно, глухарку убил хищный зверь. Я долго думал над лесной загадкой. Самое вероятное, что глухарку поймала и убила норка. Этот небольшой, очень хитрый и злой зверек живет по берегам лесных рек и ручьев. Обычно он разбойничает по ночам, и человеку его трудно увидеть. Мне очень отчетливо представилась картина недавнего преступления. Будучи на току, разгоряченная любовной игрою глухарка подошла к канаве напиться, и тут на нее набросилась норка. Расправа была короткая. Злой зверек отгрыз у глухарки голову и, чтобы спрятать добычу, стащил ее в воду, старательно запихнув под корни ольхи.

На охоте я всегда любил разгадывать загаданные природой загадки, и эта загадка таинственного убийства показалась мне интересной. В скрытой от нас жизни птиц и зверей происходит много загадочных событий, отмечать и разгадывать которые должен уметь каждый наблюдательный охотник.

ЗАЯЦ

Это было много лет назад.

Ранним утром я возвращался с дальнего глухариного тока. С трудом перебравшись через горелое топкое болото, я выбрал удобное место, присел отдохнуть у большого зеленого пня, очень похожего на мягкое кресло.

В лесу было тихо, солнце взошло. Я раскурил трубочку и, развалившись у пня, положив на колени ружье, стал прислушиваться к звукам. Было слышно, как шумят на болоте журавли, токуют в позолоченном небе бекасы. Где-то поблизости прогремел и засвистел рябчик.

Весной я никогда не стрелял рябчиков, но с костяным старым пи-

щиком из пожелтевшей заячьей кости никогда не расставался. Мне нравилось пересвистываться с рябчиками, близко смотреть на подлетавших на свист зазорных петушков, с распушенными крылышками и хвостами шустро бегавших по колодам и кочкам почти у моих ног.

Покуривая трубочку, пересвистываясь с подлетевшим рябчиком, я вдруг увидел за стволами деревьев тихо ковылявшего прямо на меня зайца-беляка. Усталый зайчишка возвращался на лежку после веселых ночных походов. Коротенькими прыжками он тихо ковылял по моховым кочкам. На его мокрых ляжках смешно болтались клочки вылинявших зимних порточков.

Я сидел не двигаясь, не шевеля пальцем, сливаясь с высоким зеленым пнем. Когда заяц подбежал совсем близко, почти в колени, я немного пошевелился и тихо сказал:

— Ага, попался, косой!

Боже мой, что стало с зайцем, как подхватился он, как замелькали между кочками его порточки, коротенький хвостик! Громко смеясь, я крикнул зайцу в догонку:

— Улепетывай, косой, поскорее!

У каждого охотника в запасе много воспоминаний о неожиданных встречах и происшествиях в лесу. Обычно такие охотники рассказывают

о своих удачных выстрелах, о застреленной и добытой дичи, о работе умных собак. На охотничьем долгом веку я много перестрелял крупной и мелкой дичи, не раз охотился на волков и медведей, но — странное дело — простая встреча с забулдыгой-зайчишкой запомнилась больше, чем самые удачные и добычливые охоты.

Я как бы и теперь вижу лес, тихое утро, слышу свист рябчика, отчетливо вижу зайчишку-беляка, мокрые его порточки.

— Улепетывай, брат косой, на доброе здоровье!

ПЕТЬКА

Лето мы провели в Беловежской пуще. Там мне показывали редкостных зубров, живших в обширных загонах. Не раз я видел на воле оленей, спокойно выбегавших на проезжие дороги, охотился на кабанов, разорявших колхозные поля. Наблюдал черных аистов, гнездившихся на высоких деревьях.

Но больше всего нам запомнился ручной ворон Петька. С Петькой меня познакомил директор заповедника — мой старый приятель.

В первый день приезда мы вышли на берег реки. На вершине высокого дерева сидел ворон. Директор заповедника посмотрел на меня и улыбнулся.

— Хотите познакомиться с нашим Петькой?

Он помахал над головой шапкой и громко сказал:

— Петя, Петенька, лети сюда!

К великому моему изумлению, как бы понимая человеческую речь, ворон снялся с вершины дерева и, распахнув черные крылья, тихо планируя, спокойно уселся на плече хозяина — директора заповедника.

— Познакомься, Петя, с нашим гостем! — сказал хозяин, тихонько сталкивая ворона с плеча.

Взмахнув крыльями, Петька переместился на мое плечо. Это была большая, черная и очень серьезная птица.

Пошарив в карманах, я нашел кусочек сухого печенья. Петька взял печенье в клюв и осторожно спрятал его в подклювный мешок.

В карманах больше не было печенья. Я вынул маленькую десятикопеечную монетку и показал Петьке. Эту монетку он так же спрятал в подклювный мешок вместе с печеньем, потом слетел на песчаную дорогу и стал делать клювом круглую ямку. Запрятав печенье и монетку в песок, он деловито вырвал клочок травы, воткнул его в песчаный холмик.

В заповеднике я слышал много рассказов о проделках проказника Петьки. Сотрудники заповедника рассказывали, что однажды он ута-

шил из дамской сумочки деньги, а в другой раз, влетев в обеденный час в окно, расшвырял и похитил документы какой-то комиссии, приезжавшей для ревизии в заповедник. Похищенные вещи Петька прятал над крышей в пустом гнезде аистов, которых ухитрился выжить. В этом гнезде не раз находили ножи, ложки и вилки и многие другие предметы. Особенно досаждал Петька проезжим шоферам. Стоит машине остановиться, разложит шофер свои инструменты, отвинченные от мотора болты и гайки — Петька тут как тут! Схватится шофер, а самой нужной гайки или инструмента нет. Утащил Петька.

Рассказывали, что Петька не любит женщин. Сядет на плечо к завятой, накрашенной девице и давай путать и портить ее праздничную прическу или пребольно ущипнет за ухо. Женщины побаивались Петьки, отмахивались руками. Очень возможно, что эти резкие движения раздражали и сердили Петьку. Рассказывали также, что Петьку не любили дикие вороны и воробьи, к которым он иногда пытался приближаться. Они били и отгоняли его, как бы не желая прощать измену.

Однажды проказник Петька сотворил такую штуку. Весной на огороде, возле дома, пожилая женщина сажала капустную рассаду. Опрятными рядами она рассаживала на грядках капустные корешки. Увлеченная работой, женщина не замечала, что рядом с нею по грядкам разгуливает Петька. Всю посаженную рассаду он пересаживал на свой лад, разумеется, без всякого порядка...

Не всегда проделки Петьки были безобидными. Летом он стал тащить маленьких цыплят. Петьку все знали и любили, и даже такие недобрые проделки ему прощали.

Директор заповедника пробовал приучать Петьку к охоте. Бродя по опушкам, он брал его вместо гончей собаки. Перелетая с дерева на дерево, Петька видел сверху каждого залегшего в кустах русака, начинал кружиться и каркать. Директор подходил к лежке и поднимал затаившегося зайца...

О трагической гибели Петьки мне написали, когда я вернулся в Ленинград. Один из сотрудников заповедника писал, что осенью с ним в заповедник приехали посторонние люди строить разрушенный мост через реку. Не зная о существовании

Петьки и его проделках, кто-то из приезжих людей ловил на удочку рыбу. Сидя на берегу реки, пойманных окуньков и плотичек рыболов клал рядом на землю.

Все примечавший Петька тотчас явился на место ловли, начал тащить пойманных рыбок. Заметив Петькины проделки, незадачливый

рыболов схватил палку и убил наповал смиренно сидевшего проказника Петьку.

«Самое удивительное, — писал мне сотрудник заповедника, зоолог, — что после вскрытия трупа трагически погибшего Петьки наш общий любимец оказался не Петькой, а Машкой. По внешнему виду полвороновых птиц различить невозможно, и долгое время мы ошибочно принимали Машку за Петьку».

ЖУРАВЛЬ-ЛЕТЧИК

Совершая воздушное путешествие над тайгой, я слышал от летчиков много интересных рассказов о лесных и охотничьих приключениях. Летчики рассказывали, как доводилось им наблюдать зверей в тайге. На лесном аэродроме мне показали живого маленького медвежонка. Доставленный из тайги на самолете, лохматый авиатор чувствовал себя с людьми прекрасно. Он жил в клетке, устроенной на аэродроме. Иногда мишку выпускали гулять, и, смешно переваливаясь, как бы выполняя роль строгой охраны, он гонялся за козами, забиравшимися на запрещенную для посторонних посетителей зону... Кроме авиатора-мишки, жила в штабе лесного отряда, пользуясь общим дружеским расположением, маленькая белочка Дуся, пойманная летчиками в реке во время кочевки (белки во время своих кочевок нередко переплывают широкие реки). Но самой большой любовью и почтением пользовался в авиационном отряде ручной журавль Василий Иванович. Важно, точно распорядитель-диспетчер, ходил он по аэродрому. Казалось, он наблюдал за общим порядком, и можно было подумать, что без Василия Ивановича не может отправиться ни один самолет. Денно и ночью присутствовал он на аэродроме, и странно было видеть ночью, в свете фар въезжавшей на аэродром машины, стоявшую на одной ноге его высокую сторожевую фигуру.

Живя с летчиками в лесном отряде, наблюдая и знакомясь с жизнью людей, запомнил я рассказ о журавле Василии Ивановиче, поразившем меня умом и привязанностью к аэродрому.

Однажды летчику Ермакову пришлось лететь над лесами. Над тайгой мотор закапризничал, летчику пришлось спускаться на лес.

Садиться в сплошном лесу особенно трудно и опасно. С высоты летчик наглядел внизу большое открытое болото и стал планировать. С остановившимся мотором он скользил по воздуху все ниже и ниже.

В болоте ему удалось благополучно сесть между деревьями, не по-

вредив машину. При посадке самолет зарылся в болоте и «скапотировал» — перевернулся вверх колесами. Летчик благополучно выбрался из перевернувшейся машины и огляделся.

Болото было большое и чистое — на много десятков верст. По карте летчик определил место и, отправив за помощью бортмеханика, решил терпеливо дожидаться людей, не покидая своей машины.

«Наверное, меня скоро хватятся и начнут искать», — думал он, приготавливаясь к ночлегу.

К своей неудаче летчик отнесся спокойно. Он хорошо знал, что товарищи его не оставят и непременно скоро разыщут. Провизии с ним было немного, но у летчика было с собой охотничье ружье и патроны. Он не боялся погибнуть.

На болоте летчику пришлось прожить больше недели. Каждый день он ходил на охоту, а ночью спал на крыле самолета.

Бродя по болоту, он однажды поймал журавленка.

Это был длинноногий, уже оперившийся птенец, не умевший хорошо летать.

Пойманного журавленка летчик привязал за ногу к опрокинутому самолету.

— Я не знал, чем питаются журавли, и стал приносить из болота лягушек, собирал ягоды, — так рассказывал потом о своих заботах летчик.

Больше недели летчик и журавль жили одни в лесу. А еще через несколько дней летчика нашли. Прилетевший самолет сбросил ему записку, пакет с продовольствием и ружейными патронами. Скоро к самолету вместе с бортмехаником пришли люди.

Работы было много. Нужно было расчистить в болоте место для взлета, сделать настил из бревен, чтобы не завязла машина.

Когда все было готово, летчик посадил в наблюдательскую кабину своего журавленка, дал газ и благополучно взлетел.

С ближайшего пункта, где ему пришлось заправлять бензином машину, он послал в свой отряд такую телеграмму:

«Все благополучно. Вылетаю журавлем. Встречайте».

Непонятная телеграмма наделала много шума и хлопот в штабе авиационного отряда. Там никто не знал Журавлева (на телеграфе переврали слово «журавль», о котором сообщал летчик).

— Наверное, это приехало какое-нибудь начальство, — сказал начальник штаба, — на всякий случай нам нужно его встретить.

Самолет летчика Ермакова на аэродроме встречали по форме. Едва показалась в небе машина, на аэродром вышел дежурный начальник. Почтительно подбежал он к приземлившейся у старта машине.

Из кабины виднелось знакомое лицо Ермакова. Пассажиров в самолете не было видно.

Закинув на лоб очки, Ермаков приветливо улыбался,

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он, останавливая мотор.

Держа под козырек, дежурный начальник осторожно спросил:

— А где же товарищ Журавлев?

— Журавлев?.. Товарищ Журавлев со мной, в кабине.

Дежурный осведомился тревожно:

— Может быть, товарищу Журавлеву дурно?

— Быть может.

Лицо летчика сияло. Обеспокоенный дежурный заботливо заглянул в кабину. Там на сиденье наблюдателя, прихлестнутый поясным ремнем, спокойно сидел... журавль. Увидев неожиданного гостя, дежурный рассмеялся:

— Так вот ты какого нам Журавлева доставил! А мы тут головы ломали, думали: кто с тобой летит? Решили встретить.

Прибывшего журавля поселили на аэродроме. Скоро он привык к людям и, важно выступая, ходил возле поднимавшихся и садившихся крылатых машин. На аэродроме новый гость чувствовал себя как дома — на болоте.

Новая жизнь очень понравилась журавлю. Он стал брать из рук угощение и совсем перестал бояться людей. Днем и ночью он был с людьми, работавшими на аэродроме.

Осенью, в положенный срок, журавль начал учиться летать. Вытянув шею, он брал разбег против ветра и, как разбежавшийся самолет, отделялся от земли. Сделав круг над аэродромом, журавль благополучно и аккуратно приземлялся. Следя за его полетом, летчики с уважением говорили:

— Здорово летает наш Василий Иванович!

Однажды, особенно увлекшись, Василий Иванович улетел на соседнее болото и пробыл там почти весь день. Под вечер, когда в отряде начинались учебные полеты, он услышал звук запускаемых моторов и тотчас вернулся. С тех пор он часто улетал на болото, но каждый раз возвращался на звук мотора. Присутствовать на аэродроме при вылете самолета он как бы считал своей служебной обязанностью.

Позднюю осень, когда потянули на юг журавли, Василий Иванович, говорят, порядочно заскучал. Курлыкавшим в небе крылатым землякам он отвечал своим журавлиным приветствием и, подняв крылья, тревожно носился по аэродрому. Иногда, заслышав печальный голос отбившегося земляка, дикие журавли, разбив строй, долго кружили над аэродромом, как бы приглашая его с собою в долгий полет, но подниматься высоко в небо Василий Иванович не решался.

ЗВУКИ ВЕСНЫ

Для чуткого, внимательного охотника, умеющего хорошо видеть и слышать, особенную прелесть представляет богатство звуков и голосов в лесу. Необычайно разнообразны эти лесные звуки весною. Вот с надломанной ветки березы упала прозрачная капля — послышался тонкий, хрустальный звон. Под напором жизненных соков сам собою шевельнулся вытянутый в стрелку листок, и чуткому уху охотника уже чудится шепот проснувшейся земли. Тысячи таких звуков рождаются весною в ожившем лесу. От пенька к пеньку пробежала, тоненько пискнула мышь; поднявшись с земли, прогудел, стукнулся о березу и грузно упал неповоротливый жук. Сидя на стволе засохшего дерева, дятел пустил звонкую барабанную трель. На макушке березы, покрывшейся дымкой молодой листвы, громко кукует кукушка и, точно поперхнувшись, неожиданно вдруг умолкает. Окруженный золотым сиянием солнца, на самой вершине голого дуба, важно надувая зоб, воркует дикий голубь-витютень. «На ду-у-убе сажу! На ду-у-убе сажу!» — далеко-далеко разносится глухое его воркованье. Справа и слева на своих звонких свирелях раз-

ливаются певчие дрозды, а в глухой еловой чащобе тихо попискивает рябчик.

Обманивая слух, под прозрачной коркой льда журчит весенний ручей, и, вторя ему, на лесных обсохших полянах бормочут тетерева-косачи. На закате солнца страшно ухнет филин в лесу; гугукнет «гу-гу-гуу!», бесшумно пролетая, сова, и со всех сторон отзовутся ей празднующие весну зайцы. А в холодных прозрачных лужах неустанно «турлычат» лягушки.

Шелестя сухими травинками, бегают по обсохшим кочкам быстрые муравьи, жужжат днем на пригреве весенние мухи. Вылетев из зимнего убежища, басом прогудит шмель. И уж тянет-тянет над ухом охотника свою нудную песенку первый комар...

Только в глухую полночь все примолкает в весеннем лесу. Отойдешь, бывало, от тихо потрескивающего костра, освещающего стволы и ветви ближних деревьев, — глухая, беззвучная накроет тебя тишина. Цепляясь, по веткам долго падает на землю оторвавшийся сухой сучок. Прошуршит под ногами мышь, провоюет на болоте голодные бессонные волки. И опять тихо, недвижно в темном лесу. Слегка потрескивает костер, колышутся над огнем лохматые еловые ветви, развалясь у огня на смолистой постели, беззаботно похрапывает товарищ охотник...

Тот, кто ночевал много раз у костра в лесу, никогда не забудет охотничьи весенние ночлеги. Чудесно наступает предутренний час в лесу. Кажется, невидимый дирижер

поднял волшебную палочку и по его знаку начинается прекрасная симфония утра. Подчиняясь палочке невидимого дирижера, одна за другою гаснут над лесом звезды. Нарастая и замирая в макушках деревьев, над головами охотников проносится предрассветный ветер. Как бы включаясь в музыку утра, слышится пение первой проснувшейся птички — зорянки. Тихий знакомый слышится звук: «Хорр, хоррр, цвну! Хорр, хоррр, цвну!» Это тянет над утренним лесом вальдшнеп — лесной длинноклювый кулик. Из тысячи лесных звуков чуткое ухо охотника уже ловит необычную, ни на что не похожую песню глухаря. . .

В самый торжественный час появления солнца звуки лесной музыки особенно нарастают. Приветствуя восходящее солнце, в серебряные трубы трубят журавли, на бесчисленных свирелях повсюду заливаются неутомимые музыканты — дрозды, с голых лесных полян поднимаются в небо и поют жаворонки. Множество радостных звуков слышит охотник в этот веселый, торжественный час на земле и, забыв о своем ружье, долго слушает прекрасную симфонию весеннего утра.

ПО ЛЕСАМ, ГОРАМ И МОРЯМ

У СИНЕГО МОРЯ

ОХОТНИЧИЙ КРАЙ

Утром, на рассвете, мы остановились в двух километрах от берега, темнеющего группой деревянных построек. Заросшие рыжей шубой лесов лиловые горы были покрыты туманом. Восходившее солнце золотом отливало на стальной поверхности моря. Длинная вереница птиц, вытягиваясь в ниточку и извиваясь, пролетала над пламенеющей линией горизонта.

— Смотрите, смотрите, — воскликнул мой восторженный спутник, показывая море, — это летят дикие утки!

Как бы утверждая наши охотничьи надежды, в утренней тишине слышалось глухое бабаханье выстрелов. Мы въезжали в заветный охотничий край...

Две плоскодонные барки неспешно подошли к борту. Множество людей в бараньих шапках, крича и толкаясь, неся над головами свои пожитки, ринулись к трапу. Происходило то самое, что всегда происходит при выгрузке парохода в южных портах: люди кричали, отчаянно размахивали руками, как на пожаре.

Вечером мы сидели у местного лесничего. Гостеприимный хозяин нас потчевал великолепным чаем, занимательно рассказывал о богатствах, обилии и охотничьих чудесах далекого края, о замечательных свойствах и особенностях местной природы, о редкостных породах деревьев.

От лесничего узнали мы о проводимых им удачных опытах разведения чая, о плантациях кенафа, выращиваемого в орошенных пространствах некогда безводной Муганской степи, прежде обильной лишь змея-

ми и скорпионами; о лесных питомниках ценнейших пород леса; о сохранившемся поныне лесном диком зверье, обитающем в горных лесах; о горных глухих аулах, где в царское время в великую редкость был цивилизованный человек; о замечательном, почти неиспользованном богатстве края — горячих целебных ключах, излечивающих закоренелые хронические болезни. Нас, охотников, имевших терпение тащить на себе пудовый груз дрови и патронов, больше всего интересовали охотничьи богатства края, в который мы приезжали впервые.

— Поохотиться у нас можно, — улыбаясь, сказал лесничий. — Вот посмотрите сами. . .

Мы поглядели в окно.

Там, на посыпанной песком узкой дорожке, покачивая длинными носами, гуськом бежали два вальдшнепа, окраскою своих спинок сливавшиеся с тоном дорожки и окаймляющей ее жухлой жесткой травой.

— Поохотиться можно, — пояснил лесничий. — Вальдшнепы здесь зимуют, а для охоты даже не нужна легавая собака. Охотники просто ходят по зарослям ежевики и, не жалея патронов, стреляют по вылетающим из-под ног птицам. . .

ЛЕНКОРАНЬ

В старой географической литературе было не много сказано о природе, населении и натуральных богатствах далекого Талышского края. В книгах рассказано, что был замечателен этот край непроходимыми горными лесами, в которых в изобилии растут многочисленные породы леса: бук, дуб, клен, липа, ясень, чинара, самшит, а также орех грецкий, фиги и редчайшие растения — персидская акация и железное дерево. В прежние времена вывозили из Ленкорани шелк, рыбу, «сарачинское пшено» — рис, культура которого на болотных предгорных равнинах существовала с давних времен.

Мне, охотнику, о Ленкорани запомнилось примерно такое: край диких дебрей, обитель миллионов птиц, прилетающих на зимовку с далеких рек Сибири и Урала, раздолье для охотничьих страстных душ. В незамерзающем заливе Кизыл-Агач (что значит «Золотое дерево») скопляется столь великое множество зимующей птицы, что, подобно живому движущемуся ковру, она сплошь покрывает пространную площадь залива. Миллионы уток различных пород: тяжелый и жирный «материк» (кряква), мраморная пеганка, юркая шилохвость и хлопотливая широконоска, разодетые в цвета радуги чирки, ржавая свиязь и легий крохаль, черная морская чернеть, неисчислимые стада кашкалдаков-лысух, гусь серый и гусь-гуменник, белопенные лебеди, кораблями рассекающие воды залива, краснозобая и обыкновенная казарка, прилетающая

с далеких, впадающих в Ледовитое море рек, индийский гость — «розовый гусь» — фламинго, белый и розовый бабура-пеликан, большие и малые цапли многих видов, нырки, гагары, плавающие под самыми сводами пристаней, бесчисленные виды куликов, чайки и бакланы, коростели, водяные курочки, зимородки — все это миллионное множество птиц живет, плавает, летает, сушится на отмелях, наполняет камыши, протоки, составляет большие, кажущиеся неподвижными острова.

Вечерами, на зорях, множество птиц, закрывая небо, наполняет свистом крыльев ночной влажный воздух, проносится на кормежку на болота чалтычных (рисовых) плантаций, расположенных у подножия гор. Раздолье тогда ружейному охотнику! Успевай заряжать ружье да попадать в быстро проносящуюся, свистящую крыльями птицу.

Не менее богаты разнообразием животного мира примыкающие к заливу камыши и леса. В камышах и дубовых рощах, по осени засеивающих желудями землю, пасутся стада кабанов — зверя, которого не касалась брезгливая рука суеверного охотника-талыша: В зарослях камышей таятся бесчисленные стаи шакалов. В дубовых и буковых лесах, напоминающих непроходимые леса тропиков, роет норы ночной зверь — дикобраз, по поверью местных жителей обладающий способностью стрелять в охотника своими длинными иглами-стрелами.

В чаще камышей скрывается свирепый хищник, неутомимый враг пернатого мира — камышовый кот, дерзость и смелость которого соперничают с его проворством и быстротой. Жители предгорья и гор видят следы странного гостя — тигра, обитателя лесных трущоб, и не слишком большой редкостью почитается встреча с кровожадным леопардом, ежегодно посещающим прибрежные камыши; в лесах и степях в великом множестве плодятся различные пресмыкающиеся; змеями черепахами, ящерицами, раскрашенными во все цвета, кишат камыши и колючий, покрывающий высохшую землю кустарник; в сухой степи встречается страшная змея гюрза, укус которой почти всегда смертелен.

НА ПЕРЕЛЕТЕ

Охота на вечерних и ночных перелетах, требующая особенного опыта и умения владеть в совершенстве ружьем, справедливо почитается одной из труднейших. Неопытному стрелку, в обычных условиях привыкшему палить из-под собаки, невероятным кажется попасть в проносящуюся над головою, почти не видную в ночном, черном небе, свистящую крыльями птицу. Однако охота на перелетах законно считается одной из добычливейших и интересных. Хороший стрелок, привыкший не ошибаться, с вечерних перелетов всегда возвращается с богатой добычей.

Первый раз нам довелось пойти на перелет с кумбашинским моло-

дым охотником Митей Калиниченко, которого нам рекомендовали еще в Ленкорани. Тогда это был совсем юный хлопец. Крыльцо белой его халупы было увешано битой птицей. Среди висевших на крыльце птиц я насчитал десятка полтора гусей и десятка три уток различных пород. Это была однодневная добыча охотника.

С Митей мы отправились под вечер на берег залива, на его обычную стойку. Завязая по колено в вязкой болотной топи, мы остановились у самого края, в редких, звеневших на ветру камышах. Мы стояли, вслушиваясь в далекие звуки, доносившиеся из туманившегося залива. Звуки то увеличивались, то затихали. Иногда отчетливо слышалось громкое хлюпанье; казалось, что с шумом проносится вдали поезд. Это били по воде крыльями, загоняя на отмели рыбу, огромные пеликаны-бабуры. Звонкое криканье уток отчетливо выделялось из общего птичьего гама.

На широкой илистой отмели копошились и плавали утки. Они ныряли и, смешно ковыляя, выкарабкивались на берег. В бинокль я наглядел несколько разнообразных пород уток, блещущих своим оперением. Черный хохлач-нырок плавал совсем близко. По краю берега между копошившимися в грязи утками проворно бегал большой кулик-шилоклювка. Клюв его, загнутый кверху, с удивительной ловкостью погружался в жидкую грязь.

С наступлением сумерек начался перелет.

Никогда еще не представлял я себе такого множества птицы. Небо звенело над нами.

Подняв голову, я слушал свист пронесившихся крыльев. Несметными косяками птица непрерывно летела с залива, направляясь на ночную кормежку.

Странное, почти жуткое чувство производил этот казавшийся космическим доносившийся с неба свист. Небо было почти беспросветно; я плохо видел в окружавшей нас темноте, и пролетавшие птицы мне представлялись вне выстрела — невольно я пропускал.

Искусство меткой стрельбы требует большого опыта и умения и, как всякое искусство, дается только немногим. Я знал опытных стрелков, без промаха разбивавших глиняные тарелочки на городских стендах и безбожно «мазавших» по внезапно вылетевшему коростелю. Человек, почитающий себя недурным стрелком, должен в совершенстве владеть собою на охоте, а главное — не чувствовать ружья. В момент выстрела все отсекается, чувства сходятся в одну точку, и промедление в долю секунды влечет за собою промах.

Митя, стоявший поодаль, уже сделал несколько выстрелов. Я видел, как острым лезвием вспыхивал огонь и следом тяжело падали на воду убитые птицы. Сделав несколько пустых выстрелов, я наконец свалил тяжелого крохала. Прислушиваясь к свисту крыльев, приглядываясь к неуловимо пронесившимся на фоне облаков теням, я старался постичь

искусство стрельбы в ночной темноте. Чем больше я волновался, тем больше получалось промахов.

Мы возвращались поздно. Митя, нагруженный добычей, присоединился к нам. Мне почти невероятным казалось его искусство стрельбы. Сам он объяснял просто: дробь выдавали мало — нужно бить наверняка! Позже, слушая рассказы охотников, просматривая отчеты стрелковых состязаний, я не раз вспоминал ленкоранского охотника Митю, его изумительное умение стрелять без единого промаха.

НА БИДЖАРАХ

Под вечер идем на биджары. Это рисовые плантации, обширные, залитые водою пространства. В высоких охотничьих сапогах бредем по воде вполколена. Водою залита широкая низменность, гладкая, как поверхность моря. Горы над нею — как темные тучи.

Залитые водою поля разделены на правильные квадраты. Летом здесь трудятся люди по колени в прогретой солнцем болотной воде. Тучами виснет над людьми малярийный комар. Работа на биджарах особенно трудна. Каждое матовое зернышко риса неоднократно взвешено в обожженных солнцем женских руках.

Зимою рисовые плантации пустуют. Сюда ежевечерне слетаются стаи уток и гусей, зимующих в камышах на взморье. Птица слетается на жировку-кормежку. Всю ночь над болотами слышится шум крыльев, покряхтывание селезней, плеск сажащих на воду птиц.

Мы бредем, вспугивая заднезавшую птицу. Матерые утки с шумом столбом поднимаются в небо. Отойдя с версту, расходимся по болоту. Выбрав место, я сажусь на кочку, прикрываясь высокой травой.

Ночь наступает быстро. Узенький и прозрачный вылупляется на небе серп месяца. По небу плывут похожие на легкий дым облака. Кажется, это не облака бегут, а сказочно мчится, мчится среди облаков сам серебряный месяц.

Один в наступающей ночи сижу на своей кочке. Отражаясь в зеркале воды, быстро меркнет заря. На фоне освещенных месячным светом облаков вижу неуловимо проносящиеся тени птиц. Кажется, от моря к горам в небо протянулись тысячи невидимых струн и эти струны звучат.

Птицы снижаются, с плеском садятся на воду. В темноте близко слышу звонкое кряканье, плеск воды, жадное шелкотанье утиных клювов.

Обдав ветром, над самой головой, точно стрелы, выпущенные из тугого лука, проносятся чирки-свистунки. Не успеваю поднять ружье... Укрепившись на маленькой кочке, сливаясь с землей, долго сижу, окруженный невидимым плещущим, крякающим, летающим и плавающим птичьим миром.

Необычайный звук раздается посреди ночи. Это из камышей на промыслы выходят стаи шакалов. Звук раздается близко, растет, разрастается, вопли наполняют окрестность. В темноте слышу всплески шагов, вижу сутулую тень робкого зверя.

Я сижу, слушаю, вглядываюсь в темноту. Знакомый волнующий клик заставляет особенно насторожиться. Клик приближается. Из тысячи звуков выделяю этот волнующий охотника клик. Гуси летят почти над водою. Слышу посвист крыльев, спокойные голоса гусей. Они летят прямо, и с бьющимся сердцем я выцеливаю передового. Вижу, как падает на воду тяжелая птица, и, забывая все на свете, бегу ее поднимать.

ПТИЧИЙ ЗАПОВЕДНИК

Поздно осенью, с наступлением первых холодов, над пространствами материков и морей, расположенных в умеренном поясе северного полушария, начинается передвижение воздушных полчищ кочующей птицы, ежегодно отлетающей с мест гнездования на места зимовки. Первыми отлетают наиболее чувствительные к холоду виды утки. Этим чувствительным путешественникам ежегодно предстоит немалый путь в десятки тысяч километров, и удивительно думать, что наша деревенская гостья — щеглетушка-ласточка и ревностный обитатель городов — стриж, полетом своим рассекающий скудное городское небо, зиму проводят на

«курортах», расположенных в дебрях Экваториальной Африки... Внимательных наблюдателей природы, не разучившихся слышать и видеть движение соков земли (к таким главным образом принадлежит особенное и счастливое племя охотников), волнуют заслышанный высоко над городскими крышами свист птичьих крыльев, спокойный переклик птичьих голосов, сквозь привычные шумы города раздающийся из ночного звездного неба. Осенью, в дни перелета, особенно богатою и волнующею бывает охота. Дупелиные и вальдшнепные высыпки (чудесно поднять вальдшнепа на закрайке раскрашенного во всевозможные цвета осеннего леса!), бекас, гаршнеп, добычливейшая осенняя охота на утиных перелетах, когда от удачного выстрела падает на землю накопившая жиру, раскрашенная в радугу кряковая, — ах, многое может рассказать и вспомнить жадное охотничье сердце! Не меньше радуются охотники весне, когда вместе с первым вздохом пробуждающейся земли, первым движением соков в узластых корнях деревьев, освобождением разлившихся рек высоко в небе над весенними рыжеющими полями появляются птички легкие косяки. Кто в отдаленнейших воспоминаниях детства не сохранил этого радостного крика: «Журавли! Журавли!..»

Не только в поэтическом чувстве, возбуждаемом в сердце охотника видом пролетающей птичьей стаи, главная ценность наблюдений над законами кочевания птиц. В неохватных пространствах страны, у берегов бесчисленных рек и озер, живет, гнездуется и селится великое множество птиц, общию массой своею составляющих немалую долю в запасе природных богатств нашей страны. Широкие пространства Ледовитого побережья, могучие реки Сибири, озера и реки таежного края являются родиной для неисчислимого количества птиц, ежегодно совершающих свой кочевой путь.

Пути и законы следования пролетной птицы еще недостаточно изучены. Еще не установлено точно, какие таинственные причины заставляют некоторых птиц ежегодно бросать кормные удобные места и, рискуя жизнью, тратя запасы жизненных сил, подвигаться на суровый север. Миллионы птиц гибнут в тяжелых перелетах. Миллионы остаются в живых. Какие таинственные привязанности к местам древних гнездований, «память» далеких дней неуклонно заставляют птиц совершать свой трудный путь? Уже и теперь тщательное изучение путей перелета помогает людям, занятым упорным и кропотливым трудом составления никем не записанной Летописи Земли, в разгадывании самых сложных загадок.

Государственный заповедник в заливе имени Кирова — Кизыл-Агаче — представляет собою единственное во всем Союзе место больших птичьих зимовок. Многие миллионы гусей, уток, лебедей, следуя заповедными воздушными путями, находят приют на широком, поросшем высокими камышами пространстве залива, как нельзя лучше

приспособленном природою для зимовок птиц. Нескончаемые заросли камышей, просторные удобные отмели позволяют птице кормиться и укрываться от бушующих над дедушкой Каспием зимних ветров. Окружающая залив предгорная низменность с обработанными рисовыми полями, затопленными водою, представляет прекрасное место жировки, на которое спускаются тучи прилетающих с моря уток, гусей. Зимой незамерзающий залив бывает населен многими миллионами налётной птицы, часть которой отлетает дальше к берегам Ирана, а часть остается на зимовку. Весною все это множество птиц отправляется в обратную дорогу, чтобы на берегах Оби и Енисея, в тундрах и на глухих таежных озерах, на реках и болотах центральной части страны совершить свой жизненный круг и осенью, вместе с новой молодью, вернуться на гостеприимные отмели Кизыл-Агача.

Значительная часть обитающей в Кизыл-Агаче птицы остается в заливе на все лето. Удобное расположение залива, широкие камыши, обилие и доступность корма как нельзя лучше способствуют благополучию гнездящейся птицы.

Охота на зимующую птицу в районах Кизыл-Агачского залива производилась с незапамятных времен. В зимнее и осеннее время, когда в неисчислимых количествах в заливе скопляется пролетная птица и начинаются перелеты на жировку — на рисовые поля, к подножию гор, — из окрестностей приходили местные охотники для лова птиц сетями.

Множество сетей, укрепленных на высоких тонких шестах, устанавливалось в местах ночного пролета жирующей птицы. Ослепленная темнотою осенних безлунных ночей, птица с размаху падала в натянутые сети, билась и погибала. Такая охота по своей добычливости напоминала лов рыбы в весеннее время путины. Пролетевшая многие тысячи километров, спасавшаяся от северной стужи птица находила смерть в сетях беспощадных охотников. Тяжелая кряковая, залитый жиром осенний гусь, бесчисленные стаи другой птицы погибали в расставленных охотниками тенетах.

Ловля птиц сетями в районе массовых зимовок теперь запрещена законом, и каждый охотник, увидев расставленные сети, обязан их уничтожить.

С целью охраны зимующей птицы объявлена полная неприкосновенность Кизыл-Агачского заповедника. Охота в пределах установленных границ закрыта строжайше и навсегда.

Благоразумие человека, хозяйственно заботящегося о сохранении неоценимых богатств природы, уже достигло своей цели. Там, где беспощадно истреблялись миллионы редкой дичи, почувствовав безопасность, непуганая птица с полным доверием относится к своему хозяину — человеку.

В ЗАЛИВЕ

Охотники знают: в ветер и дождь, когда с моря шумит злая моряна, утка и гусь забиваются в камыши — наступает лучшее время охоты. В ясные и тихие дни птица высыпает на открытую воду, и мелководный залив покрывается неисчислимым множеством птичьих стай, редко напускающих охотника на выстрел.

В такой ясный день мы выехали в легком куласе¹, чтобы полюбоваться на великое птичье раздолье. Мы плыли, как в коридоре, по узкой, вливавшейся в залив, заросшей высокими камышами реке. Черные кашкалдаки-лысухи, срывавшиеся перед носом нашей маленькой лодки, с необыкновенной юркостью скрывались в зарослях камыша. На пушистых камышовых метелках качались лазурные зимородки — наши райские птицы. Водяные курочки шныряли среди гниющих камышовых корней.

Мы плыли, как куперовские следопыты, в легкой пироге. Бесчисленное разнообразие птичьего мира окружало нас. Над камышовыми зарослями, распластав широко крылья, бесшумно парили болотные луни. Иногда они останавливались в воздухе, трепеща крыльями на одном месте, и внезапно падали в камыш. Мы слышали возню, стон пойманной добычи, треск ломаемого крыльями камыша. Маленькие птички-камышовки, как пух, перелетали по высоким, звеневшим на ветру, высохшим стеблям. В летние месяцы здесь комариное царство, очаг тропической лихорадки. В стоялой воде, насквозь прогреваемой летним солнцем, кишат миллиарды личинок малярийного комара — носителя заразы.

Подгоняемые тихим течением, колыхавшим высокие стебли перезимовавшего камыша, мы плыли в нашей узенькой и легкой пироге. Если бы не наши почтенные годы, мы и впрямь чувствовали бы себя вождями индейского племени, направлявшимися на опасную и трудную охоту...

Увы, романтические времена молодости отошли далеко, в наших бородах основательно порошится серебряная седина! Мы знаем, что залив, в котором мы плывем, давным-давно исследован человеком, что вылетающая перед носом нашей пироги птица не раз слышала ружейную пальбу, что позади таинственных зарослей камыша человек давно и упорно налаживает новую жизнь.

А все же немножко чувствуем мы себя героями приключенческого романа. Мы, как куперовские следопыты, пробираемся камышами, и, как следопытам, нам открывается широкий, блестящий, наполненный птицею залив...

¹ Ку л а с — легкая плоскодонная лодка, удобная для охоты в камышах и на мелких местах. Управляется длинным легким кормовым веслом — ч а п о м, выточенным из упругого дерева.

Упираясь длинным легким веслом, мы плыли серединой мелкого зеркально спокойного залива. Февральское весеннее солнце ослепительно отражалось в окружавшей нас золотившейся глади.

Мы плыли, со всех сторон окруженные птицами. Утки не напускали на выстрел и удалялись незаметно.

Так, медленно продвигаясь, мы постоянно оставались в центре широкого круга птиц, замыкавшегося позади нашей лодки.

В бинокль были видны отдельные табунки кормившейся и нырявшей на воде птицы. Стаи уток, вытянув шеи, высоко взлетали и, покружившись, опять опускались. В местах кормежки, на отмелях, вода мутилась от птичьего помета.

Хорошо было любоваться на великое птичье раздолье! Ружья нетронуто лежали на дне лодки. Широкое зыбкое море высилось над горизонтом. И, покрываемый морем, безбрежным, бескрайним казался наполненный птицею залив.

РАССКАЗЫ ЗВЕРОВОЛА

Умение хорошо править куласом дается только немногим охотникам, и хороших куласников-толкачей было мало. В Ленкорани нам рекомендовали рыбака и охотника Васю.

Уже на восходе солнца мы были в заливе. Окруженные птицами, мы опять скользили по розово-золотистой глади, призрачно туманившейся по горизонту. Мерно отпихиваясь веслом, поблескивая молодыми зубами, Вася нам рассказывал, как ловил редких птиц для зоопарка.

Чем ближе мы подходили к границе запрета, смелее и обильнее делалась птица. Стаи кормившихся на отмелях гусей и краснозобых казарок напускали на выстрел. На камнях, точно изваяния, сидели огромные орлы-белохвосты.

В черте заповедника открылся большой розовый остров. Нам хотелось увидеть сборище редких птиц, и мы попросили Васю направить поближе. Розовый остров оказался собранием кормившихся на большой отмели фламинго.

В бинокль мы отчетливо видели высоких, с искривленными клювами птиц, стоявших неподвижно и топтавшихся на одном месте. Солнце косыми лучами освещало птичий розовый остров.

Птицы стали подниматься на воздух, когда мы подъехали на выстрел. Широко расправляя красные крылья, вытянув длинные шеи, извивающейся вереницей они потянули на север.

Мы плыли дальше, и, сидя в кулase, я записал несколько рассказов зверолова и охотника Васи.

Бакланы и бабуры

На Каспийском море живет большая птица бабура. У этой птицы есть под клювом большой кожаный мешок, в который она прячет рыбу. Весною бабуры-пеликаны охотятся на рыбу так. Соберутся на отмели большой артелью, окружают цепью косяк рыбы и давай хлопать по воде крыльями. Шум поднимут такой, что издали можно подумать: курьерский поезд мчится. Пригонят рыбешку к берегу на отмель — и пошла потеха! Наглотаются рыбы до отвала,

а чего сразу не могут съесть — прячут в свои подклювные мешки. Мешки эти у них растягиваются, как резиновые.

Много раз приходилось стрелять в пролетающих с рыбного промысла бабур. Выстрелишь, бывало, а бабура после выстрела первым делом рыбу выбросит из мешка, нередко еще живую. Точно откупиться хочет.

Замечательные эти птицы живут в большой дружбе с другими морскими птицами — с бакланами. Среди всех морских птиц баклан считается лучшим ныряльщиком. Подолгу могут оставаться бакланы под водою на самых глубоких местах. Много дорогой рыбы уничтожают бакланы, поэтому рыбаки бакланов очень не любят.

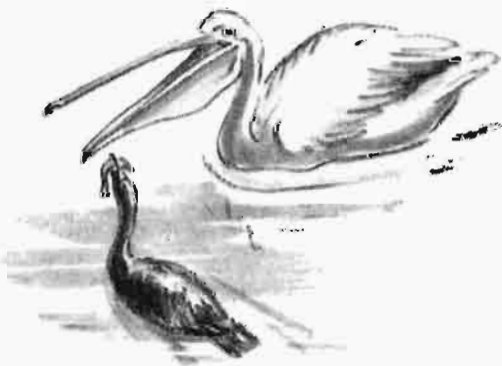
Где на глубоком месте кормятся в море, ныряют, достают с морского дна рыбу прожорливые бакланы, там обязательно плавают бабуры. Издали посмотришь — не сразу догадаешься. Попыряет, попыряет баклан, крылья обмокнут — пора бы и посушиться. А до берега лететь далеко. Вот поймает баклан рыбешку, подплывает к бабуре, и такой будто происходит разговор:

«Разреши мне, дружок, на твоей спине обсушиться».

«Если рыбку дашь, разрешу».

«Пожалуйста, вот тебе рыбка!..»

Отдаст баклан рыбку приятелю, а бабура за это ему свою широкую спину подставит: пожалуйста, мол, влезай!.. Каспийские рыбаки часто видят, как посреди открытого моря, далеко от берегов, на спинах больших белых птиц стоят черные птицы, раскинувши мокрые крылья, точно черные паруса. Так на спинах

бабур сушатся и отдыхают в открытом море прожорливые бакланы и, хорошо обсушившись, начинают снова нырять. А ленивые бабуры спокойно плавают наверху, опустивши над водою длинные носы, — ждут новой подачи.

Хитрые шакалы

У нас, охотников, самым хитрым зверем считается шакал, попросту — чекалка. Много вреда и неприятностей делают охотникам хитрые шакалы.

Выйдет охотник на охоту, а за ним по камышам десятка два шакалов пробираются незаметно, следят за каждым шагом. Выстрелит охотник — упадет раненая птица в камыш, а шакалы тут как тут. Не успеет охотник подбежать, а добычи уже нет: утащили птицу прожорливые чекалки.

Раз как-то пошел я на охоту, настрелял много кряковых селезней, стало мне тяжело нести сумку. Нашел я в камыше старое кабанье гнездо — кабаны в камышах большие гнезда делают, — спрятал сумку под намятый кабанями камыш. Думаю: «Пойду скоро назад, возьму свою добычу».

Через час возвращаюсь к гнезду — нет моих селезней!

«Ну, — думаю, — разнюхали проклятые чекалки!»

Стал по сторонам смотреть. Уж далеко в стороне нашел свою сумку. Вся в клочья изодрана, а кругом селезневые перышки лежат. Всех до единого съели шакалы моих селезней.

Однажды довелось мне самому видеть, как охотятся шакалы за дикими гусями. Я тогда в камышах силки ставил, ловил живых птиц.

Сижу, поглядываю из камышей на берег, трубочку покуриваю. А на отмели гуси сидят. Большое стадо.

Вижу: по отмели два шакала тихонько пробираются.

Остановились на минуту — точно совещаются. Вот подбежал один шакал прямо к гусям, а другой остался возле камышей. Увидели гуси зверя, загоготали, поднялись и полетели к дальнему берегу.

У шакалов ушки на макушке: где-то сядут гуси?

Покружились, покружились гуси — сели на новое место.

И вижу я: вошел шакал в воду. Глубже и глубже — присел в воде, только из воды ушки торчат.

А другой шакал помчался к тому месту, где сели на отмель спугнутые гуси.

Стало мне очень любопытно. «Ну, — думаю, — задумали что-то хитрое чекалки. Надо посмотреть хорошенько, что у них выйдет».

Раздвинул я пошире камыш, смотрю.

Добежал шакал до гусей. Опять поднялись гуси и, вижу, прямохонько тянут на прежнее место. Не видно им, что спрятался в воде их лютый враг.

Покружились, покружились над водой гуси, стали садиться. Сел один гусь, сел другой, а шакал в воде не двигается. Вот еще один гусь совсем рядышком опустилсь.

Выскочил из воды шакал — цап-царап! — схватил гуся. Загоготали, высоко поднялись гуси. А один гусь бьется в острых зубах у шакала, брызги летят.

Другой шакал тут как тут. Вместе вытащили они гуся на берег, стали добычу делить.

Не вытерпел я. Хоть и далеконоько было — прицелился хорошенько, выстрелил в разбойников дробью.

Бросились в разные стороны шакалы.

Выбежал я из камышей, подбежал к берегу. А гусь на берегу лежит, бьется, еще живехонек, только одно крыло переломано. Взял я гуся, принес домой.

Долго жил у меня этот отбитый у разбойников раненый гусь.

ФЛАМИНГО

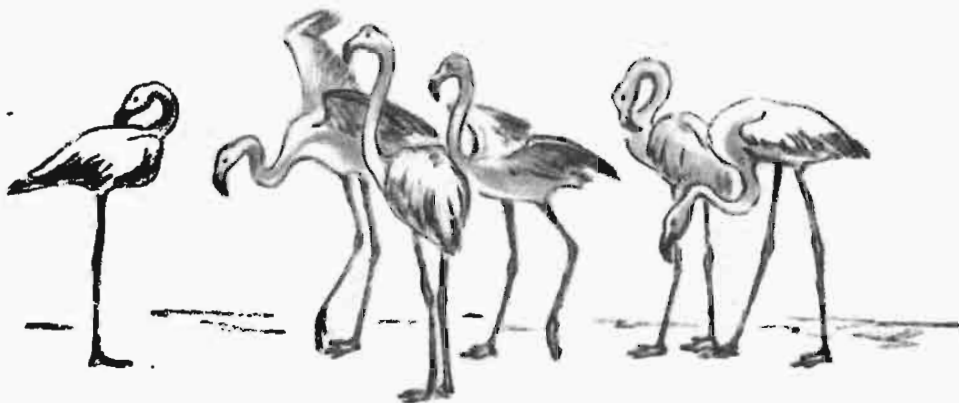
С особенным удовольствием переночевав в гостеприимном домике на берегу залива, ранним утром мы опять трогаемся в места птичьих зимовок. Постукивая мотором, маленький катер рассекает усеянную птицами зеркальную гладь залива. Здесь, вне границ запрета, напуганная местными охотниками птица держится осторожно. Завидев надвигающееся судно, далеко — вне выстрелов — снимаются с воды нахлестанные охотниками гуси и утки.

Дорогою нам удалось застрелить только несколько кашкалдаков-лысух, плававших в заливе. Откормившиеся птицы так разжирели (у местных охотников лысухи справедливо считаются самой вкусной птицей), что при приближении лодки им было трудно подняться с воды. Шлепая по воде крыльями, смешно вытянув шеи, неловко старались они взлететь. Раненная выстрелом птица на глазах наших мгновенно скрылась под водою. Мы долго кружили на месте, но так и не довелось нам больше ее увидеть. Охотники хорошо знают об удивительной способности некоторых диких уток укрываться от выстрелов под водою. По раненому нырку неопытный охотник иногда может выпустить несколько десятков зарядов. Раненая птица, нырнув, прячется в густых зарослях водорослей и, выставив над поверхностью воды клюв, остается охотнику невидимой. Исчезновение раненой лысухи на зеркальной глади широкого залива осталось для нас нерешенной загадкой.

Трудно поверить фантастическому объяснению сопровождавшего нас местного охотника, уверявшего, что смертельно раненная лысуха, нырнув на морское дно, крепко держится клювом за землю и так уми-

рает, предпочитая задохнуться, чем достаться в руки ранившему ее охотнику...

Путешественники и охотники, побывавшие в местах скопления птиц, хорошо знают, как легко и быстро привыкают в больших заповедниках птицы к человеку, охраняющему их безопасность. Наполнявшие залив птицы, казалось, хорошо знали невидимую черту запрета, и, стоило нам перевалить границу заповедника и спрятать ружья, птицы перестали бояться надвигавшейся на них лодки, спокойно напускали на верный выстрел.

Окруженные шумным птичьим миром, незаметно смыкавшимся за нами в живой, двигавшийся круг, въезжали мы в заповедник — в чудесное царство птичьих зимовок. Птицами были усеяны береговые отмели, туманившаяся гладь залива. Птицы всевозможных пород плавали и ныряли, расправив крылья, стайками и поодиночке проносились в воздухе над нашими головами. На темной поверхности залива виднелись белые островки. Это плавали лебеди, издали похожие на корабли с распушенными белыми парусами.

Огибая заросшие камышом берега, мы еще долго плыли серединою наполненного птицею широкого зеркального залива. Дождливое зимнее небо низко висело над камышами. Как бы обещая на завтра хорошую погоду, на горизонте алела узкая полоска зари.

— Посмотрите, это сидят на отмели фламинго! — разглядывая полосу мнимой «зари», сказал наш спутник.

Чтобы еще раз увидеть редкостных птиц, я попросил поближе направить наш маленький катер. Чем ближе подходили — яснее был виден большой розовый остров, издали показавшийся алой зарею. Несколько таких островов виднелось в туманившейся дали залива.

На расстоянии полукилометра можно рассмотреть кормившихся на отмели больших розовых птиц. В бинокль были видны их белые шеи и карминно-красные ноги. Издали весь розовый остров казался недвижимым. Большие розовые птицы, казалось, застыли. Нам, охотникам, чудилось — вот сам собою исчезнет, как дивное видение, растает явившийся нам сказочный остров.

В сильный морской бинокль я видел отдельных птиц. Птицы иногда поворачивались, окунали головы в воду. Толстые клювы их были как бы надломаны. Расправляя красные крылья, казалось, они танцевали, и весь остров переливался пламенной алой зарею. (Название «фламинго», что по-русски значит «пламенный гусь», очень удачно определяет огненную окраску этих птиц.)

— На этом острове не менее двадцати тысяч птиц, — окинув опытным глазом весь розовый остров, определил количество птиц бывалый наш спутник.

Мы были шагах в трехстах от живого розового острова, когда, обеспокоенные приближением лодки, птицы зашевелились. Расправляя крылья, птицы взлетали одна за другою, выстраивались в длинную вереницу. Отражаясь в зеркальной глади залива, затейливо извиваясь, красная вереница исчезала за горизонтом, и нам казалось, что это разгорается в небе вечерняя алая заря.

Бесконечной лентой извивалась над заливом вереница чудесных птиц. Любуясь невиданной картиной, долго следили мы, как на глазах наших, точно видение, исчезает, тает в воздухе очарованный розовый остров.

НА ОТМЕЛЯХ

На берегах обширного Кизыл-Агачского залива стояли некогда мощные рыбные промыслы-ватаги, большие морские пароходы беспрепятственно входили в самую глубь залива. В последние годы Кизыл-Агачский залив быстро мелеет. С каждым годом обнажается илистое дно — вязкий черный «батак», в котором неопытный охотник рискует погибнуть. Обмеление вызвано общим понижением уровня Каспийского моря. Причиной этого обмеления является отчасти недостаток воды, подаваемой главнейшими реками — Волгой и Уралом. Так истребление лесов Севера, снабжавших реки водою, отозвалось в противоположной части страны.

Почти с каждым годом изменяет свои очертания мелководный гостеприимный морской залив. Новые открываются кормные отмели. Там, где еще в прошлом году свободно проходила моторная лодка, теперь можно плыть только в легком кулаке.

Осторожно толкаясь чапом, медленно приближались мы к отмели-стому берегу залива. Чем дальше пробирались в глубину заповедника — смелее, доверчивее были окружавшие нас птицы. Мы слышали непре-кращавшийся шум, то переходивший в отдаленные раскаты, то затихав-ший. Издали этот шум был похож на приглушенный рев водопада. Са-дясь и взлетая, беспрерывно шумели на отмелях несметные стаи. Птицы вдруг то поднимались темною тучей, то, покружившись, шумно сади-лись. Трудно понять, что пугало заставляло внезапно взлетать спокой-но кормившиеся стаи. Быть может, птиц пугали разбойники-шакалы, подкрадывавшиеся из камышей к своей добыче.

Множество перьев и белого пуху плавало на поверхности воды, под которою было видно мелкое дно, испещренное следами птиц. Длинный тонкий чап глубоко уходил в жидкий батак — слой легкого ила, покры-вавшего вязкое дно залива. Черным потрескавшимся батском были по-крыты обнажившиеся отмели, на которых кормились и отдыхали бес-численные птичьи стаи.

Необычайное обмеление не позволяло нам пробраться в самые глу-хие уголки птичьего заповедника. Сидя в кулесе, только издали я мог любоваться открывавшимся перед глазами недоступным человеку про-странством. Чувствуя полную безопасность, птицы плавали, кормились, летали. В бинокль можно было видеть гусей, лебедей, уток, несчетными стаями покрывавших зеркальную гладь.

Упираясь чапом в мягкое дно, с великим трудом добрались мы на-конец до береговой отмели, сплошь покрытой потрескавшимся батском. Окончательно уткнувшись в ил, наш кулас остановился в нескольких сотнях шагов от плоского берега. С большой опаской ступили мы в рас-плывавшийся под ногами жидкий батак. Каждый шаг здесь грозил опа-сностью.

Берегись, неосторожный охотник, в погоне за дичью угодивший в бездонный батак! Еще не скрепленная корнями растений болотная топь может расступиться. Напрасно будет стараться охотник выбраться. Вершок за вершком, точно пасть страшного чудовища, засосет его вяз-кий батак...

С величайшей осторожностью двинулись мы к желтевшей впереди стене береговых камышей. Как бы предупреждая о появлении незваных гостей, кружились и кричали над нашими головами чайки. Острыми косяками проносились стайки гусей, летевших в поля на жировку.

Сопровождаемые тревожными криками птиц, благополучно добра-лись мы до густой стены камышей, шелестевших на ветру. Выбравшись на сухое, с любопытством я принялся разглядывать чудесную грамоту следов, отчетливо рисовавшихся на грязи. Здесь были тоненькие кресто-образные следы куликов и камышовых курочек, цепочкой тянулись чет-ко печатавшиеся следы шакалов и диких котов. Глубокие следы кабанов скрывались в чаще камышей. Разглядывая грамоту следов, еще живее

представлял я великое множество зверя и птицы, населявших край птичьих зимовок.

Звериными узкими тропами, пробитыми в камышовой чаще, выбрались мы из болота. На высоком, покрытом степною растительностью берегу еще виднелись остатки морской пристани; заросшая тростником и бурьяном, лежала на боку старая барка. Несколько десятков лет назад здесь еще был берег моря, стояли рыбные промыслы. Заслышав шаги людей, задневавший шакал выскочил из-под старой барки; с шумом и треском поднялся из высокой травы выводок степных турачей.

СУЛТАНСКИЕ КУРОЧКИ

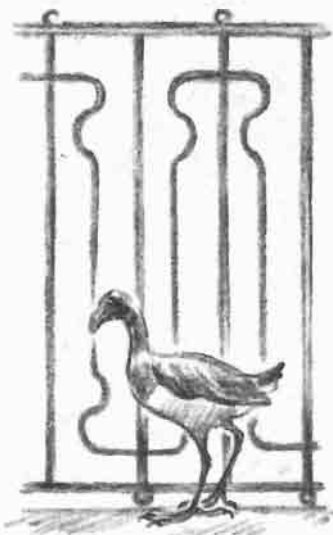
Скрытыми кабаньими стежками, испещренными следами зверей, я пробираюсь к глухим птичьим озеркам. На этих озерках обитают султанские курочки — нарядные птицы.

Большую редкостью стала теперь султанская курочка. Некогда ею кишели камышовые заросли Кизыл-Агача. В летние месяцы султанская курочка появлялась и в северной части Каспийского моря. Во время сильного шторма однажды живая птица была поймана на центральной улице шумного города Баку. Сильный ветер принес ее на балкон городской квартиры профессора-биолога. Редкостная птица как бы сама пожаловала с визитом к ученому-птицеводу. Чучело этой султанки, пойманной в городе, хранится в зоологическом музее.

В суровую зиму, причинившую много бедствий всему птичьему населению Кизыл-Агача, особенно много погибло от морозов нежной султанки. Не умея хорошо и быстро летать, султанка оказалась беспомощной среди покрывшегося льдом залива. Разбойникам-шакалам досталась богатая пожива. Шакалы переходили по льду замерзшее пространство и подбирали ослабевших от бескормицы птиц. Много миллионов птиц погибло на шакальих зубах.

Оставшаяся после суровой зимы султанская курочка гнездится в самых глухих камышовых зарослях Кизыл-Агача. Увидеть ее очень трудно. Нужно знать места, иметь охотничье терпение и осторожность, чтобы в свое удовольствие полюбоваться редкостной птицей, одетой в яркий костюм, пышность которого послужила поводом к ее наименованию.

Осторожному и наблюдательному охотнику, умеющему хорошо подслушивать и примечать открывающиеся его слуху и зрению тайны, приятно наблюдать из засады за жизнью редкостных птиц, чувствовавших себя в безопасности на глухом, скрытом озере. Не замечая скрывшегося человека, птицы свободно расхаживают по вязкому баталу, оставляя на жидкой грязи тонкие крестики следов. Длинные пальцы султанки

устроены так, что эта птица, величиною едва уступающая домашней курице, не проваливаясь и не завязая, легко бежит по самым топким местам. Странно видеть, как, точно нарядные маркизы в старинном чопорном танце, раскланиваясь и обмахиваясь веерами, друг за дружкой следуют птицы. По поверхности зеркального озера, покрытого незаметными глазу листьями водорослей, птицы проходят как по паркету. Тонкие, длинные пальцы их опираются на листья растений, и охотнику кажется, что птицы идут по зеркальной поверхности воды.

Осторожно, как зверь, раздвигаю высокий, шелестящий над головою камыш. Не замечая человека, надо мной проносятся стройные косяки птиц. Я слышу свист крыльев, обдающих меня ветром, вижу тяжелые тела птиц, их длинные, вытянутые шеи с маленькими головами. Чтобы не выдать себя, приседаю в густых камышах, и птицы

низко проносятся над моей головою.

Я иду тихо, напряженно прислушиваясь к каждому звуку. Не ровен час — на счастье охотника вывалит из батака зазевавшийся, задремавший секач-кабан или покажет гриву седой камышовый волк, свежими следами которого покрыта пробитая кабанами глухая тропинка...

Но тщетны ожидания охотника-следопыта, незвано забравшегося в звериное и птичье царство. Тысячи невидимых глаз продолжают следить за ним, тысячи ушей прислушиваются к каждому его шагу. Напрасно верит в свое одиночество схоронившийся в камышах охотник!.. Вот хрустнула и шевельнулась высокая пушистая камышина. Охотник догадывается — близко прошел незаметно сопровождающий его соглядатай-шакал. Маленькие птички хлопчут над человеком. Шуструю стайкой перелетают они по верхушкам высокого камыша, и в их осторожном чириканье охотнику слышится:

«Чужой! Чужой!»

«Чужой! Чужой!» — произносит остановившийся в воздухе взмывший над охотником лунь.

«Чужой! Чужой!» — громко кричат казарки, вдруг заметившие человека. «Чужой!» — испуганно повторяют они, столбом поднимаясь в небо.

Следя за ними, знает о приближении гостя и затанувший в камышах волк, и старый секач-кабан, оберегающий многочисленное свое семейство. Все притихает, все пастораживается, и только разбойники-

шакалы, трусливо прячась, в надежде на легкую поживу невидимо и неотступно провожают человека...

Отразив голубизну неба, блеснуло впереди чистое зеркало воды. Здесь открывается маленькое, прикрытое камышами озерко. С особою осторожностью я раздвигаю чащу камыша, высовываю голову. За маленьким мелким озерком, отражающим блеск солнца, на потрескавшемся батике длинной вереницей разгуливают редкостные птицы. Они одеты в синие бархатные камзолы, ярко играющие на солнце цветистой радугой красок. Отражаясь в недвижном зеркале воды, птицы чинно идут друг за дружкой. Здесь я чувствую себя как бы в сказочном театре. На богатую удобную ложу похож скрывающий меня густой куст камыша. Из ложи я наблюдаю невиданное представление, диковинный птичий балет. Актеры-птицы то скрываются в камыше, то опять появляются на освещенной солнцем зеркальной сцене. Я совсем близко вижу маленькие, изящные головки птиц, их кораллово-красные ножки, изукрашенные в радугу бархатные камзолы. Как настоящие опытные актеры, птицы прогуливаются по сцене, раскланиваясь и приседая, и мне впрямь кажется, что сижу в невиданном, дивном театре и, потешая меня, передо мной ходят, танцуют настоящие разнаряженные маркизы.

В ГОРАХ КАВКАЗА

НА КИШЕ

В управлении Кавказского заповедника нам посоветовали отправиться на реку Кишу, где в небольшом горном поселке жили зоологи-студенты, занимавшиеся научной работой.

— На Кише вы сразу познакомитесь с условиями вашей работы, — говорили нам бывалые люди. — Там, наверное, найдется для вас помещение, а для вашей работы это будет самое подходящее место...

Добрый совет нам пригодился.

Киша оказалась глухим, диким, заброшенным местом. Позднюю ночью, рискуя сломать голову, добрались мы к затерянному в горах маленькому поселку, расположенному на месте старинного аула на берегу реки.

В первый же день узнали мы последние новости, волновавшие жителей глухого поселка. На склоне горы Пшекиш волки зарезали оленя. Остатки волчьей трапезы — обглоданные копыта и окровавленные клочья шерсти — обнаружили наблюдатели-егеря, обходя свой участок. Волки, видимо, чувствовали себя полными хозяевами в диких этих местах и не стремились нападать на гурты лошадей, пасшихся обычно у подножия гор.

Кроме людей — зоологов и сторожей-наблюдателей, охранявших свои участки, — в поселке обитали четвероногие существа: верховые казачьи лошади и единственная дойная корова, молоко от которой люди уступали трем воспитывавшимся на Кише олененкам. Маленькие олени

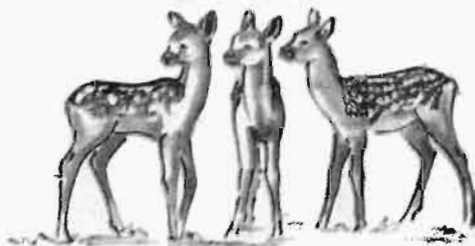
были недавно пойманы в заповеднике и за короткое время сделались совсем ручными. Они хорошо знали клички, по пятам ходили за ухаживавшими за ними людьми. Особенной смекалкой отличался олененок Чугуш, взятый у пастухов-имеретинов, поймавших его в горах. На молодых оленятах еще не сошли светлые пятна, делавшие их похожими на пятнистых оленей. Чугуш ежедневно приходил в нашу комнату и, стуча копытцами по полу, разыскивал приготовленное угощение. Другого маленького олененка поймал двенадцатилетний Ваня, сын егеря-наблюдателя. На берегу реки на Ваню набросилась из кустов мать олененка и, сбив его с ног, умчалась в лес. Испуганный мальчик долго не мог понять, что с ним случилось, потом, оглядевшись, увидел под поваленным деревом маленького олененка. При появлении человека олененок бросился в реку, но Ваня успел его схватить и, отогревая на своей груди, принес на Кишу.

Молодые олени отлично чувствовали себя с людьми. В них не было и следа дикости, свойственной лесным животным. Ухаживавшую за ними студентку они принимали за свою мать, ходили за нею неотлучно. Трогательно было видеть, как бредут они за нею по лесной дикой тропинке. Маленькие оленята были общими баловнями и любимцами в поселке, и люди всегда уступали им лучшее из своих запасов.

ЗАПОВЕДНИК

Кавказский государственный заповедник занимает центральную часть главного Кавказского хребта. Северные границы заповедника проходят по линии диких скалистых гор, спускаются по реке Кише и реке Белой, берущим начало свое в ледниковых горах. На южном склоне, обращенном к Черному морю, граница заповедника проходит возле поселка Красная Поляна, где — во времена прошлые — для императорской охоты был построен дворец и проложена в горах большая дорога. Эту дорогу строили вручную, ломами проламывая скалы. Стоявшая много миллионов лет была проложена исключительно для проезда знатных гостей, приезжавших побаловаться горной охотой.

Самые глухие, малодоступные места находятся на северном склоне гор. Здесь, в горах и глубоких ущельях, заросших девственным лесом, на обширных альпийских пастбищах — ранней весной особенно прекрасны цветущие луга! — на не-

приступных голых высотах пасутся стада охраняемых в заповеднике редкостных животных.

В заповеднике не дивное дело встретить стадо оленей. Поднявши головы, долго будут вглядываться сторожкие звери в путника, нарушившего дикую неприступность горной пустыни. В них все легко и прелестно: гордый постав головы, тонкие ноги, грациозные линии спины и груди. Стоит хлопнуть в ладоши — как стрелы, спущенные с лука, не касаясь земли, умчатся олени, и уследить трудно их мелькающий легкий лёт...

Многое может увидеть путешественник, любитель природы, попавший в заповедные эти края. Нужен сильный многократный бинокль, чтобы раскрылись перед ним тайны окружающих его горных просторов. Утвердившись на камне, с вершины скалы неторопливо обозревает он раскрывшиеся перед ним горные дали. Здесь чувствует он себя как бы в необыкновенном театре. Смутно синеет в поле бинокля опушка дальнего леса. Стадо серн пасется на склонах гор. Издали животные кажутся легкими тенями. Вот, освещенный утренним солнцем, медленно взбирается по каменистому крутому откосу медведь. С непостижимою ловкостью хватается мишка за камни. Куда, по каким делам прокладывает он себе дорогу?

Черные птицы парят над ущельем, синеющим своей глубиной. В бинокль они видятся небольшими пылинками. Так парят над черною пропастью стервятники-грифы. Что разглядели они в глубине темной расщелины? Быть может, там лежит разбившийся насмерть горный козел или упала в пропасть неосторожная лошадь... Несчастные случаи — не редкость в горах. И, вглядываясь в грифов, с содроганием вспоминает охотник, как поскользнулась в пути его лошадь. Жутко представить, как растерзанный труп валится в пропасть и, его нагледев, спускаются делить добычу мрачные птицы.

Но всего интереснее охотнику следить за турами. У самой границы снегов видится их чуткое стадо. Туры пасутся на крутых скатах горы. Головокружительная, неприступная окружает их высота. Нужно хорошо уметь ходить по горам, уметь прятаться и припадать к земле. Осторожные туры зорко сторожат опасность. Стоит столкнуть камень, неосторожно показаться — стадо исчезнет, точно совсем его не бывало.

Но бывают счастливые дни, когда путешественнику удастся приблизиться к турам. Сидя за камнем, может долго любоваться он на рассыпавшееся по горному пастбищу стадо. В память охотника навсегда врежется редкостная картина. Четко рисуясь на гребне скалы, неподвижно стоит крутолобый бородатый козел с тяжелыми, круто завитыми рогами. На каменное изваяние похож этот, как бы застывший в неподвижности высокогорный страж. Точно из недосыгаемой древности, из забытого, встает перед охотником чудесное зрелище, наблюдать которое приходится, быть может, единственный раз в жизни...

В тех самых местах, где советской властью основан Кавказский заповедник, некогда была знаменитая великокняжеская охота. Казна отпускала много денег на содержание охраны. Кубанскую охоту (так назывались места княжеской охоты) охраняли егеря. Кроме оленей, туров, серн, медведей, населявших дикие склоны гор, в те времена обитало большое стадо кавказских зубров. По словам старожилов, помнящих прошлые времена, князь приезжал на охоту с большою и пышною свитой. Княжеские гости охотились на туров и серн, стреляли оленей. Для знатных охотников в горах были проложены особые тропы. По этим тропам можно было подъезжать верхом к самым отдаленным местам.

Охотничьи подходные тропы сохранились. Многие из них заросли лесом, стали почти непроходимыми, а сохранившимися тропами пользуются наблюдатели-сторожа, охраняющие заповедник.

В годы голода и гражданской войны много зверей погибло. Добравшись до запретных мест, браконьеры беспощадно уничтожали все, что попадалось под руку, иногда не имея возможности даже воспользоваться своею добычей.

Особенно много диких животных истребили скрывавшиеся в горах белые бандиты.

Последнего зубра браконьеры убили много лет назад. Выследить огромное животное — дело простое. Тяжелые зубры не могли убежать от охотников. Огромная туша зубра представляла даже для неопытного стрелка надежную мишень.

ПО ГОРНОЙ ТРОПЕ

Ранним утром началось наше путешествие в горы. Сидя на лошадях, нагруженных вьюками, тронулись мы из гостеприимной Киши, дружески нас провожавшей. Двигаясь по лесной узкой тропинке, вряд ли имели мы вид лихих горских наездников. Ну что же, пусть посмеется со стороны над кавалерийской выправкой неопытных наездников очень притязательный наблюдатель! Здесь, в горном лесу, на глухих темных тропинках, чувствовали мы себя прирожденными кавалеристами.

Воинственное шествие наше возглавлял кишинский осел Федор Иванович. Это благородное животное в рассказе своем я сознательно называю человеческим именем. С благодарностью и восхищением вспоминаем мы ушастого спутника, облегчавшего трудное путешествие наше. Нагруженный громоздкими тюками, с разумнейшей осторожностью обходящий он препятствия, ни разу не зацепившись даже уголком давившего его груза. Он шел впереди, как опытный проводник, трогательно заботившийся о своих спутниках. По временам он останавливался и, повернув голову, заботливо вглядывался в отстававших. Во взгляде

его была тревога. «Что же вы, братцы? — говорил нам как бы с упреком его взгляд. — Что же вы? Этак сорваться с тропы можно!»

Там, где приходилось вести лошадей в поводах, чтобы сохранить вьюки, Федор Иванович со своим грузом следовал самостоятельно. Лошади уступали в уме и сообразительности своему длинноухому собрату. Они пугались предметов совсем безобидных и делали непростительные глупости. Но больше всего Федор Иванович изумлял нас своими гастрономическими вкусами. На остановках с особенным аппетитом он кушал колючий чертополох, точно это было любимое, самое лакомое кушанье.

Здесь, на уступах гор, где начиналось наше охотничье путешествие, некогда жили в горных аулах воинственные наездники-горцы. До сего времени печальное зрелище представляют заросшие густым лесом покинутые пепелища. Еще виднеются в кустах и колючем терновнике накрытые бурьяном груды развалин, кое-где сохранились старинные каменные колодцы. Студеная и прозрачная вода струится по каменному лотку. Роняя налитые соком плоды, свесилась над заброшенным источником дикая алыча. После долгой дороги приятно прильнуть к прозрачной ключевой воде, опустившись на мягкую траву, и, закрыв глаза, представить в воображении далекое прошлое.

По извилистой утоптанной тропинке отсюда некогда спускались горские женщины с высокими кувшинами на плечах. Лица их до половины были прикрыты чадрую. Яркое солнце отражалось на плоскокрыших домиках горного аула. Синие дымы очагов поднимались к небу. У источника слышался плеск воды, звучно звенели голоса...

Я открываю глаза. Вызванного воображением видения нет. На одичавшей поляне пасутся стреноженные лошади. Дым охотничьего костра стелется тонкою струйкой.

И особенно печальными кажутся одичавшие сады. Медведи и кабаны приходят по ночам собирать падающие с деревьев плоды. В этих одичавших садах удобно подкарауливать ночью медведей. В темноте слышит охотник, как, лакомясь сладкими грушами, орудует под деревьями зверь. Вот он забрался на дерево, и под его тяжестью внезапно обломилась покрытая плодами вершина. Далеко слышно тогда, как кряхтит упавший с дерева неуклюжий Топтыгин...

Шаг за шагом поднимаемся по лесной узенькой тропинке, ведущей нас, как сказочный бабушкин колобок. Тропинка то поднимается, круто свиваясь, то ровно нитью тянется по обнаженным хребтам.

Чем выше поднимаемся — реже встречаются лиственные деревья. Высоко в горах не видим раскидистых зеленых буков. Их незаметно сменили мрачные пихты. Точно готические колокольни, высятся эти де-

ревья, вонзаясь в небо заостренной темной вершиной. Мрачное впечатление производит пихтовый лес. Вот лежит на пути необъятное дерево, некогда поваленное ветром. Тропинка свернула, чтобы обогнуть ствол упавшего великана. На гигантском стволе дерева выросли грибы, замысловатыми кружевами развесился пышный лишайник. Сколько столетий простояло в лесу это дерево, сколько довелось ему выдержать бурь! Сколько еще пролежит, пока не рассыплется прахом необъятный труп богатыря!

Мы останавливаемся на привал у упавшего дерева. Усталые лошади жадно хватают листву ежевики, густо обвившейся вокруг великана. Еще много живых старых деревьев высится в девственном лесу. Их черные вершины сокрыты от глаз. Видим толстые стволы, густые темные ветви, над нашими головами закрывающие синеву неба.

Безжизненным, мертвым показывается лес. Путешественник не услышит в горном лесу кукования кукушки, звонкого свиста дрозда. Птицы избегают бескормной глуши горного леса.

Вот у дороги показались рододендроны — первые жители горных высот. Железная, жесткая листва их недвижна. Видится что-то доисторическое, чуждое в форме этих реликтовых растений.

У самой границы альпийских лугов все резкое меняется. Исчезают пихты, опять зеленеет низкорослый лиственный лес. На большой высоте путешественники входят в полосу горных кленов. Этими кленами — яркою золотою оправой — мы любовались еще у подножия гор. Отсюда, с оголенной хребтины, головокружительный, глубокий открывается вид.

После долгого путешествия легко и свободно дышит путник, оказавшийся в воздушном просторе альпийских лугов. Впервые во всей силе чувствует он горную высоту.

РЕВ ОЛЕНЕЙ

— Желаем вам услышать в горах рев оленей, — еще в управлении заповедника говорили нам молодые зоологи, напутствуя нас в дорогу. — Рев теперь в полной силе, и для охотников, любителей природы, это будет как лучшая музыка, послушать которую удастся очень немногим...

Добрые пожелания наших друзей осуществились. Еще по дороге отчетливо увидели мы в бинокль пасшихся на опушке оленей: красавца самца с рогами, похожими на украшение рыцарского шлема, и безрогую красавицу самку. Олени бродили на опушке, прислушиваясь к каждому звуку. Рыцарь поднимал голову, как бы рисуясь перед прекрасною дамой, спокойно щипавшей полегшую траву.

Я долго сидел на краю каменного обрыва. Внизу, на покатой по-

ляне, зеленевшей свежей травой, паслись легкие серны. Они казались тенями, скользившими среди кустов и каменных обломков.

Солнце скрылось за острый гребень хребта, и над горами быстро опустилась почная лиловая тень. Тотчас внизу, близко, из накрытого тенью ущелья послышался звук трубы. Невидимый влюбленный рыцарь трубил, созывая соперников на поединок.

Удивительное чувство в сердце охотника порождает этот призывный и страстный звук. Чуются в этом звуке гордая сила, и страстный призыв к возлюбленной, и угроза сопернику.

Широкая расходившаяся котловина усиливала звук, эхо далеко повторило голос ревающего оленя. Тогда на склонах горы ответили трубачу голоса соперников. Казалось, вокруг охотника ожили вдруг леса и раскрылась лесная сказочная тайна...

Ночью, лежа у дымившего костра, я не спал. Я поднимал голову, прислушиваясь к раздававшимся в горах трубным звукам. Звезды наполняли ночное черное небо. Не в силах заснуть, я смотрел на звезды, слушал треск костра, далекий рев оленей, трубивших радостную песню своей любви.

Живя в горах, мы еще долго слышали победный рев оленя. Это ликовал олень-победитель. Рев победителя отражался в горах, и ему отвечали другие. В звуках трубы была воинственная угроза. Среди многих голосов мы узнавали робкие голоса молодых. Один олень трубил особенно печально. Наверное, это был старый одинокий самец, из года в год ревавший на облюбованном месте. Наш провожатый — опытный охотник — по голосу знал старого оленя. В голосе старика слышался звук разбитого металла, печаль утраченного. Нам этот старый олень представлялся печальным рыцарем, замкнувшимся в своем одиночестве...

На Кавказ мы приехали в октябре. Рев оленей еще продолжался. Закованные в бронзу, стояли леса. Сверху мы видели чудесный ковер осеннего раскраса, лиловую шубу буковых лесов, червонное золото горных кленов.

Разумеется, нам очень хотелось ближе увидеть турнир лесных благородных рыцарей, но редкому охотнику выпадает такая удача.

Опытные люди, близко наблюдавшие ревающего самца-оленя, рассказывают, что каждый олень в пору игры облюбовывает место, свой маленький «точок». Здесь он проводит осенние ночи, чутко слушая голоса соперников и трубя. Осторожному охотнику удастся иногда подойти близко к оленю, увлечемому любовной игрой. Редкое удовольствие испытывает такой счастливец. Он видит влюбленного рыцаря, гордо поднявшего голову, украшенную ветвистыми рогами. Ожидая возлюбленную, олень трепещет. Горе сопернику, осмелившемуся приблизиться! Рука не поднимается у охотника стрелять в прекрасное животное, объятые страстью любви...

Бродя в горах, мы открыли несколько «точков», выбитых оленями во время рева. Видеть лесной турнир близко нам, однако, не посчастливилось. Все же воспоминание о ночах, проведенных в горном лесу в пору рева, осталось драгоценнейшим воспоминанием, которым может похвастать не каждый охотник.

ПАСТБИЩЕ АБАГО

Ранним утром я вылез из дощатого пастушьего балагана. Восходившее солнце ярко блистало на пелене снега. Выпавший ночью снег покрывал широкое пастбище Абаго.

Сделав несколько шагов, я увидел на снегу следы двух оленей. Животные ночью подходили к самому балагану. След русака вытягивался длинной петлею.

Выпавший снег раскрывал перед нами тайны ночной жизни зверей. Нам интересно было воспользоваться первой выпавшей порошей, и, наскоро напившись чаю, отправились мы в дальнейшее путешествие.

Шагая по таявшему снегу, подвигались мы набитой оленями тропинкой.

Приятная встреча ожидала нас в пути. Спустившись в лощину, мы увидели медведя.

На ярком фоне снега отчетливо была видна его черная туша. Зверь стоял как бы задумавшись. Малейшего движения было достаточно, чтобы испугать зверя. С необычайной легкостью медведь метнулся в сторону и, вытягиваясь, быстро умчался.

Несколько мгновений мы наблюдали, как улепетывает по снегу перепуганный топтыгин, и, довольные приятной встречей, бодро двинулись дальше.

Путешественник и охотник, привыкший бродить по полям и лесам обширной страны нашей, в горном лесу чувствует себя неуютно. Здесь нет привычных уголков родной нашему глазу природы — нет тихих речек, заросших зелеными лопухами, таинственных заводов, манящих сердце охотника-рыболова.

Подавленным и одиноким чувствует себя на первых порах поднимающийся в высокие горы охотник. Незнакомый, головокружительный он видит простор. Здесь все величественно и грандиозно. Вершины гор уходят в небо. Точно золотистое пустынное озеро, распластался внизу туман. Как одинокие сверкающие острова, встают над туманом обнаженные ледяные вершины.

Обманчива величественная тишина гор. Тысячекратно отражается в глубокой теснине звонкое эхо. Жутко взглянуть на головокружительную глубину, где, седая от пены, ревет и мчитя река.

Прекрасны, стремительны горные реки. Как бы разгневавшись, в седой злобной пене бьются они о каменное русло. Необычайная сила выражается в сокрушительном их потоке. Кружится голова, когда стоишь возле такой реки. Кажется, все проносится мимо с бешеной быстротой, и, осыпаясь брызгами, ты один стоишь, укрепившись на камне. Разноцветная радуга висит над рекою...

Вот упало с кручи огромное дерево и мгновенно скрылось в пенящемся потоке. Как пустую соломинку, понесла его седая от пены река. Долго следим, как кувыркается, ныряет в клубящейся пене растерзанный труп лесного гиганта.

НОЧЬ У КОСТРА

Поздним вечером — уже смеркалось — мы останавливаемся на ночлег в горах. У сочащегося из земли родничка растут старые пихты, тянутся корявые березки. Яркая звезда загорелась над горами.

Летом под высокими пихтами жили пастухи-имеретины. Когда-то здесь стоял сделанный из пихтовых дранок балаган. Ветер и непогода давно разместили легкое пастушеское жилище.

Мы тотчас взялись за восстановление разрушенного балагана. Под умелыми руками охотников быстро возникло походное жилище.

Среди охотников и путешественников есть особенно неоценимые в путешествиях люди. Друг и спутник мой обладал драгоценнейшим талантом. С ним можно смело пускаться в самые тяжелые путешествия. На войне, в трудных походах и путешествиях особенно драгоценны эти умелые, деятельные люди...

Склонившись на колени, приятель раздувает костер. Лицо его освещают вспышки огня. Красные искры уносятся в небо и остывают.

В чертах друга я узнаю давно знакомое. В детстве мы были товарищами. Охота и любовь к путешествиям опять нас соединили.

Здесь, у охотничьего костра, мы будем чувствовать себя молодыми счастливцами, для которых раскрылась прекрасная дверь Природы. Разве когда-нибудь состарится человек, силы свои черпающий в скитаниях и охоте?

Мы, охотники, счастье свое находим у огня в лесу. Здесь мы слушаем дыхание земли, а сердца наши крепко и радостно бьются. Искры улетают в небо, и как ладно, легко течет наша беседа...

Ночью, разбуженные холодом, необычайностью ночлега, мы будем вставать, чтобы подкинуть топлива в костер. Вот я кладу в огонь заготовленные дрова. Пламя принимается жарко лизать сухие поленья.

Как хороша, как чудесна над горами звездная ночь!..

И мы опять лежим у огня, вглядываясь, как танцует жаркое пламя, как в ночном черном небе плывут и мигают над нами ясные звезды.

Есть поэтическое, привлекательное в охотничьем, ночлеге. Смутные возникают воспоминания. Тысячи лет назад на берегах полноводных рек жили у костров наши предки — лесные охотники. Радостнейшим воспоминанием деревенского детства остались костер, ночное. Тревожными огнями светились во времена войны лагери бойцов. У бивуачных костров складывались сказки, слагались звучные песни. Недаром счастливая молодежь — советские пионеры — знаком своего счастья избрала высокий, весело полыхающий костер...

ВЕСНА В ЧУНЕ

ДОМИК В ЧУНЕ

Я гляжу на небо, где тоненькой ниточкой вытянулись косяки пролетающих на свою родину птиц. Путь этих птиц — на север. В полете они переговариваются между собою. Слабыми звуками доносятся на землю их трубные голоса.

Воспоминания детства с необычайной силою возникают во мне. Я вижу себя на берегу реки. Весенние облака плывут над землею. Прозрачные тени скользят по воде.

Родина! Особенно звучит для меня это слово, полное глубокого смысла. Я вижу необъятные ее поля, волнующиеся урожаем. Теплый ветер пролетает над ними, поднимая цветочную пыль. Обширна и многообразна родившая нас страна. Неиссякаемы и полноводны реки, пересекающие пространства ее. Обширны, зелены леса, высоки горы, блистающие вечными ледниками. Свет яркого солнца отражается в их снеговых вершинах. Широки знойные степи, непроходима глухая сибирская тайга, раскинувшаяся океаном. Многолюдны и многочисленны города, разбросанные в нашей стране. На многих языках говорят люди, населявшие величественную эту страну. Просторны синие дали, звонки и чудесны песни живущего в ней народа.

Вот я опять гляжу на небо, где летят на свою родину любимые мною вольные птицы. Я узнаю Лебедей, их белые крылья, длинные вытянутые шеи. От края до края пересекли они полнящуюся жизнью страну. И неудержимое желание странствовать вновь влечет меня за ними на Север.

Опять я складываю охотничьи пожитки. Громыхающий поезд, следом за птицами, мчит меня к уже знакомым мне лесным светлым озерам. Из окна вагона жадно я наблюдаю, как проходят, одна другую сменяются проплывающие мимо картины, а высоко над землею, обгоняя поезд, летят весенние косяки птиц. . .

Когда-то — много лет назад — поселился на лесном озере пришлый опытный человек. Человек этот пришел издалека. Он выбрал место, где в узкое озеро впадает дремучая лесная река Чуна. Здесь человек срубил для себя маленькую избушку. Место понравилось человеку своим безлюдьем. В устье реки богато ловилась рыба, кругом в лесу жили звери. Вместе с собакой человек обходил леса, в легонькой лодке объезжал озера и реки. Жившие в своих вежах саами почитали пришлого в их край человека. Он учил их по-новому ставить ловушки, плести и насаживать сети.

— О, это был великий охотник! — говорили о нем старые саами, надолго запомнившие этого человека. — Он знал зверя и птицу, умел ловить много рыбы. Больше всего в жизни он любил охоту. . .

Тогда же на берега озера пришел прибывший из далеких краев ученый человек. Вместе с охотником уходили они в горы. Пришлый искал и рассматривал в горах камни. Потом — люди слышали — этот человек написал большую книгу о богатствах Кольского края.

С тех пор много раз накрывалась Чуна белым покровом, улетали и возвращались гнездившиеся на ее берегах птицы, опускалось за горы и опять поднималось полуночное солнце.

В давние времена поставил охотник на берегу Чуны избушку. Окруженная глухим лесом, до сего времени смотрится в зеркальное озеро полуразвалившаяся эта избушка. Давно вросли в землю, покрылись мохом ее стены. Зеленые елки выросли на крыше, засыпанной землей и хвоей.

В этой избушке некогда устраивались мыг на ночлег. Мы спали на нарах под нависшим, покрытым многолетней копотью потолком. Присев на корточки, я разводил в каменном очаге огонь, и топившаяся по черному избушка наполнялась густым дымом.

Теперь в старой охотничьей избушке в худую погоду находят ночлег увязавшиеся с охотниками собаки, да осталась от прошлого лета сделанная рукою молодого зоолога-практиканта обращенная к ленивым сожителям шутливая надпись:

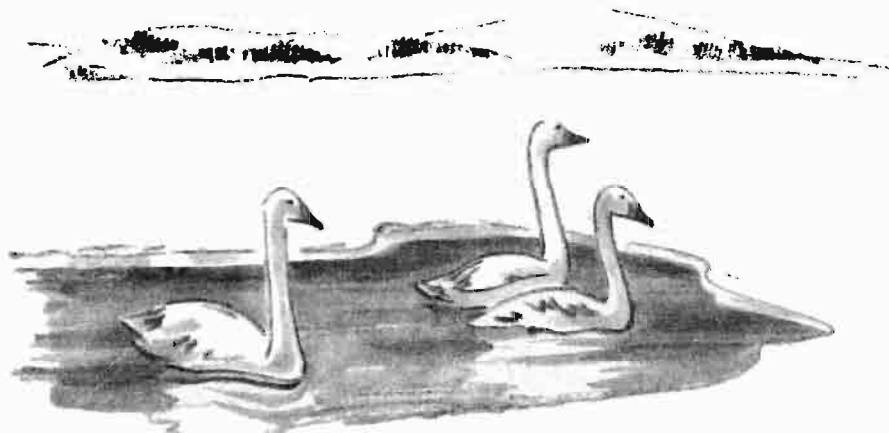
„ЛЕНЬ, ЗАКРОЙ ЗА СОБОЙ ДВЕРЬ!“

Рядом с полуразвалившейся избушкой руками сотрудников заповедника выстроен новый маленький домик. Сами рубили они в лесу и таскали на себе бревна, сами тесали доски, прилаживали двери и окна.

Не многими удобствами отличается новый домик от поставленной старым охотником полуразвалившейся избушки. Саами Артамон сложил в углу большой каменный очаг. Закопченный чайник висит над углями; на маленькой, прилаженной к стене полке уложилось все наше несложное кухонное хозяйство. В узкое, застекленное пузырчатым стеклом оконце видится заросшее кустарником устье реки. Из окна видно, как плавают и перелетают над устьем реки дикие утки.

В этом маленьком домике устраиваемся на весну со спутником моим Олегом. Здесь, на реке Чуне, мы не нуждаемся в городских удобствах. Мы спим в оленьих меховых мешках, боками своими ощущая колья, из которых наспех сколочены наши кровати. Маленькие неудобства не мешают спать крепко. К утру мы просыпаемся от мороза, от весенней трели дятла, усевшегося над крышей.

Мы умываемся на ветру холодной водою, а ветер и солнце быстро обсушивают наши лица. С утра мы растапливаем очаг, сосновое сладостное тепло наполняет лесное жилище. Мы сидим в одних рубашках у пылающего в очаге огня, пьем попахивающий дымком чай и беседуем о весне, о птицах, о приближающихся днях весенней охоты.

Ни единый посторонний звук не долетает до берегов реки Верхней Чуны. Утром, когда поднимается над озером солнце, мы берем наши удочки и отправляемся ловить рыбу. Проваливаясь в снегу, выходим на лед. Глубокая, темнеющая водою полынья образовалась в устье реки. Мы осторожно обходим полынью, шагаем по мокрому снегу, хрустко рассыпающемуся под ногами.

До места лова не более километра. Я вижу берега озера, сверкаю-

шие на солнце голые горы. В голубоватой как бы прозрачной тени лежит покинутый нами берег.

В большой открывшейся посредине озера полынье плавают лебеди, недавно прилетевшие с юга. Обходим подальше, чтобы не пугать сторожких птиц. Лебеди вытягивают шеи, уплывают неторопливо.

По колеблющемуся, готовому провалиться под ногами льду подходим к самому краю полыньи. Топор легко уходит в раскисший на весеннем солнце лед. Головкой топора выбрасываю осколки льда и набившийся снег. В круглой лунке сквозь прозрачную воду виднеется песчаное дно, освещенное солнцем. Темная тень рыбы скользит по песку. Мы распутываем удочки. Видно, как серебряной змейкой опускается на песчаное дно блесна. Прозрачная тень рыбы ее накрывает. Я подхватываю, быстро тащу крепкую лесу. Сверкая чешуею, трепещет, бьется на крючке серебряный хариус.

Я долго люблюсь весенней брачной расцветкой рыбы. Цветистым радужным переливом играют раздувшиеся прозрачные плавники. Алмазами скатываются капли воды с серебряной чешуи.

Весенний лов хариуса в этих обильных рыбою местах не требует от рыболова ловкости и терпения. Несложны и просты снасти. Скоро на мокром снегу за нашими спинами накапливается много рыбы. Свернув удочки, мирно любимемся ходом весны. Весеннее солнце освещает покрытое льдом озеро, горы, синие лесистые берега. Белые лебеди, привыкнув к нашим движениям, спокойно плавают в полынье. Вот они бережно выходят на лед и, утратив величественную свою осанку, смешно, по-гусиному, переваливаются на кривых лапах. Как бы вдруг спохватившись, у самых ног наших срывается с воды парочка пестрых гоголей и, свистя крыльями, уходит в небо, покрытое весенними облаками.

ЛЕСНЫЕ РОБИНЗОНЫ

Зимой и летом, при каждом удобном случае, молодой приятель мой отправляется проверять находящихся под его наблюдением обжившихся на реке переселенцев-бобров. Он углубляется в лес, как подлинный следопыт-охотник. Сходство с лесным робинзоном дополняет охотничья одежда Олега — широкая с капюшоном рубаха, пошитая на манер лопарской «юпы». Робинзоновская жизнь закалила молодого охотника. Он не боится холода и дождя; кажется, никакая простуда его не берет. Накрывшись старенькой одеждой, с завидным удовольствием проводит он ночи, привалившись под деревом на моховой кочке. Неделями безвыходно бродит Олег в лесу.

Отправляясь в длительные лесные походы, мой спутник редко брал с собою тяжелое охотничье ружье. Единственное оружие его — малень-

кая, обтершаяся в походах винтовочка «тозка» да большой охотничий нож в кожаных ножнах. Из своей винтовочки лесной робинзон с большим мастерством добывает глухарей и куропаток. Однажды, бродя по лесу с собакой, охотник встретил медведицу с медвежатами. Зверей в лесу не было видно. Об их присутствии доложила собака, с тревожным лаем бросившаяся к ногам робинзона. По следам собаки катила большая медведица. Сверкая маленькими глазками, медведица остановилась в двух шагах от окаменевшего в неподвижности человека. Долго стояли зверь и человек друг против дружки. Не выдержав взгляда охотника, медведица шевельнулась. Неспешно повернулась и, грозно рыча, направилась к своим медвежатам.

На первых порах лесной робинзон чувствовал себя неважно. Разумеется, он не решался стрелять из своего почти игрушечного ружья: маленькая пулька могла бы только обозлить зверя. Долго он стоял недвижимо, обдумывая опасное положение. Олег хорошо знал неписанный звериный закон, по которому ни один зверь без основательной причины не решается первым наброситься на человека. Выждав время, он решил хорошенько осмотреться. Предположения его оправдались. Под большим деревом, на котором было гнездо орлана, он увидел остатки медвежьей трапезы. На моховой кочке валялись перья объеденной птицы. Здесь, на кочке, медведица угощала своих медвежат выпавшим из гнезда орленком, и, видимо, собака подскочила не вовремя, помешав медведям спокойно закончить завтрак.

Чтобы отогнать назойливого гостя, медведица злобно кинулась за собакой, но негаданно нарвалась на человека, вид которого приводит в трепет зверя.

— Разумеется, я немножко струсил и уже приготовился влезть на дерево, — отвечая на шутки, откровенно рассказывал нам о необычной встрече лесной робинзон. — Впрочем, я хорошо знал, что зверь очень редко бросается на человека, а если бы ему пришлось меня съесть, он, наверное, околел бы от несварения желудка. . .

На этот раз мы отправляемся с Олегом вдвоем. Цель нашего путешествия — наблюдение за бобрами, перезимовавшими на реке Верхней Чуны. Нам нужно узнать, благополучно ли перенесли долгую лапландскую зиму прибывшие из далеких мест хвостатые переселенцы, хорошо ли обеспечены кормом поселившиеся на берегах Чуны семьи бобров.

— Самое интересное для нас, — говорил, собираясь в дорогу, Олег, — установить точно, был ли весной у бобров гон. В привычных условиях эти животные гоняются ранней весной. Как подействовала на сроки любви затяжная зима? Можно ли ожидать осенью потомства, появление которого должно разрешить поставленную заповедником трудную задачу? . .

Выломав прочные палки, мы осторожно брели по камням, оголив-

шимся из-под снега. В лесу еще лежал снег. Мы то взбирались на обнаженные скалы, то проваливались в снег по пояс.

Пробираясь по местам бобрового гона, мы углубились в лес. Зимой здесь была поставлена ловушка на росوماху, нередко бродившую возле нашей избушки. Неудержимой прожорливостью, необычайной дерзостью отличается этот отчаянный хищник. Всю зиму бродит он возле кочевков, истребляя все, что достанется в зубы. Никакие ухищрения и запоры не спасают от дерзкого вора. В поисках пищи смело забирается он в охотничьи избушки, взлезает на деревья, где охотники прячут свою добычу, подкапывается и прогрызает закопанные в землю бочки с просоленной рыбой. Недалеко от ловушки проходил свежий след зверя. Осторожно приближались мы к оставленной в ловушке приваде.

К нашему огорчению, ловушка оказалась пустою. Прикрытая соновыми ветками, она возвышалась над сугробом. В ее открытой пасти лежала нетронутая приманка.

— Черт побери! — остановившись возле ловушки, сердито говорил Олег. — Сколько трудов положили напрасно...

— Бывалый, видать, разбойник.

— Хитрющий, подлец! А все-таки рано или поздно добьемся своего: будет у нас висеть на стене росомашья шкура!..

ВСТРЕЧА СО ЗВЕРЕМ

Пройдя около трех километров по глубокому, проваливавшемуся под ногами снегу, мокрые почти по пояс, добрались мы наконец до берега реки Чуны. До становища бобров было недалеко. С осторожностью мы спустились на пожелтевший вздувшийся лед. В заберегах катилась весенняя вода, похожая на крепкий чай. Местами на поднятом водою льду темнели промоины.

Шагая по колено в воде, мы вышли на взгорбившийся, рассыпавшийся под ногами лед. Поначалу было страшно сделать лишний шаг. Конец заостренной палки уходил в лед, нередко проваливался насквозь.

Следуя за Олегом, я шагал смело, не думая об окружавших нас промоинах и провалах. Идя руслом реки, я любовался лесом, дремучей, любившейся мне рекою. Мы брели по льду. Пустынная, дикая окружала нас природа, и казалось, что до нас еще не ступала сюда нога человека. На берегах реки мы видели следы и помет лосей; упавшие, вмерзшие в лед деревья перегораживали нам дорогу.

Ровно год назад этим местом проходил человек, возвращавшийся с истоков реки. Обходя упавшее дерево, он зацепил лыжей — и на него выкатился скрывавшийся на берегу зверь. Нападение было так неожиданно, что, не успев сбросить лыжи, человек упал в снег.

Медведь навалился, стал мять ему ноги. Лежа под медведем, человек успел снять с плеча ружье и в упор навел его в голову зверя. Старый патрон дал осечку. Услыхав шелканье курка, медведь отскочил в сторону. Раненый человек привстал на снегу и выстрелил в него дробью. Громко рывкнув, пачкая кровью снег, медведь быстро укатил в лес.

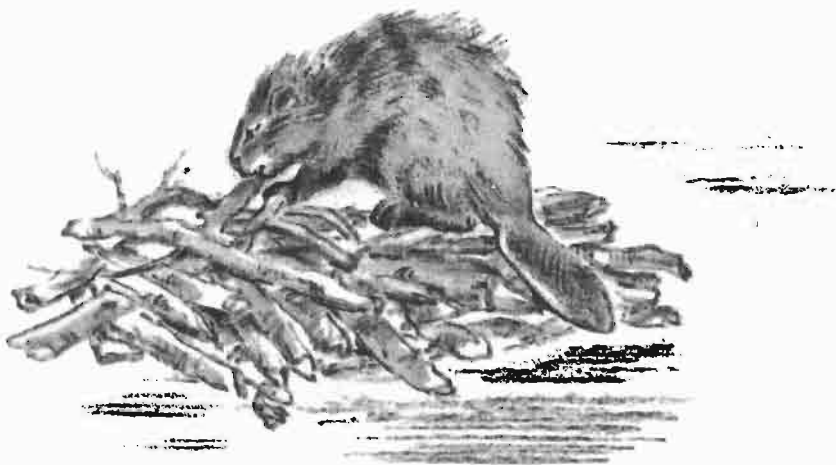
Человек — это был один из сотрудников заповедника — хорошо знал повадки зверей. Желая узнать причину необычайного поведения зверя, позабыв о своей ране и зарядив ружье, он стал внимательно осматривать местность. Под берегом в незамерзавшей глубокой полынье торчала нога лося. Хорошенько осмотрев находку, человек убедился, что напавший на него медведь убил этого лося. Спрятав добычу под лед, зверь, видимо, ее караулил. Приблизившегося к полынье человека он заподозрил в покушении на свое добро. Защищая добычу, медведь нарушил неписанные лесные законы — первый напал на человека.

Известно, что в пустынных и глухих лесах далекого Севера медведи встают из берлог еще по снегу. Зимний вынужденный пост заставляет топтыгина просыпаться в апреле и отправляться в лес за добычей. Ранней весной голодные медведи раскапывают под сугробами муравьиные кучи, охотятся на лосей нагоном. Выследив стадо лосей, медведь-лосятник старается отбить одного лося, потом долго гоняет его по глубокому снегу. Крепкий весенний наст хорошо выдерживает тяжесть медведя. Проваливающегося в снегу лося медведь преследует, пока тот остановится от изнеможения, и тогда легко справляется с выбившейся из сил добычей.

Летом Олегу удалось убить бродившего в Чуне разбойника-медведя. Встреча со зверем произошла в тех самых местах, где мы охотились на глухарей. Зачуяв человека, зверь смело вышел навстречу. На сей раз Олег был вооружен надежным карабином. Став на колено, он хорошо выцелил зверя. Смертельно раненный зверь все же пробежал несколько шагов. Охотник долго не решался подойти вплотную к огромной туше медведя, по которой в густой шерсти кишмя ползали муравьи. По-видимому, этих муравьев медведь набрался, раскапывая муравьиные кучи.

БОБРОВЫЙ ГОН

Мы идем по льду, любуясь девственной природой, с трудом выбираемся на берег, истоптанный копытами лосей. Здесь, в завороте реки, в заросшей корявым кустарником старице-глушице, обитал бобр. Мы осматриваем деревья — осины и березы, — поваленные трудолюбивым дровосеком. Некоторые из поваленных деревьев имеют значительную толщину. Стоявшие у самого берега березы старательно свалены макушками в воду. Кажется, их валили опытные в своем деле лесорубы. Оси-

ны, поваленные в стороне от берега, были старательно разделаны на короткие отрезки.

— Хорошенько присмотритесь, — говорит, осматривая место, мой спутник. — Как разумно у них делается! Вот дерево: чем ближе к комлю, кражи разделены короче. Так делают бобры, чтобы легче было таскать кражи в реку.

Мы внимательно исследуем погрызы. Удивительно работают у этих зверей зубы! Кажется, острейшим инструментом, направленным опытной рукою, срезаны лежащие на земле деревья. Знающие люди утверждают, что, догрызшись до сердцевины, бобры оставляют на корню подгрызенные ими деревья, а ветер доканчивает дело.

Глядя на поваленные деревья, трудно поверить, что все это сделал зверь. Необычайное трудолюбие бобров объясняется необходимостью заготавливать на зиму запасы свежего корма. Как большинство грызунов, бобры питаются исключительно растительной пищей. Летом бобры кормятся ветками лозняка и березы, травой и осокой. В зимнее время довольствуются запасами заготовленного корма.

Живого бобра на свободе очень трудно увидеть. Веками преследуемые человеком, оставшиеся в живых бобры стали очень осторожны. Тем более интересно, что там, где налажена охрана, бобры становятся доверчивее, нередко ручными.

Обнаруженное место было покинуто бобром. По следам и полазам видно было, что хозяин посещает избранный участок. Об этом свидетельствовала нора зверя. Подземный ход в жилище был скрыт водою. В наружное отверстие я свободно просунул голову. Слабый зеленоватый свет проходил снизу. В глубине норы было устроено логово, устланное мяг-

кой травой. «Неплохая квартирка для одинокого холостяка», — подумал я, рассматривая помещение бобра.

Стоя над берегом, Олег внимательно разглядывал вылаз бобра. Мы вместе наклонились над отпечатками круглых следов. Следы выходили из воды, цепочкою тянулись вдоль ледяной кромки и пропадали. Быть может, именно здесь гонялись выходившие из воды звери.

Любуясь ходом весны, мы жили на реке Чуне как отшельники и робинзоны. С каждым днем вступала в права весна. Чернее и шире делалась полынья. Со свистом пролетела над нею, присаживаясь, нарядная парочка гоголей, уже приготовившихся гнездиться. Каждое утро любовались мы плавающими в полынье лебедями. Чирикали на проталинах пуночки, свистела, шустро бегая по краю полыньи, северная птичка оляпка, по-весеннему наигрывали на своих флейтах шуры.

Опасаясь половодья, мы складывались в обратный путь.

Мы вышли из устья в полночь. Призрачным светом зачинавшихся белых ночей наполнена озерная долина. Похрустывая снегом, мы брели по льду — два человека, терявшихся в торжественной тишине северной прозрачной ночи. Немного морозило, пристывший, хрустевший под ногами снег облегчал ходьбу.

Мы прошли почти половину пути, когда впереди, отделившись от берега, показался какой-то пробегающий через озеро зверь.

Зверь бежал по льду не останавливаясь. В сумраке ночи он казался катившимся по льду сказочным колобком.

«Наверное, это росомаха!» — вглядываясь в зверя и остановившись, подумали мы.

До пробегавшего зверя было далеко — он не замечал нас, — и я приготовился стрелять. На большом расстоянии трудно попасть в быстро катящуюся точку.

Не присаживаясь на колено, я с руки выпустил первую пулю, и нам показалось, что зверь прибавил ходу. Переменив патрон в тройнике, я старательно стал целиться.

Второй выстрел оказался удачным. Точно остановленный невидимой рукою, быстро катившийся колобок остался на месте.

Радясь удачному выстрелу, мы побежали к лежавшему на льду убитому зверю, надеясь увидеть росомаху.

Призрачный свет белой ночи нас обманул. Вместо росомахи перед нами лежала на льду подстреленная пулею лисица.

С некоторой досадою и разочарованием смотрели мы на убитого хищника, возвращавшегося с ночной охоты.

Конечно, любому охотнику было бы приятнее убить редкого зверя — росомаху.

Кладя добычу в мешок, все же мы очень радовались, вспоминая удачный выстрел, всегда делающий охотника счастливым.

ЧУНСКИЕ ЗАПИСИ

Сегодня, выйдя за порог избышки, я услышал пение глухаря. Наши собаки крепко спали, никто не мешал глухарю продолжать его страстную весеннюю песню.

Осторожно шагая по снегу, я стал приближаться. Глухарь пел недалеко. Не будь собак, с лаем бросавшихся на каждый шум крыльев, глухари пели бы над самою крышей.

У высокого, покрытого шапкою снежного пня я остановился. Глухарь точил надо мною. За его шелканьем я слышал пение других состязавшихся на току птиц.

Мне редко доводилось быть на таком «домашнем» току. Окруженный лесом, я слышал каждое движение сидевшей надо мной птицы.

Ночью в лесу было светло. Я хорошо видел колыхавшуюся под глухарем ветку, бородастую голову с раскрытым клювом. В призрачном

свете северной полярной ночи чудесным казался окружающий меня северный лес.

Я всю ночь простоял под деревьями, прислушиваясь к лесным таинственным звукам. В лесу под деревьями беззвучно летали весенние мотыльки. Как бы для того только, чтобы усилить таинственность ночи, голосом лешего близко хохотала белая куропатка.

* * *

Восходит над горами солнце. Сперва заянтарели снежные горы тундры. Над ними повисли лиловые облака. Небо на востоке зеленое. На снежной вершине горы загорелось пламя — яркая точка. Мы остановились посреди озера. Кругом — лед, темные лесные островки. Быстро изменяется окраска гор. По ним как бы стекает лиловая краска. На горе ярче и ярче загорается пламя... И вдруг брызнуло, прорвалось: солнце взошло!

От наших ног легли на розовый снег длинные тени. Тени протянулись почти на километр. Я взглянул на лицо спутника: его нос, очки, борода были как бы из янтаря. Я поднял руку — и рука стала янтарной.

* * *

Весною здесь мы проходили на лыжах. С нами был охотник Артамон. Этот человек видит, как птица, и слышит, как самый чуткий зверь. У камня он остановился.

Загадочно улыбнувшись, показывал он рукою на снежные горы:

— Видишь?

Мы долго вглядывались в сверкающую снежную белизну окружающих нас гор:

— Нет, Артамон, ничего не видим.

Охотник потрепал меня рукой по плечу, добродушно заметил:

— Немного подождем, тогда, может, увидишь.

Мы развели у большого камня огонь, вскипятили в походном чайнике чай.

Держа в руке свою кружку, продолжал посмеиваться Артамон:

— Не видишь?

— Нет, не видим.

— Ну, подождем еще немного, — может, тогда увидишь.

Когда мы допили весь чай и опять подвязали к ногам лыжи, Артамон показал нам на грядку неподвижных камней, как бы возвышавшихся из-под снега. До этих камней было не менее километра. Точно такие грядки камней встречались в горах повсюду.

— Посмотри теперь хорошенько: это не камни, это лежат олени в снегу.

Лежавшие под снегом камни впрямь оказались большим стадом диких оленей. Завидев приближавшихся людей, олени поднялись. Мы долго наблюдали, как, уходя от нас, пыля снежной пылью, катились под гору робкие звери.

* * *

Я хожу по лесу, разговариваю с каждой птичкой, каждая ветка мне здесь своя. Вот я останавливаюсь, внимательно слушаю... Тут прошел

зверь. Мохнатая гусеница, похожая на крохотного медвежонка, упрямо ползет по весеннему снегу. Весеннюю звонкую трель пустил, усевшись на сухое дерево, пестрый дятел — лесной барабанщик.

На пригорке проснулись муравьи в своей куче. Я ковырнул кучу палочкой. Как быстро забегали, засуетились хлопотливые муравьи!..

Вот под развесистой еловою лапой пробежала куропатка в своем весеннем брачном наряде. Брови у птиц — чистая киноварь. Лето придет — эти птицы наденут свои летние кафтаны.

* * *

Подлетела кукша — с ветки на ветку — уселась над самой головой. Близо вижу коричневую ее грудку, разглядывающий меня глаз.

— Кто ты, кто ты?

— Свой, кукша, свой.

— Зачем пришел?

— Хочу посмотреть, кукша, твой дремучий лес.

— Посмотреть? Посмотреть?

— Посмотреть пришел, кукша.

* * *

В полынье два лебедя — точно два корабля белопарусных тихо плывут. Вот один повернулся, вытянув шею:

— Человек идет!

Ударили лебеди о воду могучими крыльями.

— Не бойтесь меня, не улетайте, прекрасные лебеди! Я вас не трону!

БЕЛЫЕ БЕРЕГА

МЕДВЕДИ

Этих первых зверей встретили мы на пути к Земле Франца-Иосифа, во льдах, недалеко от кромки. Я стоял на верхнем мостике с капитаном, смотревшим на окружающие нас освещенные полуночным ярким солнцем льды.

Мне, новичку, все было необыкновенно в сверкающем ледяном море: и ослепительный снег, и голубые, лежавшие на снегу тени. Капитан ходил по мостику из угла в угол и приказывал вниз рулевому.

Слышалось то и дело:

— Лево на борт!

— Право!

— Так держать!

И снизу отвечал глухой голос вертевшего штурвал рулевого:

— Есть. Право. Так держать. . .

* * *

«Седов» осторожно пробирался в окружавших его льдах, нащупывая путь. Иногда он бил в лед с разгона, лед под форштевнем ломался и трескался, и тогда по железным, тяжело содрогавшимся бортам скрежетали огромные, кувыркавшиеся в воде льдины. На многих льдинах, на покрывавшем их мокром снегу отчетливо видны были медвежьи следы, похожие на следы человека в лаптях. Медвежьих следов было мно-

жество, свежих и расплывшихся старых, и я не сходил с мостика, ожидая увидеть зверей.

Первый заметил медведей сам капитан. Он все время осматривал льды, и его опытный глаз еще далеко приметил подвигавшихся посреди ледяного застывшего мира зверей.

— Смотрите, идут медведи! — сказал он, показывая рукою в меховой варежке на восток.

Я стал глядеть в ту сторону, куда показывал капитан. Там все было белое и голубое, от яркого света болели глаза, и я не мог разглядеть ничего, кроме бесконечного нагромождения ропаков и белого сверкающего снега.

— Смотрите левее большого тороса. Вот они идут гуськом... вот медведица скрылась... Вот они все взобрались на льдину...

Я напрягал зрение — и по-прежнему ничего, кроме льдов и белого снега, не видел.

— Посмотрите в бинокль, — сказал капитан.

В большой, прикрепленный к треноге бинокль, служивший капитану на промысле для разглядывания залежек зверя, я со всей отчетливостью, как на картинке, увидел подвигавшееся во льдах семейство медведей. Они шли друг за дружкой гуськом — впереди медведица и сзади два медвежонка. Очень хорошо было видно, как бредут они неторопливо, то пропадая за стоявшими торчком ропаками, то опять появляясь. Иногда медведица останавливалась и, покачивая головой на длинной шее, нюхала воздух. Тогда на общей сверкающей белизне угольно-черной точкой отчетливо выделялся ее нос. Обнюхивая воздух, она взбиралась на груды льдин и сама была похожа на неподвижную грязноватую льдину. Медвежата покорно следовали за ней. Звери шествовали своей дорогой, ни малейшего внимания не обращая на подвигавшийся во льдах ледакол, который они, видимо, принимали за большой айсберг. Случалось, медвежата равнялись с медведицей; тогда казалось, что по льду движется одно желтовато-грязное бесформенное пятно.

Пока подходили медведи, на «Седове» охотники готовились к встрече. Еще задолго в кают-компании висело расписание, кому и когда стрелять, и первая очередь стрелков (всех охотничьих групп было десять, по пяти стрелков в каждой) высыпала на переднюю палубу, застегивая куртки и заряжая на ходу винтовки.

Больше всех суетился, таская за собой огромный съемочный аппарат на тяжелой треноге, наш коротенький кинооператор, которому было предоставлено особенное право до начала охоты снимать каждого объявившегося зверя, что впоследствии не раз служило поводом жарких ссор.

Чтобы отрезать проходившим зверям дорогу, «Седов» изменил курс. Удивительно было наблюдать эту никогда не виданную мною

охоту. Большой железный корабль, ломая толстый лед, догонял неторопливо идущих, не ведающих опасности зверей. Теперь все медвежье семейство было в нескольких десятках шагов от борта. Медведи продолжали идти гуськом, не прибавляя шагу и не изменяя направления своего пути. С ледокола мы видели, как ступают они, смешно загребая лапами, ступнями внутрь, как трясется на их ляжках густая белая шерсть. Шагах в двадцати от пароводного носа медведица не торопясь перелезла через стоявшую на ребре льдину, за нею мячиком перекатились ее медвежата.

Медведи почувствовали опасность, когда под самым носом медведицы с грохотом раскололся лед и на снег потоком хлынула морская вода. Медведица остановилась, с негаданной ловкостью откинулась и встала на дыбы.

Стукнул первый выстрел.

С мостика я видел, как сунулся зверь на краю лужи, кровавая снег. Красное пятно росло у него за ухом. Один медвежонок подбежал, тупо ткнулся в материнское брюхо; она подняла окровавленную узкую голову, и медвежонок кинулся прочь. Казалось, умирая, она успела ему шепнуть: «Спасайся, спасайся отсюда поскорее!..» Все это продолжалось мгновение. Медведица лежала на краю прозрачной лужи, а медвежата с поразительной быстротой и ловкостью ударили прочь от «Седова».

С бака продолжали стрелять, пули близко падали в снег, и мы видели, как двумя клубками катились невредимые медвежата, как задний провалился в глубокую полынь и, взобравшись на лед, по-собачьи встряхнулся¹.

На лед спустились матросы с длинной веревкой, застучала на палубе, прогреваясь, лебедка, а все еще было видно, как удирают, оглядываясь, ныряя за ропаками, осиротевшие медвежата. Иногда они останавливались, поднимались на задние лапы и смотрели на паром, точно поджидая оставшуюся мать, потом, опустившись на лапы, клубками катились дальше.

Убитую медведицу, накинув на шею петлю, подняли лебедкой на ледокол. Она лежала на железной палубе, вытянув шею, раскинув толстые лапы. Черные собачьи глазки ее были открыты. Из пробитой разрывной пулей шеи сочилась ярко-красная кровь, а в открытой мертвой пасти были видны страшные зубы. Странно было касаться ее вздрагивавшего под ногою еще теплого тела. Собаки жадно лизали текущую по палубе кровь.

Кочегар в синей робе, с выпачканным угольной пылью лицом, на котором, как у негра, блестели глаза, сел над нею на корточки, потрогал выступивший под белой шерстью мягкий сосок, сказал:

— Кормила. Гляди, ребята, молоко идет...

— Потому и худущая, — сказал другой. — Медвежата ее вытянули. Вона какие здоровенные...

— А большущая, черт...

— Гляди, коптюри! Этакая, брат, приголубит...

— Пудов на двадцать... А все Хлебникову везет, — в прошлом году он тоже первый убил...

— Поздравить надо...

Над убитой медведицей долго шли разговоры. Мне было жалко лежавшего на палубе убитого зверя, недавно спокойно шествовавшего

¹ В описываемое время в полярных районах еще было много белых медведей, и охота на них тогда разрешалась. Ввиду уменьшения этих редкостных зверей охота на белых медведей теперь запрещена законом. Убивать медведей разрешается только при крайней необходимости, когда путешественники пужаются в свежем мясе и корме для собак.

по льдам. Я поднялся на мостик, где, ступая валенками, из угла в угол ходил капитан. Он показал вслед катившимся по льду медвежатам и, поправляя на голове меховую шапку, сказал:

— Их можно было живыми взять. У нас на поморье есть промысленники, большие спецы по этому делу. Бывало, возьмут медвежонка за шиворот — ни единый не вырвется из их рук.

Наверное, если бы мы подождали, медвежата, разыскивая мать, вернулись бы. Ждать было некогда, и, чтобы не терять времени, ледокол полным ходом пошел догонять видневшихся на льду медвежат. Нам было нужно мясо для прокорма собак, и капитан не хотел упускать первую добычу. Догнать медвежат, быстро катившихся через торосы, — дело нелегкое. Они поминутно оглядывались на догонявший их ледокол, быстро перелезали через льдины, перегораживавшие им дорогу. Уйти было некуда: впереди синела открытая вода, сзади настигал корабль, ждали люди с винтовками. Пуля попала в плечо заднему медвежонку. Он захромал, стал спотыкаться и скоро лег. «Седов», разламывая лед, близко подошел к лежавшему на снегу маленькому желтому комочку, и опять по освещенному солнцем снегу забегали люди с веревкой. Оставшийся в живых медвежонок под градом осыпавших его пуль благополучно убегал вдоль кромки льда. Мы не стали его преследовать. Еще долго можно было видеть, как он ныряет и показывается среди белых и лиловых, бросающих длинные тени торосов.

— Пропадет без матери, — с жалостью сказал капитан, берясь за ручку телеграфа и отдавая приказание в машину.

У БЕЛОЙ ЗЕМЛИ

На седьмой день пути мы увидели сверкавшую в лучах солнца, покрытую снегом и льдом вершину одного из островов архипелага Земли Франца-Иосифа. Тот самый путь, на который экспедиции лейтенанта Седова некогда понадобилось более года, мы проделали в неделю. Такому успеху помогли исключительно благоприятное для плавания состояние льдов Баренцева моря и замечательная способность мощного ледокола справляться со льдами, непроходимыми для простых кораблей.

Сверкающее, покрытое снегом и ропками ледяное поле отделяло ледокол от белого острова, казавшегося призраком в прозрачной чистоте полярного воздуха. В самом деле, открывшиеся горы показались сказочными. Было похоже, точно серебряное широкое облако спустилось на лед и здесь застыло. Яркое светило солнце. Ослепительно блистали вокруг льды. На мостике капитан старался определить, к какому именно пункту архипелага вышел корабль. Ока-

залось, что открывшийся берег был южной оконечностью острова Хукер. Путь к Бухте Тихой лежал левее.

Мы взяли курс к западу. Снежная и ледяная, с редкими пятнами разводий, казавшаяся непроходимой, лежала перед нами пустыня. В проливе льды были крепче и стесненнее. Все медленнее, одолевая каждую пядь, пробивался ледокол к Бухте Тихой, где нас ожидали оставленные ровно год назад зимовщики, по радио уже знавшие о приближении смены.

Участники экспедиции не сходили с палубы. Хотелось покрепче запомнить каждую подробность ледяного пути. Не многим людям выпало любоваться на эти сверкающие серебряные горы и берега...

Поразительной казалась призрачная белизна ледяных гор. Это не было похоже ни на что виденное прежде. На высоком светло-голубом небе висели, как легкий дым, далекие облака. Полярное солнце отражалось во льдах и снегу. И снега, и горы, и розоватые льды казались спустившимися на землю застывшими облаками. В черневших во льду полыньях плавали одиночные птицы. Когда ледокол, кроша и раскалывая лед, наваливался близко, они торопливо и беспомощно пытались взлететь и внезапно исчезали под запенившейся темной водою. В глубине открывавшегося пролива, покуда хватал глаз, зубцами и башнями, бесчисленными колокольнями поднимался ледяной сверкающий город. Чаше встречались высокие айсберги, похожие на неприступные белые замки. Над сказочным ледяным городом, окруженное мерцающим кругом, неподвижно высилось солнце. Все было необычайно; смешались представления времени, пространства и места — казалось, видишь это во сне. И только то, что на палубе по-прежнему продолжалась обыденная жизнь: коровы под дощатым навесом спокойно жевали жвачку; толпились, наострив уши, у камбузной двери собаки; сзывая к обеду, звонил наш поилец-кормилец Иван Васильич, — возвращало нас в обычность. Странным и чуждым, в окружении застывшей ледяной пустыни, казался этот крошечный островок человеческой жизни.

Я на минуту представил бескрайность окружавшей нас белой пустыни и маленький, населенный людьми корабль, крошечной точкой затерявшийся в ней, и мне стало страшно. Упорно пробирался этот корабль на север, а перед ним, точно легкая декорация, раздвигались призрачные стены и города.

«Подходим к Тихой, — записывал я в дневник. — Вокруг льды, пустыня. Я смотрю на эту окружающую нас ледяную пустыню, и чем больше смотрю, отчетливее видится, что именно такой — мертвой и белой — была Земля в свой ледниковый период и такую же, наверное, будет, когда застынет, умрет наша планета».

БУХТА ТИХАЯ

— Смотрите по правому борту прямо, — сказал мне один из спутников, уже побывавший на Земле Франца-Иосифа и хорошо знавший эти места. — Это остров Скотт-Кельти. Он закрывает вход в Бухту Тихую. Видите направо белый берег? Это мыс Медвежий. Дальше скала Рубини — главное украшение Бухты Тихой. Против Рубини, на северном берегу бухты, находится наша станция. Сейчас ее закрывает остров Скотт-Кельти. . .

Некоторые названия мне были уже знакомы по книгам, которые я взял с собою в путешествие. Заглазно представлялось совсем другое. Я всматривался в открывавшиеся покрытые льдом берега той самой Бухты Тихой, в которой некогда разрешилась трагическая судьба первой русской экспедиции к Северному полюсу, и никак не мог представить ужасов полярной полугодовой ночи, сокрушающих бурь и голодной, уничтожающей человека цинги. Все сияло белизной, светом. День был на редкость прозрачный и солнечный. Невозмутимая стояла над льдами и берегом тишина. Это было так величественно и прекрасно, что я невольно подумал: какое бы здесь могло быть прекрасное место для отдыха, для излечения больных нервов!

— Однако здесь не худо, — точно угадывая мои мысли, сказал мой сосед, вместе со мной любовавшийся на сказочный ледяной край. — Не худо бы здесь пожить. . .

Самые дальние берега, лед и плавучие ледяные горы здесь были видны со всей отчетливостью, как в хороший бинокль, и как бы поднимались на воздух. Даже самые близорукие видели дальше, точно здесь само собою исправлялось зрение и глаза видели зорче.

С большими усилиями приближался корабль к Бухте Тихой. Остров Скотт-Кельти, оставшийся слева, был виден со всей отчетливостью. На крутых обрывах его берегов, как узор на белом полотне, краснели на фоне освещенных солнцем снегов обломки и выступы скал.

Еще по пути к Земле Франца-Иосифа капитан получил от зимовщиков радио, предупреждавшее о трудной проходимости канала Мелениуса, соединяющего Бухту Тихую с Британским каналом. Этот южный путь был для нас наиболее коротким. Чтобы попытаться счастья, капитан пошел этим кратчайшим путем, но очень скоро вынужден был уступить тяжелым, нагроможденным в узком проливе льдам. Пришлось вернуться и идти в обход острова Кельти, у северных берегов которого вход в бухту был свободен. Это вынужденное удлинение пути на несколько часов отсрочивало прибытие «Седова» на место.

Мы шли в обход острова, название которого мне было памятно еще по книге моего друга художника Пинегина, некогда охотившегося в этих местах на медведей, и мне отчетливо припомнились подробности давнишнего несчастного похода. Именно здесь, в этом месте,

механик «Фоки» Зандер поднялся на мостик из машинного отделения и, вытирая катившийся с лица пот, доложил начальнику экспедиции лейтенанту Седову, что в топку брошен последний кусок угля. Седов задумался, помолчал и, как бы решившись, отдал приказание идти в открывавшуюся за островом небольшую круглую бухту, чтобы стать здесь на вторую зимовку. Маленькая бухточка, хорошо защищенная от северных и восточных ветров, приветливо встретила путешественников. Седов назвал ее Тихой. Здесь деревянному суденышку «Фоке» было суждено провести зиму, вторую после выхода в полярное плавание. Отсюда, после тяжелой зимовки, замученный цингой, не дождавшись выздоровления и не слушая предостережений своих друзей, по первому рассвету весной 1914 года, в сопровождении двух матросов, Ленника и Пустошного, Седов отправился в поход к полюсу на собаках. Это путешествие оказалось для него роковым. Измученные до последней крайности, больные и обмороженные, матросы вернулись в Бухту Тихую к стоявшему во льдах «Фоке», рассказали молчаливо слушавшим их людям о гибели начальника, который почти до самой смерти, лежа на нартах, впадая по временам в забытие, не выпускал компаса из рук и упорно заставлял матросов идти на север. Матросы похоронили скончавшегося Седова на берегу неизвестного острова и с большим трудом сложили над могилой каменный холмик. Они вернулись на корабль после долгих блужданий в ледяной пустыне. Смерть Седова решила судьбу экспедиции. Нужно было возвращаться. С величайшим напряжением сил, отапливаясь тюленьим и моржовым салом, разбирая на топливо палубы и перегородки, летом 1914 года «Фока» тронулся в обратный путь. Только поздней осенью, ничего не зная о начавшейся мировой войне, увидели путешественники пустынный мурманский берег. Возвращение экспедиции было не менее печально: над Россией, над всем миром полыхало зарево войны. Царские чиновники и архангельские купцы, снабдившие в свое время экспедицию гнилыми продуктами, по-свойски встретили возвратившихся героев. «Фока» и все имущество экспедиции, вплоть до медвежьих шкур и уцелевших музыкальных инструментов, пошли за долги с молотка.

Имя лейтенанта Седова — замечательного русского человека и исследователя — воскресло, когда Земля Франца-Иосифа была присоединена к владениям СССР, а место зимовки «Фоки» — Бухта Тихая — было выбрано для основания первой научной и постоянной станции. Здание станции построено точно в том же месте, где в 1913—1914 годах зимовала русская экспедиция лейтенанта Седова и похоронен механик «Фоки» Зандер, которому не пришлось вернуться на родину. Имя скромной бухты, где некогда провели зиму русские путешественники, известно теперь многим миллионам людей нашей страны, пристально следившим за достижениями советских полярников.

ЗИМОВЩИКИ

Много раз обманывались мы, стараясь разглядеть на приближающемся берегу признаки человеческой жизни. Прозрачность воздуха, непривычно скрадывавшая расстояния, обманывала глаз. Наконец самый зоркий из нас увидел теряющуюся на фоне каменного берега тоненькую стрелочку радиомачты.

Поразительно было видеть на этих белых застывших берегах живых, двигавшихся людей. Домик станции, поставленный под высоким береговым обрывом, казался не более спичечного коробка. В большой бинокль мы разглядели одетых в черное людей, теснившихся на наблюдательной вышке. Темные фигурки людей и собак двигались вниз у самого берега.

Расцвеченный по-праздничному пестрыми флагами, надувавшийся по ходу, ледокол входил в бухту. Все участники экспедиции не отрываясь смотрели на приближавшийся покрытый камнями берег. Любители ружейной пальбы, набив патронами карманы, выстроились на крыше радиорубки и приготовились приветствовать зимовщиков. Три залпа звонким грохотом рассыпались над недвижимою гладью бухты. Грузно и пустынно, захлебываясь паром, заревел пароходный гудок. Было видно, как у крыльца засуетились, выстраиваясь, люди. Звук ответного залпа показался слабым. По береговому припаю клубочками катились собаки, привечавшие радостным лаем долгожданных гостей.

С искренним восхищением разглядывали мы Бухту Тихую, походившую на зеркальное озеро, окруженное ослепительными льдами. Впереди сиял ледник Юрия, челом своим незримо сливавшийся с небом; справа, опрокинувшись в зеркальной глади, высилась базальтовая скала Рубини. Целая флотилия льдин, белых и зеленых айсбергов, точно лебяжье стадо, наполняла бухту. Множество птиц, отражаясь в воде, плавали и пролетали над поверхностью бухты.

Ледокол не успел отдать якоря, как от берега торопливо отвалила маленькая шлюпка. В ней сидели два человека. У сидевшего на корме была большая русая борода. Никто из участников экспедиции не мог признать бородатого гостя:

- Эка за зиму обросли. . .
- Бородища-то, борода. . .
- Как борода. . .
- Да ведь это сам начальник так оброс. . .

Бородатого признали, когда, выпрыгнув из лодочки, качавшейся под бортом, он легко стал подниматься по спущенному штурмтрапу. Гость с берега оказался начальником станции. Густая борода решетом легла на его груди. Он бодро поднялся по трапу и перескочил через поручень. Его окружили, здороваясь и целуясь.

- Не похудел!
- Поправился.
- Видать, сытное было житье...

По цветущему виду гостя можно было предположить, что зимовка не пошла ему в большой вред. Он сиял здоровьем и свежестью и с удивительной легкостью взбежал на мостик. Гости были одеты почти по-летнему. Нас удивили их легкие потертые курточки, голые шеи. Гости засыпали вопросами:

- Как зимовали?
- Сколько убили медведей?
- Заждались смены?

Окруженный толпою, румяный улыбающийся зимовщик наскоро успел доложить, что зимовка прошла благополучно, работа шла бесперебойно, медведей перебили более двух десятков (одного мишку довелось убить на крыльце бани, куда он забрел неведомо для ка-

кой надобности). Люди почти не скучали. Все были здоровы, за исключением самого начальника зимовки, всю зиму страдавшего язвой желудка и вынужденного держаться строгой диеты. Меня еще более удивил цветущий вид гостя, выдержавшего столь длительный пост.

— Ну, — сказал он улыбаясь, когда улеглась горячка первой встречи, — теперь позвольте вас всех просить на обед. У нас и стол накрыт, давно ждем дорогих гостей...

Корабль уже стоял на якоре недалеко от берегового припая, заполнявшего самый «кут» бухты. По крайним льдинам, перепрыгивая через трещины, туго закрутив пушистые хвосты, бежали береговые собаки. По веселому виду собак, по их закрученным хвостам и звонкому лаю, которым перекликались они с нашими корабельными собаками, столпившимися у борта, было похоже, что и собакам жилось здесь недурно. Стараясь пробраться на ледакол, они заглядывали в воду и визжали от нетерпения.

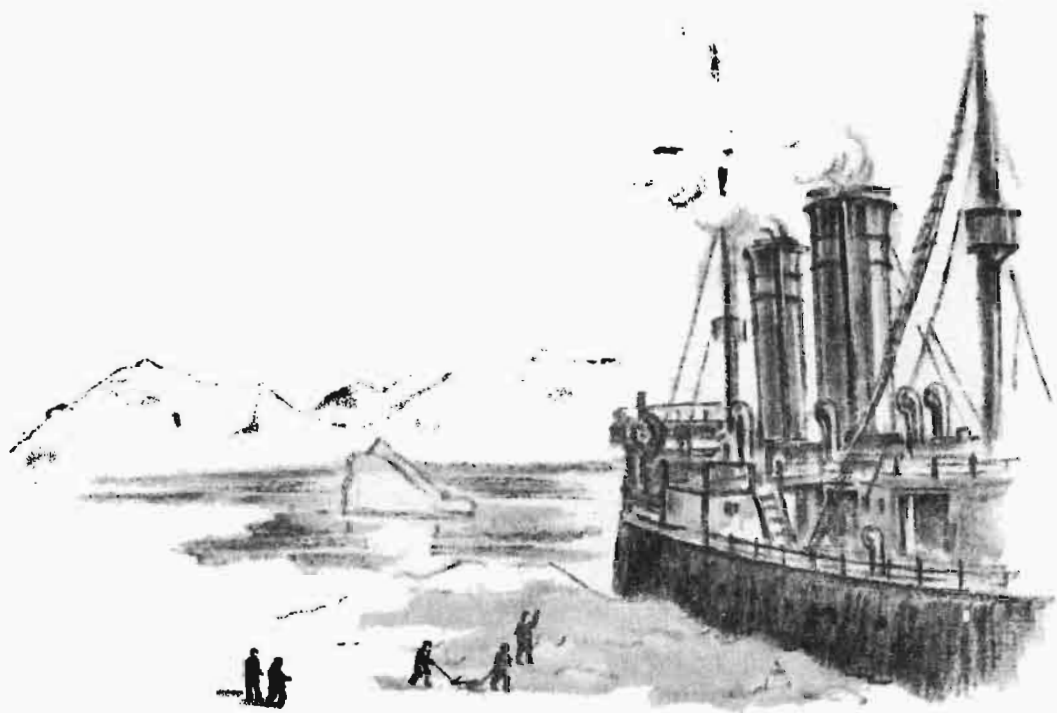
Пока мы беседовали с гостем, матросы успели спустить шлюпку, и в нее набился народ. Желающих ехать на берег было так много, что для них не хватало места. В шлюпках сидели и стояли. Как водится, впереди всех, с треногою в руках, уже хлопотал и суетился кинооператор, успевавший первым всюду и всегда.

РАССКАЗ О СОБАКАХ

Так и не довелось побывать мне в первый день на берегу на званом обеде, который торжественно приготовили для нас зимовщики Бухты Тихой. Все желающие не могли уместиться в двух больших шлюпках, и мы, оставшиеся, уговорились с партией отъезжавших, что с берега за нами пришлют шлюпку. А недаром опыт полярных путешественников учит не доверять погоде, и, пока ходили шлюпки, все несказанно переменялось: с юга потянул ветер, по еще недавно зеркальной глади пошла крутая темная зыбь, мы видели с борта, как у самого берега взявшиеся за весла гребцы были вынуждены повернуть обратно. Нам, оставшимся на ледаколе, не удалось принять участие в торжестве, и время мы провели, любясь замечательной красотой солнечной ночи. Наступившая тишина показалась необычайно глубокой. Впечатление этой глубокой тишины было особенно сильно на опустевшем корабле, недвижно стоявшем посреди наполнявшейся редкими льдами бухты.

Ночь я провел на палубе, не смыкая глаз, изредка заходя в кают-компанию, где с утра толкались и пили чай бодрствовавшие люди. О том, как проходил на берегу обед, мы узнали под утро. Там были цветы на столе, вино и торжественные речи. Утром бухта наполнилась плавучим льдом, и кое-кто из обедавших вернулся на ледакол пешком, выписывая на снегу легкие вензеля, что, впрочем, не помешало вовремя начать работу.

Никто из нас, проработав или пропутешествовав целые сутки, не чувствовал усталости. Та самая работа, на которую в обычных условиях требовалось много усилий, давалась с особенной легкостью и быстротой. Такое замечательное действие полярного воздуха на ор-

ганизм человека может объясняться обилием живительных ультрафиолетовых лучей в свете полярного вечного дня. «Точно помолодели», — говаривали мы, бывало, друг дружке, не узнавая себя. Даже наш почтенный профессор, Борис Лаврентьич, самый из нас пожилой, держался таким молодцом и героем, что юноше было бы в зависть.

Работа по разгрузке началась с утра. Матросы спустили на воду большие просмоленные лодки, стоявшие на палубе и на люках трюмов. Первыми сошли на берег собаки, выдержавшие трудное путешествие из Сибири. Обрадовавшись снегу, они с лаем и визгом стали кататься на льдине, стараясь освободиться от грязи, набравшейся в длинную шерсть. Со своими собратьями, встретившими их на берегу, приплывшие на ледоколе собаки знакомились по правилам собачьего церемониала. Они подходили друг к дружке с туго закрученными хвостами и, осторожно обнюхавшись, начинали драть лапами снег.

Мы с большим интересом наблюдали за этой церемонией собачьего знакомства. Эта мирная встреча, впрочем, не обозначала, что в дальнейшем обойдется без злой потасовки. По неписаным собачьим законам, рано или поздно один из вожаков непременно должен уступить власть сильнейшему. То, что на первый раз собаки разошлись мирно, было несомненным признаком близкой и решительной схватки.

— Весною у нас произошла потрясающая драма, — сказал наблюдавший происходившее на льду собачье знакомство опытный зимовщик. — Собаки разорвали лучшего нашего пса Грейфа. Это было отвратительное преступление. . .

Зимовщик подробно рассказал о трагической гибели Грейфа. Это был замечательный пес из породы немецких овчарок. В экспедицию его взяли на пробу, чтобы испытать в охоте на медведей. Среди ездовых собак, живших на улице в снегу, Грейф держался особняком и, несмотря на общую собачью ненависть (Грейф обитал в комнатах с людьми и пользовался некоторыми привилегиями), никому не давал спуска, заставлял относиться к себе с уважением. Все собаки боялись его крепких зубов. В охоте на медведей Грейф оказался надежной собакой. Он бесстрашно в одиночку бросался на медведя. Зимой его тяжело поранил большой медведь, забредший близко к постройкам. Врач-зимовщик сделал ему операцию, зашив рану, и к весне Грейф стал поправляться. Весной его выпустили на волю. Однажды, убежав вместе с другими собаками на лед, он не вернулся. По виду возвратившихся собак люди догадались, что случилось недоброе: собаки вернулись облизываясь и тотчас зарылись в снег. Отправившиеся на розыски зимовщики по следам нашли место недавнего побоища. На окровавленном и затоптанном снегу все было хорошо видно. По-видимому, собаки предательски напали на ослабевшего от болезни Грейфа и, почувствовав его слабость, расправились с ним по-свойски. Так трагически погиб понадеявшийся на свои силы великолепный и смелый Грейф.

СКАЛА РУБИНИ

Нашей первой экскурсией на берег Земли Франца-Иосифа руководил Григорий Петрович, наш экспедиционный орнитолог, отлично знавший места обитания птиц. Он занимался исследованием птичьих базаров, и первый наш путь лежал к скале Рубини, где в великом множестве жили и гнездились всевозможные птицы.

Захватив на всякий случай ружья (третьим с нами отправился экспедиционный доктор, с пылом юноши искавший необычайных при-

ключений), мы с удобством разместились в большой шлюпке, предоставленной в наше распоряжение новым начальником станции, руководившим на берегу разгрузкой.

— Настреляйте сотенки три кайр для наших собак, — сказал он, напутствуя нас. — Здесь это очень просто. . .

Нам показалось невозможным стрелять не боящихся человека птиц, позволявших брать себя руками. Такая стрельба — не дело настоящих охотников; мы решительно отказались выполнить просьбу, тем более что не было настоящей нужды в корме для собак, всю дорогу питавшихся мясом убитых медведей.

— Еще в прошлом году население птичьих базаров здесь было значительно гуще, — сказал Григорий Петрович, когда мы уселись на весла. — На северном берегу бухты, над самой станцией, был большой базар люриков. Теперь там живут одиночные птицы. Соседство человека дает себя знать. Быть может, в ближайшем будущем для сохранения базаров скалу Рубини придется объявить заповедником, неприкосновенным для охоты. . .

Не заезжая на станцию, где уже кипела работа и слышались громкие голоса, странно звучащие в прозрачной тишине полярного дня, мы направились прямо к Рубини, высоким пирогом поднимавшейся над зеркальной поверхностью бухты. Непривычная прозрачность воздуха обманывала зрение, а высокая, отражавшаяся как в зеркале, освещенная солнцем каменная скала показывалась обманчиво близкой. Понадобилось более часа, чтобы переплыть, казалось, совсем небольшое расстояние, отделявшее нас от красно-бурых базальтовых обрывов Рубини. Чем ближе мы подгребали, гуще носились над нами пролетавшие во всех направлениях птицы. Белогрудые кайры садились близко на воду и, повернувшись, быстро ныряли. В иззелена-прозрачной воде было видно, как быстро плавают они, вытянув шеи и загребая крыльями, под килем шлюпки. Маленькие чистики, свистя крыльями, протянув морковно-красные лапки, неутомимо носились над нашими головами. Серый глупыш-буревестник, отражаясь в воде, грузно кружил подле шлюпки.

Чем ближе подплывали мы к вырastaвшей над водой скале, слышнее доносился шум птичьего базара. Казалось, близко шумит большая, многоголосая ярмарка. В сливавшемся шуме и гомоне множества птичьих голосов отчетливо слышались отдельные вскрики. Было похоже, что это ссорятся и кричат на ярмарочных возах сердитые бабы.

Бесчисленное множество птиц населяли отвесную часть скалы, стеною возвышавшуюся над водой. Птицы кричали, ссорились, непрерывно слетали и возвращались, и над скалою слышался неумолкаемый шум. Вся скала от верху и до низу была покрыта выветрившимся многолетним птичьим пометом. Тяжелый запах грязного птич-

ника чувствовался все сильнее. В абсолютной чистоте полярного воздуха этот запах казался особенно отвратительным.

Окруженные плававшими и пролетающими птицами, не обращавшими на нас внимания, мы подгрести под самый базар.

Недоступная человеку отвесная скала представляла замечательное зрелище. От самого верха птицы тесно лепились на каждом карнизе, на всяком выступе камня. Невозможно понять, как ухитрялись они держаться. Случалось, иные срывались, падали в воздух и опять с криком садились, расталкивая недовольных соседей. Группы лепившихся по карнизам и выступам птиц представляли собою самые затейливые фигуры.

Птицы лепились в разнообразных позах и положениях. В бинокль можно было разглядеть, как самые крайние, раскинув крылья и вытянув шеи, балансируют на краешке камня.

Тысячи птиц вились над скалою, и казалось, что мы стоим у подножия гигантского улья, из которого в жаркий полдень выходит рой.

На воде под скалою хлопьями плавал пух. Известковый дождь непрерывно сыпался сверху у подножия каменной гигантской скалы, глубоко уходившей в прозрачную зеленоватую воду.

Птицы, сверху донизу занимавшие отвесные скалы Рубины, ни малейшего внимания не обращали на проплывавшую внизу шлюпку. Положив весла и отдавшись течению, мы занялись наблюдениями. Над общим гнездовьем, на краю зеленовато-мохого обрыва, я заметил сидевших попарно больших белых птиц. Эти птицы сидели отдельно и, казалось, с высоты наблюдали за общим порядком. Нескольких этих больших птиц, махая крыльями, летали над базаром, и там, куда они приближались, пронзительнее слышался птичий гомон и крик.

— Этих больших чаек называют бургомистрами, — сказал Григорий Петрович. — Они злейшие враги и разорители птичьих базаров. Птицы их ненавидят. Они отнимают добычу у птенцов, воруют яйца. Промышленники Новой Земли считают бургомистров своими заклятыми врагами, и ни один промышленник, увидев пролетающего или сидящего бургомистра, не пожалеет патрона, чтобы прикончить разбойника. Бургомистры так умны и проворны, что умудряются воровать рыбу из мережей, поставленных рыбаками. При этом не было слу-

чая, чтобы бургомистр запутался в рыболовных снастях, что нередко бывает с другими чайками, охотящимися за рыбой...

Над нами, на краю покрытого мохом карниза, сидела пара этих птиц, с большими светло-лимонными клювами. Мне хотелось достать для набивки экземпляр полярного разбойника. Я поднял ружье.

— Стреляйте так, чтобы поменьше задеть сидящих на базаре птиц, — заметил Григорий Петрович, жалевший птичье население базара.

Я целился со всею осторожностью, но вместе с убитым бургомистром, долго валившимся по выступам скалы и ломавшим перья, на воду упало несколько убитых и раненых птиц. После выстрела, много раз отразившегося в прозрачной тишине бухты, со скалы сорвались тысячи птиц.

Небо потемнело над нашими головами. Реденький известковый дождик, сыпавшийся на шлюпку, превратился в сплошной ливень. Срываясь с базара, птицы испражнялись, и под лодкой молочно замутилась вода.

Несколько подранков плавали подле шлюпки. Мы взяли плававшего у скалы неврежденного и отчаянно свистевшего кайренка-птенца, подняли убитого бургомистра, оказавшегося величиной с гуся, и бросили на дно шлюпки. Тотчас оставшийся в живых супруг-бургомистр с яростным криком бросился на нас сверху. Он видел лежавшую на дне шлюпки убитую птицу и с угрожающим воплем падал над нашими головами так смело и грозно, что мы невольно наклоняли головы, приготовляясь к защите.

ПОЛЯРНАЯ ВЕСНА

Быстрое течение, огибавшее Рубини, гнало шлюпку вдоль каменного основания скалы, уходившего глубоко в воду. Поднимавшаяся над морем и заслонившая собою небо, высившаяся над нами скала

вблизи казалась как бы сложенной из каменных брусьев. Правильными рядами, одна к одной, лежали тяжелые колонны базальта, некогда землетрясениями вывернутые из недр земли. Было трудно представить, что в этих ледяных застывших краях некогда бушевала огненная сила, а в пламени извержений создавались и рушились горы...

Бурые колонны базальта, бездонная глубина неба, призрачные, окружавшие нас ледяные горы, сверкающие вокруг льды создавали впечатление сказочной страны. Шлюпка медленно плыла у подножия возносившейся в небо скалы. Птицы продолжали кричать и во всех направлениях летать над нами. Самый многочисленный и шумный базар кайр, занимавший западную часть Рубини, сменился базаром моевок-чаек. Эти белые и легкие птицы гнездились высоко над морем у самой вершины скалы, в глубине темной расселины, по каменным уступам которой, блестя и дробясь на солнце, тоненькой струйкой свергался водопад. Снизу казалось, что над вершиной скалы хлопьями кружится снег. Чайки висели высоко над скалой, освещенные ярким солнцем.

Каменные обрывы Рубини были строго поделены между видами гнездившихся птиц. Больше всего здесь было кайр. Эти черноспинные крикливые птицы занимали весь западный выступ Рубини. На южной стороне жили моевки и белогрудые люрики, густыми стайками носившиеся над водой. Последними на полуденном склоне гнездились черные чистики.

Маленькие эти птички во множестве плавали у кромки оставшегося в «куту» еще не растаявшего льда. Завидев приближающуюся шлюпку, они со всех сторон стали собираться, точно для того, чтобы получше разглядеть неведомый предмет. Чтобы их не пугать, мы перестали грести, положили на воду весла. Тогда они приблизились к самой шлюпке, и нам были видны их черные, точно лакированные, головки и разглядывавшие нас бусинки-глаза. Долго наблюдали мы, как они вертятся под самыми бортами шлюпки, стараясь заглянуть внутрь; потом я протянул руку, и, как по команде, они мгновенно пропали под водой. Мы долго ждали, пока одна за другой, шагах в двухстах, поплавочками стали выскакивать на поверхность их черные фигурки. Мы положили весла, и опять, одолеваемые любопытством, черные птички одна за другой стали собираться вокруг притягивающей их шлюпки. Так мы повторяли несколько раз: кто-нибудь поднимал руку — и окружавшие шлюпку птицы ныряли, а вынырнув, опять приближались.

Насмотревшись на маленьких чистиков, настойчиво провожавших шлюпку, мы подгребли к краю ледяного припая, примыкавшего к свободной от ледяного покрова земле. Нужно было исследовать вытекавший из ледника ручей, на котором могли быть гуси, изредка

гнездившиеся на островах Земли Франца-Иосифа. Лед, на который мы вышли, был изъеден июльским солнцем. В широких промоинах по-весеннему быстро бежала ледяная вода. В прохладном и чистом воздухе чувялось движение весны, пахло талым снегом и весенним ветром. Раннюю весну напоминали яркий свет и журчание воды, сочившейся в размытом и разрыхленном льду.

Вытащив на лед тяжелую шлюпку, мы отправились к берегу по припаю, во всех направлениях перерезанному трещинами и глубокими полыньями. Наш вожатый с привычной легкостью перепрыгивал через широкие трещины, преграждавшие нам дорогу. Хождение по разбитому льду требует особенной сноровки и ловкости. Мне в первый раз пришлось путешествовать по льду, и, признаюсь, нелегко одолевал я встречающиеся препятствия, сулившие на каждом шагу ледяную ванну.

На берегу, усеянном мелкими и острыми камнями, заросшими зеленым глубоким мохом, еще приметнее чувствовалась полярная весна. Под тонкой ледяной коркой звонко пели ручьи. По отлогому склону, обращенному на полдень, ярко зеленел мох, похожий на великолепный бархат. Нога тонула и вязла. Наверху, между камнями, покрывавшими потрескавшуюся землю, пучками росли цветы — яркие полярные маки, своей нежностью напоминавшие наши подснежники.

По каменистому скату мы поднялись на вершину пригорка, соединявшего Рубини с покрытой снегом горой Чурляниса. Отсюда открывался вид на бухту, наполнявшуюся льдами, на станцию и окруженного льдами «Седова», казавшегося не больше подсолнечного зерна. Два наших спутника-седовца встретились нам у ручья за пригорком. Они пешком обошли бухту и, завязая по колено в грязи, занимались вылавливанием планктона в мутном, сбегавшем из ледников потоке. К нашей компании присоединился навьюченный добычей ботаник. Он то и дело присаживался на корточки и маленькой лопаточкой ковырял землю.

— Как ваши лишай?

— Лишайники, — поправил он, вытирая катившийся по лицу пот. — Лишайяи называется нечто другое, менее приятное.

— Ну, как ваши лишайники?

— Прекрасно, — отвечал он, показывая на полные папки. — Здесь я нашел несколько видов, еще не известных на Земле Франца-Иосифа. Посмотрите, какие богатые экземпляры! . .

От сборов ботаника, доверху наполнявших тяжелые папки, пахло землей и весной. Соблазненный успехами его сборов, я сорвал на память о скале Рубини пучок росших у моих ног цветов. Это были полярные маки. Каждый цветок был похож на настоящий, знакомый мне мак, и от них пахло весной. В корнях вырванного цветка копошилось, поблескивая крылышками, какое-то насекомое.

— Самое замечательное, — сказал я, — что эти по виду нежнейшие цветы могут уживаться рядом с вечным снегом и льдом, в стране, где теплого лета совсем не бывает. . .

— Все растения, живущие в холодных странах, умеют накапливать и беречь теплоту солнца, — ответил ботаник. — Если измерить температуру под корнями растения, окажется, что там как в натопленной оранжерее. Поэтому насекомое забралось в корни растения. Не будь этих растений, сберегающих солнечное тепло, здесь, наверное, не могли бы существовать насекомые, не переносящие холода. . . Взгляните на это растенйце, — продолжал он, вынимая из папки зеленую травинку, покрытую крошечными листиками. — Не узнаете? Это — ива. Сколько понадобилось тысячелетий, чтобы обыкновенная ива, растущая на наших широтах, приняла такой вид! Однако все качества и признаки обыкновенной ивы это крошечное растение великолепно сохранило: оно так же цветет и размножается, так же сбрасывает на зиму свои листья. . .

Я положил на ладонь зеленую былинку, которую ботаник называл полярной ивой. Это было крошечное деревце, длиною в спичку. По форме листочков в нем можно было узнать нашу иву, уменьшенную почти до микроскопических размеров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Признаков гусяного гнездовья мы не нашли ни на берегах мутного потока, бежавшего из поднимавшегося над нами высокого ледника, ни в двух пресноватых озерках, блестевших в глубине каменистой долины. На обратном пути к оставленной на льду шлюпке нам пришлось преодолевать новые негаданные трудности. Наши следы, по которым мы надеялись найти кратчайшую дорогу к покинутой шлюпке, расплылись на снегу так, что их почти нельзя было заметить. Много новых трещин, наполненных водой, образовалось в разрушавшемся от солнечных лучей льду. Надо было опять перепрыгивать со льдины на льдину и переходить вброд глубокие лужи, скопившиеся на льду, кристально-прозрачной пресной воды.

Пробираясь по льдинам и перепрыгивая через трещины, мы не сразу обратили внимание на ожидавшую нас нечаянную неприятность. За время нашего путешествия тяжелая шлюпка, которую мы вытащили на льдину, соскользнула в воду и отошла от края. Первый заметил стрясиуюся беду шагавший впереди Григорий Петрович.

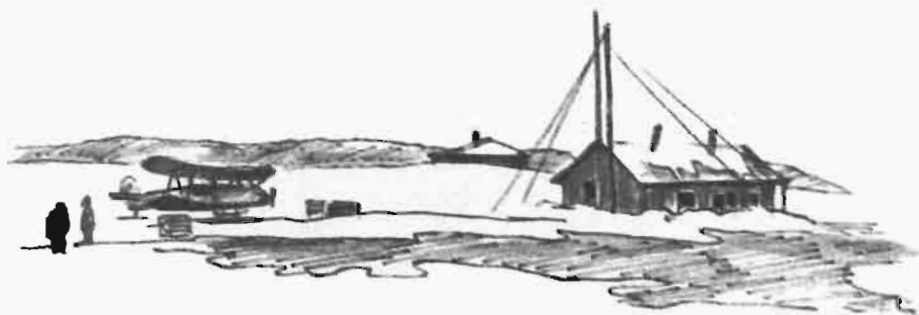
— Черт возьми! — воскликнул он, останавливаясь и показывая на море, где шагах в десяти от края, окруженная стайкой любопытст-

вующих чистиков, покачивалась наша шлюпка с шубой доктора, отправившегося на берег налегке.

Негаданное приключение озадачило нас. Было трудно понять, как сама собою могла сползти на воду тяжелая шлюпка, которую мы с таким трудом выволакивали на припай. Быть может, нагретая солнцем, под нею раскололась или растаяла льдина... Такие шутки льды нередко вышучивают над неосторожными путешественниками.

Потеря шлюпки, предоставленной в наше распоряжение начальником станции, порядочно нас огорчала. Особенно досадовал Григорий Петрович, самый опытный из нас путешественник. Из создавшегося положения нам оставался единственный выход — возвращаться на своих на двоих в обход Бухты Тихой. Это была довольно значительная прогулка. Однако мешкать было некогда, мы рисковали совсем потерять шлюпку, которую течение могло угнать во льды, и, не обращая внимания на трещины, преграждавшие нам путь, во всю прыть пешком пустились в обратную дорогу. Пот градом катился по нашим лицам, рубахи прилипали к спине. Это было наше первое серьезное путешествие по льду. Мы бежали напрямки через лед в обход Бухты Тихой. Помню, на пути я успел застрелить слоновокостую чайку, сидевшую на вершине покрытого снегом тороса. Эта замечательная чайка белизной своего оперения совершенно сливалась с ослепительной белизной снега. Две капельки крови, точно рубины, повисли на ее серебристо-белой груди.

Мы прибежали на станцию под вечер и, никому не признаваясь в страшейся над нами беде, поспешили переправиться на ледокол, чтобы немедленно взяться за поиски шлюпки. С мостика корабля я с трудом наглядел в бинокль у гряды подвижных льдов чуть красневшую, терявшуюся на волнах точку.

НА РОДИНЕ ПТИЦ

НА ДАЛЕКОМ БЕРЕГУ

Люди, никогда не побывавшие в холодных странах, обычно преувеличивают «ужасы» полярной природы. В своем воображении они представляют кромешную тьму, непрерывное завывание холодной пурги. В самых мрачных красках рисуется этим людям незнакомая природа. Такое заглазное представление неверно. Не всегда бушует в холодных странах беспросветная злая пурга. Неописуемо прекрасно в морозную ночь полярное небо. Алмазный свет бесчисленных звезд отражается в каждом кристаллике снегов. Прекрасны, сказочно красивы северные сияния — сполохи. Серебряный свет луны в положенный срок заливает сияющие просторы. . .

Давным-давно развалились на Севере старинные, сколоченные из плавника избушки, в которых некогда зимовали и нередко умирали от голодной цинги первые отважные путешественники, прокладывавшие путь в неведомые холодные края. Советские люди навсегда справились с обычной на Севере страшной болезнью. Неузнаваемо изменилась на далеком Севере и самая жизнь. Советские полярники-зимовщики живут обычно в удобных, теплых квартирах, подчас не уступающих хорошему городскому жилью. На многих полярных станциях горит электричество. Заканчивая работу, люди ежедневно собираются в уютной столовой за общим товарищеским столом. Даже на самых отдаленных станциях и маленьких зимовках есть хорошие библиотеки. У полярников книги пользуются особенным вниманием и почетом. В течение долгой зимы эти книги перечитываются

запоем. Советские писатели могут гордиться вниманием и любовью своих усердных читателей, живущих на далеких арктических берегах.

На все полярные станции и дальние зимовки самолеты доставляют почту, время от времени доставляют свежие книги и газеты. Обитатели полярных станций общаются между собою, держат непрерывную связь с родиной и родными. По всему обширному пространству, от Архангельска до Камчатки, свежие новости перелетают с удивительной быстротой. Многочисленная семья полярников, разбросанных по станциям и зимовкам, живет общей сложной жизнью. В повседневном быту проявляется общая дружная связь. Стоит произойти даже незначительному событию: родится ли у супружеской четы зимовщиков ребенок, или на далеком острове добудут охотники медведя, или обморозится в походе и попросит по радио у врачей совета неопытный человек — свежая новость разносится по эфиру. За тысячи километров переговариваются между собою полярники-радисты. По радио сообщаются общие новости, поддерживается деловая, общественная, товарищеская связь.

Перед последним этапом пути несколько дней живем на далекой полярной станции, построенной в тех самых местах, где когда-то с величайшими трудностями пробирались первые полярные путешественники. Двести лет назад, завершая знаменитый поход, здесь проходил русский штурман Семен Челюскин; таинственной холодной страной любовался путешественник Фритъоф Нансен.

«Я прошел насколько мог дальше, чтобы осмотреть фиорд, — писал об этих берегах знаменитый путешественник, — но конца его видеть не мог. Широкий и величественный канал тянулся в глубь страны, насколько хватал глаз, далеко, далеко к востоку, вплоть до каких-то голубых гор, которые, казалось, спускались к самой воде...»

Там, где у пустынного, безлюдного берега дикой природой любовались первые путешественники, в теплом и уютном доме нам отвели комнаты. Укладываясь спать в застланные свежим бельем постели, мы весело шутили:

— Точно на полярный курорт прибыли.

— Пожалуй, лучше.

— Нужно дядю Федю и тетю Сашу благодарить. Хозяева они отличные. На редкой станции увидите такой порядок...

О дяде Феде и тете Саше мы слышали еще в дороге. Все полярные летчики хорошо знают гостеприимного хозяина, начальника отдаленной полярной станции, где на перепутье останавливаются самолеты, совершающие рейсы над холодными берегами. Дядю Федю и гостеприимную супругу его добрым словом вспоминают в далекой Москве, в холодной Хатанге, на Чукотке. На своем трудном посту дядя

Федя провел суровые годы войны, здесь много лет безвыездно жил и работал.

Новых гостей дядя Федя встречает радушно. Вместе с летчиками мы обедаем в светлой, хорошо убранной общей столовой. Гостеприимный хозяин угощает гостей своей охотничьей добычей — вкусной рыбой и свежей олениной, приготовленной его женой.

После бани и вечернего угощения отправляемся на отдых. Усталым путешественникам приятно протянуть ноги, почувствовать под головой подушку. Засыпая в чистой постели, слышу весенний крик совы, веселое щебетание пуночек, собравшихся под окошком.

НАД НЕВЕДОМОЙ СТРАНОЙ

От Таймырского озера нас отделяет теперь небольшое, но очень опасное и трудное пространство. В полярных районах редко удерживается удобная для полетов погода. Зимой и летом обычно скопляются облака, часто свирепствуют затяжные снежные бури. Пролетая над центральной частью Таймырского полуострова, даже в летнее спокойное время полярным летчикам редко приходится полюбоваться «неведомой» страной. В редкие погожие дни с большой высоты они видят «таинственные» горные хребты, извилистые, еще неизвестные путешественникам реки, зеркально сияющие горные озера. Под крылом самолета раскрывается обширная гладь Таймырского озера с холодными пустынными берегами.

Живя на далекой полярной станции, наши летчики ежедневно запрашивали по радио погоду. Ответы приходили неутешительные. Над Таймырским озером неизменно бушевала пурга, упорно держалась низкая облачность, препятствовавшая посадке.

Вынужденное ожидание не отражалось на бодром настроении участников экспедиции. Пользуясь свободным временем, ботаники приступили к своей работе. Ежедневно мы совершали экскурсии в тундру, где на каменных россыпях уже перепархивали первые куропатки, а под толщею снега, в ледяных подснежных «тепличках», пробуждалась, теплилась жизнь растений...

Воспользовавшись первым благоприятным сообщением об улучшении погоды, летчики торопятся закончить воздушное путешествие. Перед последним этапом пути мы быстро укладываем, грузим в самолет снаряжение. В последний раз тяжело отрывается от снежного поля загруженная машина и, сделав круг, направляется к центру Таймырского полуострова. Прижавшись к стеклам, мы смотрим вниз. В просветах густых облаков видится покрытая снегом тундра, перерезанная извилами застывшей реки. На заоблачной высоте летим над

неведомой горной страной. Молочно-белым безбрежным морем расстилаются внизу облака. В нагромождениях облаков чудятся фантастические картины. Мы видим белые горы, волнистые сказочные долины. Ослепительный солнечный свет даже через стекло режет глаза, отражается на неподвижном крыле самолета. От непрерывного шума моторов и большой высоты немного кружится голова. Точно застыв в ледяном воздухе, плавно плывет над облаками крылатая машина. Странное, еще не испытанное чувство овладевает воображением. Все кажется фантастическим, невиданным, необычайным.

Нашу машину ведет пилот Мальков. Бывалый, опытный летчик не раз пересекал это пустынное, холодное пространство. У Малькова на Севере было много опасных приключений. Спускаясь первый раз над Таймырским озером, в прошлом году он оказался в очень рискованном положении. Пробив облака, самолет мчался в тумане на отвесную каменную гору. Ни на секунду не растерявшись, искусный пилот развернул машину у самой горы и, избежав катастрофы, благополучно сделал посадку.

На минуту я отрываюсь от застывающего, покрытого кристальной изморозью стекла, смотрю на пилота. Спокойно и уверенно он держит штурвал. Трудно постигнуть, как чувствует, находит он в этом заоблачном мире дорогу. Чувство пространства и времени исчезает. Сколько минут или часов продолжается наш заоблачный полет? Чтобы проверить, смотрю на часы. Судя по времени, где-то внизу под облаками должно быть Таймырское озеро — конечная цель полета.

На посадку идем неожиданно. Сделав вираж, приглушив моторы, самолет пикирует в облака. Мы как бы проваливаемся в белую холодную пропасть. Клочья тумана со стремительной скоростью проносятся мимо застывшего, покрытого изморозью стекла. Спускаясь все ниже и ниже (от перемены давления потрескивает в ушах), самолет пробивает толстый слой облаков, летит вслепую. Люди в самолете сидят напряженно. Никто не знает, на какой высоте над

землею висят густые, закрывшие озеро облака. На северных берегах озера много высоких гор, опасных каменных «останцев», в которые можно врезаться вслепую. Для пилота наступает ответственная, опасная минута.

На мгновение близко вижу снег, черные выступы береговых каменных утесов. На белой пелене снегов движется что-то знакомое, живое. Испуганные животные беспомощно мечутся по снегу. Успеваю крикнуть своему соседу:

— Олени! Смотрите, олени!

Но в одно мгновение исчезает видение, навсегда засекшись в памяти. Пробив наконец облака, самолет мчится над поверхностью озера. Близко видны голубые тени заструг, острия наносов, похожих на волны. Разыскивая зимовку, на бреющем полете мчится над застывшим озером стремительная машина.

Под самым крылом самолета неожиданно видим утонувшие в снегах крыши поселка, видим людей и собак. Поднимая вихрь снежной пыли, плавно подпрыгивая, касается лыжами, катится по снегу закончившая свой дальний путь машина.

НА ОЗЕРЕ

Ночью последний раз прилетал на озеро самолет. Сквозь сон я услышал мощный звук приближавшейся машины; одевшись торопливо, вышел на берег, ярко освещенный полуночным солнцем.

На самолете прибыли люди нашей партии: доктор, топографы, зоолог. Боясь непогоды, обычной в холодных краях, летчики торопятся назад. После зимнего сезона они возвращаются в родную Москву. Моторы на самолете уже отработали положенный ресурс. У летчиков остался небольшой запас времени для последнего дальнего перелета. На обветренных, обожженных лучами полярного солнца, радостных лицах летчиков как бы написано веселое слово: Москва!

Едва успев разгрузиться, машина готовится к взлету. Последний раз крепко жмем руку пилоту, передаем наспех нацарапанные письма в Москву, привет друзьям. Поднимая вихрь снежной пыли, машина трогается с места, скользит все быстрее, отрывается от снежной глади озера и, сделав над зимовкою круг, исчезает в низко насунувшихся снеговых облаках.

По-прежнему дует холодный северный ветер, снежная пыль обжигает до боли лицо. Нестерпимый, ослепительный поток света режет глаза. Света так много вокруг, что даже в облачную погоду без темных очков больно смотреть. Спасаясь от разгулявшейся пурги, возвращаемся в домик-барак, по самую крышу заваленный

снежным сугробом, над которым дымит и кружится сухая поземка. После холодного ветра особенно приятно погреться у печки, сооруженной зимовщиками из бочонка от керосина.

Здесь, у раскаленной докрасна печки, топившейся почти беспрерывно, люди коротали долгую полярную зиму, сушили одежду, беседовали, вспоминали друзей, далекую родину, связь с которой надолго прерывалась.

С отлетом последней машины на несколько месяцев остаемся одни почти в самом центре еще неведомой страны. Трудно предвидеть, какие ожидают нас приключения. Дует по-зимнему ветер, высокие сугробы наносит перед домом пурга. Днем и ночью сверкают снега. Полуночный яркий свет непривычным людям мешает спать. В домике, занесенном снегом, мы долго бодрствуем по ночам, работаем, беседуем, готовимся к летним походам.

После городских удобств и домашнего уюта новая жизнь кажется суровой. Суровость походной жизни для бывалых охотников и путешественников привычна. Мы спим в мешках, обедаем за общим скромным столом. (Люди хозяйственно берегут продукты для предстоящих летних походов.) Все же нередко доводится лакомиться превосходной олениной, свежей рыбой. К сожалению, рыба зимою ловится скудно. Подо льдом изредка попадаются крупные гольцы и сига. Почти вся добыча идет в корм собакам, живущим с людьми на зимовке. Глядя на своих четвероногих лохматых помощников, толкущихся у порога, зимовщики жалуются шутливо:

— Аппетиты собачьи! По два килограмма свежатины на каждую голову ежедневно съедают. Не успеваем для них рыбу ловить. А что поделаешь: зимою собаки нас выручали. Без собак на Севере не обойдешься.

По наблюдениям зимовщиков, месяц май в этом холодном краю соответствует подмосковному вьюжному февралю. Настоящая весна начнется не скоро — придется долго ждать!

ВЕСТНИКИ ВЕСНЫ

29 мая

Поразительно меняется здесь погода! Вчера прилетал самолет, был хороший, лётный. день, а сейчас — пурга, нет возможности открыть наружную дверь, до самого верху забитую снежным сугробом. Под напором свирепого ветра стены и крыша трясутся. В невидимые щели ветер надувает тончайшую снежную пыль. Над крышей зимовки на всяческие голоса завывают стальные отяжки

антенны. На непривычного человека эта несмолкаемая музыка пурги невольно нагоняет тоску. Старые зимовщики к неприятным звукам и завыванию пурги относятся с полным пренебрежением. Не обращая внимания на разбушевавшуюся в тундре погоду, мы спокойно сидим за столом у раскаленной по-зимнему печки, пьем крепкий чай, беседуем, шутим.

Греясь у печки, доктор Корнейч рассказывает: несмотря на лютую погоду, сырость и жестокие холодные ветры, в полярную ночь никто из зимовщиков не болел простудой. Зимой люди не знали гриппа, никто не пожаловался на кашель и насморк. По словам доктора, полярный климат благотворно влияет на больных туберкулезом. Есть наблюдения, что легкие формы этой распространенной болезни излечиваются на Севере бесследно. Воздух холодных стран лишен бактерий. На Крайнем Севере не гниет дерево, веками сохраняется выброшенный на берег плавник. Трупы животных и растения, погребенные в вечной мерзлоте, долго не разлагаются. В случайно вскрытых могилах на холодном Севере не раз находили покойников, пролежавших много десятков лет. На ресницах не тронутых разложением мертвецов, как в первый день погребения, пушился чистейший иней.

Разумеется, не все люди одинаково переносят зимовки, переживают долгую полярную ночь. Вынужденная скученность и неподвижность, теснота и неудобства общего помещения, постоянный холод и мрак иногда докучают самым выдержанным зимовщикам. За долгую зиму выговорены все слова, выслушаны все рассказы, жесты и движения товарищей давно пригляделись. Лучшее лекарство от начинающейся тоски — ежедневная неустанная работа, длительные прогулки. Постоянно работающие люди даже на самых трудных зимовках обычно чувствуют себя превосходно.

В истории полярных путешествий были известны печальные случаи, причиной которых было неравенство людей, отсутствие подлинных человеческих отношений, обострявшаяся вражда. В царские времена тяжелой трагедией завершилось плавание «Святой Анны», бесследно погибшей во льдах полярного океана. В записках штурмана Альбанова, совершившего некогда знаменитый пешеходный поход по дрейфующим льдам, с потрясающей правдой рассказано о печальной трагедии прошлого, происшедшей в отжитые, далекие, невозможные теперь времена...

Сегодня весь день жестокая пурга, носа нельзя показать за дверь. Но уже чуются признаки близкой весны. Вчера над озером видели гусей — первых разведчиков великой армии птиц, ожидающей время прилета. Гуси-разведчики летят небольшими косяками, парами и в одиночку. Под ними еще расстилается освещенная полу-

ночным солнцем снежная пустыня. Трудно представить, где укрываются теперь застигнутые пургою, быть может обреченные на гибель, крылатые смелые вестники весны...

ПОСЛЕ ПУРГИ

30 мая, ночь

После жестокой пурги (утром дверь нашего жилища пришлось долго откапывать лопатами) — высокое чистое небо, спокойные белые облака, под ногами проваливается мокрый снег: оттепель. Быть может, пришла наконец долгожданная настоящая весна! Непрерывно летят с южного берега гуси. Их небольшие усталые косяки низко тянут над ослепительно белой тундрой. Утомленные долгим полетом птицы присаживаются на снег. Можно видеть в бинокль вытянутые толкачиками шеи, маленькие серые головки. На обнажившихся каменных россыпях токуют тундряные куропатки. У птиц начинается весенняя брачная игра. Иногда, тихо планируя, размахнув белые крылья, над каменной россыпью бесшумно пролетает полярная сова. При появлении хищника, высматривающего добычу, все живое прячется и примолкает.

Утром поймал на самодельный крючок огромного гольца. Красивая сильная рыбина с зубастой чудовищной головой. Эх, показать бы такую добычу ленинградским приятелям-рыболовам! Опытные люди говорят, что летом такой рыбы наловить можно здесь сколько угодно. Зимний подледный лов затрудняется необыкновенной толщиной льда. Пробиивать лунки в двухметровом крепком льду непосильно даже для самых настойчивых рыболовов. За обедом сегодня ели уху. Вряд ли кому из знакомых рыболовов приходилось лакомиться такой наваристой, вкусной ухой!..

Сказочно хороши, чудесны сверкающие солнечные ночи. Днем слишком много света, под ногами проваливается мокрый и рыхлый снег. Ночью прихватывает морозец, все как будто настораживается, примолкает. Недвижное сияет над снежной пустыней солнце, и в ослепительном, сказочном мире слышатся далекие голоса птиц.

ПОДЛЕДНЫЙ ЛОВ

31 мая

Ходили на рыбалку, на лед. Под глубоким слоем снега скрыты прорубленные еще с осени, наполненные водою глубокие проруби-лунки. Долго раскапываем утрамбованный пургою снег, лопатами выбрасывая тяжелые белые пласты. Рыболовные сети спущены на дно. Чтобы не порвать тонкую снасть, тщательно очищаем лунки от кусков снега и льда. В прозрачной воде видится зеленовато-темная холодная глубина. В привычных руках рыболовов медленно выходит из воды мокрая сеть. Серебристо-розовая рыбина запуталась в сети. Рыбак вынимает из сети гольца, выбрасывает добычу на снег. Необычайно красива живая, сильная, извивающаяся на снегу рыба. На розоватых мокрых боках тончайшими красками играет многоцветный узор. Живая скользкая рыбина извивается в снегу, бьет сильным хвостом, огромная зубастая пасть беспомощно раскрывается. При ярком солнечном свете медленно гаснут на воздухе подводные краски ее цветного узора.

Нестерпимый свет солнца отражается в снегах. Солнечный свет обжигает лица, слепит глаза. Жестокий, нестихающий ветер валит с ног. Сбиваемый ветром, над нашими головами низко тянет отбившийся разведчик-гусь.

Усталая птица низко летит над снегами. Долго наблюдаем, как, тяжело махая крыльями, птица борется с ветром, упрямо держа путь на север. Черною точкою разведчик-гусь исчезает в сверкающей ослепительной белизне.

С каждым днем приближается настоящая весна. Днем и ночью ослепительно сияет солнце. На белом снегу, на обнажившихся каменных россыпях куропатки делятся на пары. Где-то на вскрывшихся горных ручьях собираются прилетные гуси.

Отбрасывая синеватые тени на сверкающий снег, с хищным криком кружат над тундрою чайки.

Если посмотреть в сильный бинокль, можно увидеть в ослепительной дали спокойно бредущих по снегу оленей.

В первый год зимовки табуны диких животных безбоязненно подходили к самому человеческому жилью. Из окон своего жилища зимовщики наблюдали тысячи оленей, осенью и зимой проходивших привычным и безопасным путем. Появление людей, и особенно собак, по-видимому, их пугает.

Чтобы добыть оленя, охотникам теперь приходится отходить на несколько километров от шумного жилья, которое олени старательно обходят.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

1 июня

Необычайно наступает здесь ранняя весна. В сильном дыхании ветра не чувствую обычных возбуждающих запахов пробудившейся земли. Холодный ветер мчит над закованной снегом пустынной страной, завывает в горах и ущельях, скользит над ледяной гладью озера, дымит снежной пылью в кружевных белых застругах. Но уже с каждым днем на наших глазах вырастают, ширятся в тундре темные пятна проталин. Засохшие стебли растений выходят из снега. По крепкому снегу ветер разносит их зрелые семена. Множество птиц собирается на обнаженных полянах. Видно издалека, как перелетают они, садятся на снег, незримо сливаясь с сияющей его белизною. Распластав белые крылья, пролетает над тундрой сова. В розысках воды непрерывно тянут над тундрой гуси. Приятно слышать знакомый клик гусей, пробуждающий далекие воспоминания... На чистой пелене снегов ежедневно наблюдаем оленей. Робкие животные сторонятся жилья. В хороший бинокль видно, как пугливо толкуются они возле глубокого следа вездехода, пересекающего их привычный путь. За стадами оленей, идущих на север, неотступно следуют волки. Горе зазевавшемуся, ослабевшему, отбившемуся оленю! Бесчисленное количество оленей погибает в тундре от беспощадно преследующих их волков. Даже опытным и умелым охотникам трудно наладить борьбу с хищным зверем. Уверенно ведут себя волки в полярной тундре. Здесь они чувствуют себя полными хозяевами, и даже присутствие человека их мало смущает. Не раз участники экспедиции подвергались волчьей осаде. Застигнув безоружного человека, волки пытались окружить его кольцом, осторожно подкрадывались к предполагаемой добыче. Напасть на человека звери, однако, не решались. Вид и запах двуногого существа, звуки человеческого голоса наводили страх на зверей, и, отбежав на некоторое расстояние, угрожающим воем они провожали своего ненавистного врага.

Охотясь за полярной мышью-пеструшкой, летом и зимою рыщут по тундре песцы. Необыкновенно дерзок и смел этот зверь, обитающий в безлюдных просторах. В прошлые времена стоянки полярных путешественников неоднократно подвергались набегам песцов. Из походных палаток песцы воровали плохо укрытые продукты, растаскивали снаряжение, портили научные приборы. В тех местах, где люди охотятся на песцов, эти

животные бывают осторожнее и не всегда решаются приблизиться к жилищу.

На берегах озера мы нередко видим мышкующих песцов. Низко опустив голову, прислушиваясь и останавливаясь, совершает зверь свой охотничий маршрут. Малейший звук привлекает его внимание. Под толщею снега он слышит писк леммингов. С необычайной ловкостью разрывают песцы слежавшийся снег. К молодому неопытному песцу иногда удастся подойти вплотную. Увлечшись охотой, зверь не обращает внимания на человека, спокойно устанавливающего фотографический аппарат.

СОЛНЕЧНАЯ НОЧЬ

2 июня

Чудесная солнечная ночь!

Готовлю ружье, патроны. Один выхожу на прогулку.

Над тундрой — полуночное солнце, сверкающая тишина. Пощипывает легкий морозец.

Наст держит, как крепкий паркет.

На снегах — лиловый оттенок. Небо — без единого облачка, глубокое, чуть-чуть голубое.

Чем дальше ухожу в тундру, испытываю большее чувство одиночества, оторванности от обычного мира.

Сказочный, пустынный окружает охотника мир.

Радостно слышать в пустынном призрачном мире весеннее пение птиц.

В знакомом пении птиц, разбившихся на пары — утверждение жизни, радостное чувство весны, всеобщего пробуждения!

Полуночное солнце светит в глаза, нестерпимо отражается в белизне снегов. Поверхность снега покрыта кристаллами, хрустально звенящими под ногами. Голубые, лиловые, розоватые лежат на снегу тени.

По белой скатерти снега, мягко подпрыгивая, катится легкий сказочный колобок. Это выбрался из своих подснежных ходов крошечный зверек — лемминг. Ослепленный солнечным светом, он торопится изо всех сил. Куда, по каким весенним делам выбрался этот скрытный неловкий зверек? Тысячи опасностей ожидают его на открытой поверхности снега.

Долго и внимательно наблюдаю в бинокль, как совершает он свое опасное путешествие. В сияющем поле бинокля вдруг появляется темная тень. Вижу внезапно появившегося поморника — большую хищную чайку. Приподняв черные крылья, зоркая птица садится на

снег. В страхе мечется на снегу лемминг, стараясь защититься от крылатого врага. Но спокоен, равнодушен к своей жертве черный разбойник. Он как бы наслаждается беспомощностью зверька.

Недолго продолжается неравная борьба. Сытая птица не торопится. Ударом клюва поморник приканчивает добычу.

Я опускаю бинокль, берусь за ружье, торопливо вкладываю патроны.

«Хороший подарок будет зоологам!» — думаю, осторожно приближаясь к птице, расхаживающей возле добычи.

Зоркий хищник не подпускает на выстрел. Поспешно проглатывает он мертвого лемминга, всего целиком (трудно понять, как вмещается в горло хищника добыча), и неторопливо улетает, отбрасывая на снег лиловую тень...

Расстегнув куртку, я иду дальше по рассыпчатому хрупкому снегу, один-одинешенек в сверкающем снежном просторе.

Полуночное солнце сияет на небе. Жмурясь от света, смотрю в бинокль: далеко, далеко в белом пространстве видятся крыши зимовки. Я иду, рассыпая под ногами хрустальные кристаллы льда, изредка останавливаясь, слушаю, наблюдаю.

Необычайные звуки рождаются в призрачной тишине.

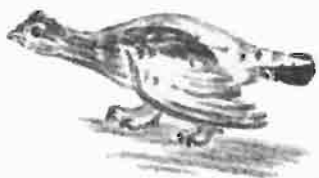
Справа и слева раздаются эти хрустальные, чистые звуки. Сказочным кажется охотнику полуночный свет, ослепительное сияние снежной равнины. На темных пятнах проталин, со странным, тающим в воздухе звуком взлетают, точно снежные белые хлопья, трепеща крыльями, токут куропатки.

По освещенным полуночным солнцем снежным просторам я иду среди бесчисленных токующих птиц. Не обращая внимания на человека, птицы сидят, гоняются по снегу, дерутся, перелетают. При взлете они как бы растворяются в воздухе, девственной белизною своего оперения сливаясь с ослепительной белизною снегов.

Осторожно приближаюсь к парочке птиц. В двух шагах от меня белоснежный краснобровый самец-петушок ухаживает за своей скромной подружкой. Защищая подругу, петушок отважно пытается вступить со мною в бой. С отчаянной храбростью он подбегает к ногам, грозно хохлится, принимает самые воинственные позы.

«Берегись, берегись, я тебе задам!» — выражает его воинственный вид.

Чтобы доставить полное удовольствие маленькому храбrecу, притворяюсь очень испуганным и понемножку, шаг за шагом, начинаю отступать. Петушок-забияка гонится за мною. Убедившись в своей победе, с торжествующим видом возвращается он к подружке. Делая возле нее круги, чертя по снегу крылышками, он рисуется перед нею своей отчаянной храбростью, готовностью жертвовать жизнью.

Множество раз повторяю игру с птицами, не боящимися человека. Увлекательная, веселая игра доставляет особенное удовольствие, я забываю о заряженном ружье, которое здесь не нужно.

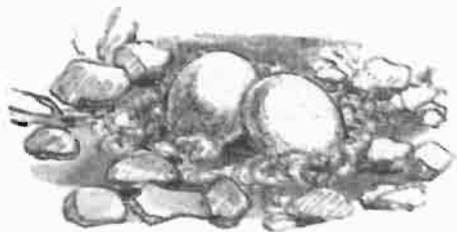
ГНЕЗДО СОВЫ

В каменных россыпях, еще покрытых слежавшимся снегом, мы нашли жилое гнездо полярной совы. Огромная белая птица бесшумно слетела почти у самых ног.

Хорошо видна круглая голова, раскрытые широкие крылья сливаются с белозной снегов.

В устланном пухом гнезде я увидел два насиженных яйца. Несмотря на мороз, яйца были теплые, в них наклевывались птенцы.

Эта замечательная птица очень рано начинает откладывать яйца. Самое удивительное, что даже в сильные морозы охраняемые родителями насиженные яйца не застывают. Нередко в гнезде совы находят оперившихся птенцов и только что снесенные, еще не насиженные яйца.

Полярные совы зимуют в тундре. В ночной темноте пролетают они над мерцающими в звездном свете снегами. Обычным кормом птиц являются полярные мыши-пеструшки, зимою живущие под снегом. Там, где водятся зайцы, полярные совы беспощадно преследуют беспомощных зверьков. Редкий заяц не побывал в когтях полярной совы. Старые зимовщики рассказывают о невероятном скоплении зайцев, по неизвестным причинам теперь почти исчезнувших на берегах озера.

Зайцев, собиравшихся многочисленными стаями иногда под самыми окнами зимовки, преследовали полярные совы. Они садились на крышу, точно грозные часовые, своею тяжестью не раз обрывали антенну.

Чтобы избавиться от докучливых посетителей, зимовщики стреляли их беспощадно, но полярные совы всю зиму продолжали их беспокоить.

Весною и летом, как бы поделив на участки просторы тундры, полярные совы ведут уединенную сторожевую жизнь. На темном фоне тундры неподвижными белыми столбиками маячат их застывшие головастые фигуры. Долгими часами в полнейшей неподвижности дежурит на своем наблюдательном посту сова. С непостижимым терпением ожидает она появления добычи. Удивительной остротой зрения обладают полярные совы. В ночной темноте и при дневном свете на большом расстоянии замечают они промелькнувшего в траве лемминга. Охотнику редко удастся подойти близко к спокойно сидящей сове.

В отличие от других птиц, населяющих тундру, необычайно осторожно ведет себя этот свирепый и зоркий хищник. Только при случайной встрече удастся подстрелить огромную птицу, зимнее оперение которой кажется белее снега.

Выходя по ночам, мы слышим странное гуканье, доносящееся с каменных россыпей и останцев. Так перекликаются над тундрою полярные совы, вместе с другими птицами переживающие пору любви. Сказочными кажутся в тишине солнечной ночи голоса невидимых, таинственных птиц.

КОРАБЛИКИ НА СНЕГУ

3 июня

По утрам ботаники отправляются «в поле» — на работу. С рюкзаками за плечами гуськом бредут они по снегу: профессор и его помощники-ученики. Проваливаясь в сугробах, они уходят в тундру надолго, терпеливо роются на обнажившихся от снега проталинах,

разыскивая редкие растения на прогретых солнцем южных склонах каменных останцев.

Изумительны эти необыкновенные растения, оживающие под снегом!

Их стебли и листья покрыты теплым и густым пухом, спасающим от стужи. Многие растения жмутся друг к дружке, образуя плотные цветнички. В обросших пушистой шубкой корнях прячутся насекомые, устраивают гнезда лемминги и полевки. Только у немногих северных растений созревают за лето семена. Большинство растений, сохранившихся еще от доледниковых времен, продолжает размножаться вегетативно.

Гонимые ветром, по снежному полю под ногами путешественников мчатся крошечные кораблики с поднятыми парусами. Я поднимая, внимательно рассматриваю такой маленький кораблик. Мелкие круглые семена прикреплены в раскрывшейся легкой коробочке, похожей на лодочку с парусами.

Куда ни посмотришь — мчатся, мчатся по снегу кораблики с распущенными парусами. Во всех направлениях они пересекают покрытую снегом голую тундру. В этих крошечных корабликах по бескрайним снежным просторам путешествуют семена растений, несущие в себе упорную, неистребимую жизнь.

СНЕЖНЫЕ ТЕПЛИЧКИ

— Не желаете ли полюбоваться на «снежные теплички»?

Глаза профессора-ботаника радостно смеются. Лежа на снегу, большим ботаническим ножом он осторожно вскрывает прозрачную ледяную пластинку, образовавшуюся над углублением в снегу, в котором виднелись живые зеленые побеги.

— Посмотрите, как ладно устроено. И прозрачное ледяное стекло, пропускающее живительные солнечные лучи, и мягкая, теплая подстилка. Настоящий миниатюрный парничок, крошечная снежная тепличка!...

Я опускаюсь рядом с профессором на снег. Под тончайшею хрустально-прозрачною коркою льда хорошо видно в снегу распустившееся растение с пушистыми, свернутыми в трубку зелеными ростками. Термометр, просунутый в снежную тепличку, показывал положительную температуру. Тот же термометр на поверхности снега быстро спустился на двенадцать градусов мороза.

На южных склонах холмов, покрытых тонким снежным покровом, мы нашли множество маленьких тепличек. Весною растения выйдут из снежных тепличек с почти распустившимися цветами. Нали-

чием этих тепличек объясняется удивительное явление в растительной природе полярных стран, где рядом со снегом весной можно видеть живые прекрасные цветы, поражающие путешественника своей нежностью и красотой.

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

С каждым днем борьбы с отступающей зимой в природе побеждает живая, радостная весна. На озере, в тундре, на вершинах призрачных гор и холмов нетрожно сияют снега. Высокий зимний сугроб закрывает окно, у которого я пишу. Но уже выше колена тонет нога в напитавшемся весенней водою размытом снегу, глубоко проваливаются гусеницы вездехода, который готовят к далекому походу. На южных склонах ширятся пятна проталин. На солнечном прогреве, у основания каменных останцев, ботаники обнаружили первые распустившиеся цветы. Удивительно и необычайно: вокруг зима, почти нетрожно лежат снега, а рядом с глубокими сугробами на мохнатых стебельках ветер колеблет нежнейшие живые цветы! Кажется, от одного дыхания должны завянуть тончайшие лепестки, чудесным образом переносящие морозы и холодный, обжигающий ветер!

ОХОТА

4 июня

Оттепель. Снег быстро тает. На береговых проталинах, прогретых солнцем, распустилась сиверсия — полярный «подснежник». Так странно видеть рядом со снегом нежные золотые цветы! Пользуясь сном собак, свернувшихся калачиками в снегу, стайки куропаток ночами токуют под окнами. На кучах отбросов прыгают, поют по-весеннему пуночки.

В окрестностях озера продолжается большой ход оленей. Сегодня мимо зимовки прошло несколько табунков. Из окна хорошо видно, как бредут они по снежному полю, с южного берега на север.

Бредут тихо, с устало опущенными головами. На ослепительном фоне снегов видны их дымчатые спины, откиннутые рога. Иногда передовой олень останавливается, ловит ноздрями воздух. Быть может, в кристальной чистоте полярного воздуха он издали чувствует человеческое жилье.

Осторожные животные обходят зимовку, где их пугают незнакомые запахи, лай собак.

Весенняя охота на кочующих оленей даже для опытных и привычных охотников особенного интереса не представляет. Жалко убивать истощенных долгим походом, измученных зимнею голодовкой животных. Только крайняя потребность в мясе и корме для собак, необходимость научных наблюдений заставляет продолжать не всегда добычливую весеннюю охоту.

Сегодня зоолог Василий Михайлович вернулся с такой охоты. Сидя в засаде на маленьком островке, он напустил проходивших оленей на близкое расстояние. После первого выстрела испуганные животные продолжали беспомощно толпиться. Не сходя с места, охотник уложил четырех оленей. Вернувшись домой, он отправил людей свежевать добычу. Как потом оказалось, один раненый олень при появлении людей поднялся на ноги и быстро пошел в горы. Охотники долго и безрезультатно преследовали раненое животное, несомненно угодившее на зубы волкам.

Сегодня особенно хлопотливый день. Первая партия разведчиков отправляется в большой многомесячный поход. Укладывается походное снаряжение, увязывается груз. Как всегда перед большим предприятием, люди особенно возбуждены. До глубокой осени путешественникам придется жить в суровой походной обстановке. Участники

похода чувствуют себя уверенно и спокойно. Внимательно обсуждают они предстоящие трудности, старательно пересматривают снаряжение и запасы, стараясь не упустить мелочи, необходимые в походе.

ПРОВОДЫ

5 июня

Ночью наши товарищи отправились в долгий поход. Прошлый день прошел в сборах, в горячей подготовительной работе. Люди торопились уложить снаряжение и продовольственные припасы, вымыться в бане и выстирать белье. С особенным чувством мы проводили друзей, отправившихся в трудное путешествие.

Кузов тяжелого вездехода набит до отказа. Здесь — железные бочки с бензином, ящики с продовольствием, свернутые палатки, прикрытые спальными мешками и шкурами оленей. Людям приходится пристраиваться на крыльях и подножках вездехода, цепляться за переполненный кузов, брести пешком за машиной, прокладываящей в снегу глубокую и плотную колею.

Толпясь на утоптанном снегу, мы прощались с отъезжавшими друзьями, укладывавшими в вездеход последние вещи, шутили и смеялись:

- Счастливый путь!
- Не забывайте нас.
- Желаем удачи!

Перегруженная машина тяжело двигается с места и, оставляя широкий след в снегу, медленно уходит в тундру. Люди и собаки долго ее провожают.

Жмурясь от света, мы наблюдаем, как удаляется, исчезает в снежном пространстве, крошечной точкой становится покинувшая нас наполненная людьми машина.

Проводив товарищей, не торопясь возвращаемся в опустевшее неубранное помещение, хранящее следы недавнего отъезда. Как всегда после большого напряжения, особенная чувствуется усталость. Присаживаемся за стол, пьем чай, припоминая подробности хлопотливой и бессонной ночи.

— Крепко придется поработать ребятам, — говорит кто-то из зимовщиков. — Дело сурьезное: раньше осени, пожалуй, не увидимся...

ПОТОП СВЕТА

6 июня

Изумительный день -- день яркого света. Такого ослепительного света не приходилось еще наблюдать. Выходить без темных очков невозможно. Отраженный в снегах солнечный свет нестерпимо режет глаза. Ослепительный свет льется потоками — невыносимый, яростный потоп света!

Ночью дневное буйство света немного утихает. Звенит под ногами, на мельчайшие кристаллы рассыпается снег. Призрачный — и все же почти невыносимый — свет полуночного солнца отражается на далеких, тающих в воздухе вершинах. Светом пронизан воздух, призрачные вершины, тонкие холодные облака в высоком небе.

Ход весны трудно предвидеть. По словам старых полярников-зимовщиков, если продержится тепло, — в конце месяца может начаться ледоход. Обычно озеро вскрывается позднее.

Пока весь лед стоит нерушимо. Кажется, конца-краю не будет ослепительному потоку яркого света.

ВЕСНА В ТУНДРЕ

В ТУНДРЕ

Даже опытному путешественнику легко заблудиться в полярной тундре. Идешь, идешь, бывало, и ничто как будто не изменяется перед глазами. Маячат впереди далекие горы да однообразно желтеют уже освободившиеся от снега пологие холмы. То и дело с треском срываются или быстро под ногами разбегаются белоснежные куропатки, злобно вьются над головой путешественника черные хищные чайки — поморники, с поразительной смелостью охраняющие свое гнездо, искусно скрытое в моховых кочках.

Безбрежна, однообразна таймырская тундра. Точно корявыми бородавками покрыта скудная почва, насквозь пропитавшаяся ледяной водой. Крошечная полярная березка стелется кое-где под ногами. Идешь, идешь без дороги, глубоко проваливаясь в мокром, раскисшем снегу, спотыкаясь о кочки, покрытые бурой травой. Заставив путешественника вздрогнуть, вдруг выскочит маленький бесхвостый зверек — пеструшка. Сколько в нем лютой ярости, отчаянной готовности защищать свою жизнь! Подпрыгивая над землей, он храбро набрасывается на сапог путешественника, нарушившего его покой. Замечательна жизнь этих бесчисленных обитателей тундры. Всю долгую зиму пеструшки проводят под снегом, с поразительной быстротой прорывая извилистые ходы, питаются подснежной растительностью тундры. В летние месяцы, подобно другим, более крупным северным животным, маленькие пеструшки совершают дальние кочевки.

Целые полчища этих зверьков пускаются в далекие путешествия. Смелых пеструшек не останавливают реки, крутые горные перевалы. С изумительной настойчивостью, во множестве погибая в пути, они переплывают бурные потоки, бросаются в глубокие пропасти, вползают на каменные обрывы. Зимой и летом за пеструшками охотятся многочисленные враги. В огромных количествах пеструшек истребляют полярные лисицы — песцы, ловят совы и чайки, живущие в тундре почти повсеместно. Даже северные олени — эти природные вегетарианцы — не отказываются полакомиться свежим мясом раздавленной копытами пеструшки.

Тяжелой показывается непривычному путешественнику ходьба. На первых порах как бы сами собою подламываются ноги, глухо стучит сердце в груди. Тяжелая походная ноша давит плечи, ослепительный свет полярного дня нестерпимо режет глаза. Но с каждым часом втягивается путешественник в ритм ходьбы. Ноги уверенно находят точку опоры, зрение и слух обостряются. Мало-помалу привыкаешь думать, наблюдать на ходу. С особенной остротой замечаешь и стремительный полет птицы, со свистом пронесшейся над головою, и журчание сокрытого снегом весеннего ручейка, и яростный писк пеструшки, промелькнувшей в траве под ногою. Бодрым, полным живых впечатлений возвращается путешественник из похода. После многих часов утомительной ходьбы особенно приятно увидеть дымок костра, знакомые походные палатки, разбитые на берегу реки, увидеть друзей, своих спутников, смехом и шуткой встречающих запоздавших товарищей, увлекшихся охотой в пути.

После трудного похода особенно крепко спится на постелях из мягких оленьих шкур. Бодрым просыпается путешественник, разбуженный утренними голосами птиц, пролетавших над самой палаткой. Здесь он как бы не чувствует своего возраста: молодость и бодрость к нему возвращаются...

ЛАГЕРЬ В КАНЬОНЕ

Наш походный лагерь разбит в глубине живописного ущелья — каньона, промытого водою в течение многих тысячелетий. С вершины крутого обрыва видим внизу маленькие фигурки людей, движущиеся возле палаток, раскинутых на берегах реки, начало свое берущей в горах Бырранга.

По крутому распадку, наполненному крепким, слежавшимся снегом, осторожно спускаемся в глубину каньона. Тяжелые пласты снега нависли над нашими головами. Синие, лиловые лежат на них

тени. Осторожно ощупывая дорогу, мы пробираемся к подножию скал, высокой стеною возвышающихся над извилистым руслом реки.

У основания этих скал работают наши исследователи-следопыты. Они старательно роются в россыпях и каменных обвалах, внимательно осматривают каждый камешек, каждое маленькое растеньице, робко пробившееся на свет пушистыми нежными ростками. Под взором исследователей шаг за шагом раскрывается отдаленное прошлое холодной, некогда неведомой страны. Вот в куске каменной породы, умело расколотой стальным молотком, с поразительной четкостью отпечатались створки древних моллюсков, узорчатые ходы давно вымерших морских червей. Много миллионов лет прошло с тех пор, когда эту холодную и пустынную страну покрывало море. Точные наблюдения помогают ученым-разведчикам раскрывать прошлое Земли. С упрямством настойчивых «следопытов» выслеживают они свою «добычу». Нагруженные тяжелыми «трофеями», разведчики земли возвращаются к походным палаткам, чтобы, отдохнув и немного подкрепившись, с новой энергией приняться за увлекательную работу.

Сбросив тяжелую ношу, мы располагаемся у походного костра, пьем вкусный чай, делимся впечатлениями. Чудесная, невиданная природа нас окружает. Любуясь этой природой, прислушиваемся к прозрачной тишине, которую впервые здесь нарушают живые человеческие голоса.

Вот опоздавший молодой путешественник показался на самой вершине высокого снежного откоса. На белом фоне снегов отчетливо видится его крошечная черная фигурка с треногой за плечами. Как бы из дальней дали доносится голос:

— Готов ли, товарищи, обед?

— Го-отов! Готов! — нарушая чуткую тишину, отвечают снизу веселые голоса.

— Иду-у-у! . .

«...у-у-у!» — с поразительной отчетливостью катится, гремит по каньону громкое эхо.

Точно чуткий часовой, охраняющий от людей недоступное сказочное царство, на вершине скалы уселась большая серая птица. Изредка слышится ее сторожкий стонущий клик.

«Пи-и! Пиу-у! Пи-и! Пиу-у!» — жалобно канючит птица.

«Пи-и! Пи-у-у!» — откликаются ей другие невидимые сторожкие часовые.

Каждый звук многократно отражается в глубоких извилинах каньона. Вот, потревоженный птицей, небольшой камень упал с вершины высокой скалы, и, отразившись многократно от каменных стен каньона, гулкое эхо повторило, усилило раздавшийся звук. Тяжелый пласт снега обрушился к ногам путешественников, и на минуту всем показалось, что начинается землетрясение — такой грозный гул раскатился вдруг по ущелью. Пролетные гуси загоготали над головой — далеко и гулко раздался их крик, в сердце охотника разбудивший знакомые счастливые воспоминания.

Необычайно прозрачен воздух над этой полярной страной. За десятки километров отчетливо видим таинственные горы, их снежные хребты и сверкающие вершины. К этим сказочным вершинам лежит путь путешественников, впервые нарушивших неприкосновенность холодной страны.

ГОРНОЕ ОЗЕРО

С тяжелыми мешками и ружьями за плечами мы медленно поднимаемся к истокам реки, начало свое берущей в горах. С каждым поворотом раскрываются перед глазами новые живописные картины. Над нашими головами возносятся в небо отвесные стены каньона. Высоко видятся их освещенные солнцем вершины.

Следуя извилам реки, одна за другой пролетают стайки диких гусей. В воздухе хорошо видны их вытянутые длинные шеи, изящные маленькие головки. Увидев людей, свистя крыльями, птицы поднимаются в небо, столбом исчезая в прозрачной и солнечной голубизне...

Русло реки затайливо извивается по широкому дну каньона. Выбываясь из-под слежавшегося снега, вода то расплывается изумрудными пятнами наледей, зажор, то пенится, кипит на голых каменных порогах. Образуя глубокие тихие озерки, поток прижимается к подножию скал — тогда в чистой глади воды отражаются скалы и небо с высокими облаками. В прозрачной воде, поблескивая чешуей, резвятся стайки серебряных хариусов — красивых маленьких рыбок; разноцветным узором камешков играет в глубине дно.

Изредка приходится переходить реку вброд. Мы снимаем сапоги и портянки, неловко ступаем в обжигающую холодную воду, осторожно ощупывая жесткое дно реки.

Еще ни одному путешественнику не приходилось побывать в этих местах. Шаг за шагом поднимаемся мы к истокам реки, вытекающей из таинственных гор Бырранга, воздушными очертаниями которых лишь издали любовались. Но по-прежнему далекими, недостижимыми кажутся их призрачные вершины.

После многих часов пути, тяжелых переходов изумительная развернулась перед путешественниками картина. Мы увидели горное озеро, окруженное отвесными скалистыми берегами, отразившимися в неподвижном зеркале воды. Середина озера покрыта синеватым размокшим льдом. Сокрытое неприступными берегами горное озеро на первый взгляд казалось изумрудным. Но со сказочной быстротою на глазах наших менялась его окраска. В течение дня вода была голубой, розово-золотистой. Бесчисленное количество гусей кружилось над устьем реки. Завидев людей, птицы тревожно поднимались шумными стаями, летали над нашими головами. Небольшие табунки диких

олений спокойно паслись в прилегающей к устью долине. В прозрачной холодной воде почти у самого берега спокойно плавали крупные рыбы. Под слоем прозрачной воды были отчетливо видны их толстые спины.

На берегу озера, среди кочек и голых камней, мы обнаружили много гусиных гнезд. На мягкой пуховой подстилке лежали теплые насиженные яйца.

Потревоженные птицы кружили над нашими головами.

Трудно забыть впечатление, оставшееся у путешественников, посетивших чудесное озеро в горах. Навсегда запомнилась трудная дорога, суровая красота горной страны, в обширные пространства которой впервые вступил человек.

Высокие скалы, возносившиеся над озером неприступной стеною, не позволяли двигаться дальше. Закончив наблюдения и отдохнув на берегу чудесного озера, мы отправились в обратный путь. Бесчисленные птицы долго нас провожали.

ПОГРЕБЕННЫЙ ЛЕС

Самое необыкновенное чувство испытывает путешественник, впервые посетивший эту холодную и почти неведомую страну. Все кажется ему необычайным. Необычайна звонкая тишина. Необычайно солнце, даже в полуночный час ослепительным светом своим озаряющее холодные и пустынные пространства. Необычайны звуки, рождающиеся в чуткой и звонкой тишине.

Подобно охотникам-следопытам, шаг за шагом путешественники изучают живую и мертвую природу почти неведомой страны. Нужно много терпения, настойчивого труда, чтобы обойти и обследовать недоступные некогда пространства. С упорством подвижников ученые разведчики земли путешествуют по всей нашей великой стране. Они поднимаются на высочайшие горы, смело спускаются в пропасти, углубляются в мертвые песчаные пустыни, во всех направлениях пересекают глухую тайгу.

Самые замечательные открытия делают предприимчивые путешественники. Здесь перед ними открывает тайны свои природа. В поллярной холодной стране они открывают еще не известные реки, изучают глубокие озера, обследуют неведомые горные хребты.

Спускаясь вдоль русла горной реки, эти путешественники однажды обнаружили ископаемый древний лес. Окаменелые стволы деревьев лежали на дне реки, пересекавшей безжизненную долину. Обломки пней возвышались над каменистой землею. Не прикоснувшись руками, было трудно отличить окаменелое дерево от обычного плав-

ника. На стволах деревьев были отчетливо видны узоры годовых колец. Но даже небольшой обломок трудно поднять руками. Пролежав много тысяч лет в земле, деревья превратились в тяжелый и крепкий известняк.

Необычайное впечатление производило кладбище погребенного леса, над которым, точно памятник древней эпохи, еще возвышался ствол окаменелого дерева, высотой в два с половиной метра. Воображение переносило путешественников в далекие времена, когда в этой ныне лишенной древесной растительности холодной стране простирались обширные леса, а по берегам рек и озер, в зеленых цветущих долинах паслись гигантские вымершие животные, кости которых мы неоднократно находили в береговых размывах.

Тяжелые образцы окаменелого дерева мы прибавляем к сборам геологов и геоботаников, собирающих образцы минералов и древних растений. В собранных коллекциях уже есть редкостные и красивые экземпляры. Мы любуемся загадочными окаменелостями, чудесными разноцветными кристаллами, добытыми старательными руками трудолюбивых разведчиков земли.

ПОЛЯРНЫЙ ЦВЕТНИК

Еще ранней весной наши ботаники находили под снегом крошечные естественные теплички, где под прозрачной коркой тонкого льда, пропускавшей живительные лучи солнца, уже распускались нежные растения с мохнатыми пушистыми стебельками. Ни ветер, ни стужа этим растениям не вредили. В маленьких «парничках» сберегалось тепло, необходимое для роста растений, выходивших из-под снега с распустившимися яркими цветами, изумлявшими нас своей красотой. Нежные растения успешно боролись со стужей, и даже под снегом всепобеждающая жизнь не прекращалась...

Наблюдая жизнь северных растений, ботаники обнаружили целый островок загадочной жизни. На юж-

ном склоне высокого останца, возвышавшегося над снежной тундрой, они увидели множество распустившихся цветов. Обогреваемый лучами солнца, защищенный от северных холодных ветров, крутой склон останца напоминал пышный цветник, огромную естественную теплицу. Среди обломков камней здесь цвели полярные маки, золотыми венками горела сиверсия, голубым пышным ковром расстилались высокие полярные незабудки. Среди обычных полярных растений встречались редкие виды. Особенно интересной находкой оказался папоротник — реликтовое растение, находить которое в полярных странах еще никому не удавалось. Интересная находка взволновала и обрадовала ботаников. С большим волнением рассказывали они о своем открытии. Крошечное растение с зелеными, пушистыми, свернувшимися спиралью ростками мы рассматривали с почтительной осторожностью. Этот торжественный день ботаники решили пышно отпраздновать. По случаю события в походной палатке мы распили заветную бутылку вина и поздравили главного героя, профессора-ботаника, со счастливой находкой. . .

Вместе с друзьями ботаниками, занимавшимися ежедневно своей кропотливой работой, я нередко приходил на цветущий склон останца. Усевшись на камне, расписанном узором лишайников, я любовался оживающей природой полярной страны. От каменных обломков разрушенного временем останца исходило живительное тепло, накопленное солнцем, день и ночь сияющим над тундрой. Весь южный склон останца покрыт яркими цветами. На живописных каменных уступах, в извилинах трещин, наполненных перегноем, распускались разнообразные растения. Обилие света способствует их росту. Холодный ветер шевелит тончайшие лепестки.

Отсюда, со склона высокого останца, прекрасный вид открывается на обширную гладь Таймырского озера, озаренную светом незаходящего солнца. . .

Сидя на камне, я разглядываю окружающие меня нежные цветы. Их тонкие стебли покрыты пухом, и кажется — от одного дыхания должны завянуть тончайшие лепестки. Однако необыкновенно выносливы эти нежнейшие с виду растения, переносящие жестокие морозы и злые, холодные ветры.

НА ВЕРШИНЕ ОСТАНЦА

Так странно представить: где-то под самой Москвою уже расцветает сирень, а над берегами рек и ручьев в зеленых росистых кустарниках яростно заливаются соловьи. Здесь, в центральной части холодной страны, только начинается настоящая весна: на склонах холмов появились проталины, покрытые прошлогодней мертвой травой.

Кое-где на припеке уже распустилась золотая сиверсия, а вокруг нашей зимовки по-прежнему возвышаются нанесенные за зиму высокие сугробы.

Но и здесь с каждым днем ощутительнее приближение полярной весны, так не похожей на подмосковную нашу. В холодном дыхании ветра, проносящегося над пробудившейся тундрой, мы не чувствуем знакомых запахов земли, неизъяснимыми чувствами наполнявших сердце охотника. По-прежнему холодом зимней пустыни дышит полярная тундра.

С приближением весны больше и больше над тундрой птиц. Давно прилетели, ютятся у самого дома веселые пуночки. На темных проталинах появились лапландские подорожники. Высматривая добычу, кружат над тундрой поморники, жалобно кличут, колыхаясь на крыльях, чайки.

Куда ни поведешь глазом, красуясь брачным нарядом, с треском взлетают бесчисленные куropатки. В снежных просторах ожившей

тундры радостно звенят голоса птиц. Непостижима тайна стремления этих птиц на холодный север.

С гостеприимного теплого юга, преодолевая пространства, стремятся крылатые путешественники на самый край земли, чтобы в безлюдных просторах полярной страны завершить свой брачный и жизненный круг.

Этих пролетающих над тундрой птиц некогда наблюдал я в теплом краю птичьих зимовок. С особенным радостным чувством встречаю знакомые косяки.

Положив ружье на колени, внимательно наблюдаю, как оживает перед глазами, преобразается, веселыми голосами наполняется чудесная холодная родина птиц. . .

Как сурова, однако, как холодна эта далекая родина множества птиц, о которой охотнику долго мечталось! Но и в этой суровости неповторимую видим мы красоту. Жмурясь от нестерпимого света, стараюсь представить окружающие нас почти неведомые просторы. Вижу безлюдную пустыню, выступы каменных гор, сохранивших необычайные очертания.

Станный вид имеют здесь горы, вершины которых ярко подчеркнуты ослепительною белизной снегов. Точно опаленные пожаром, возвышаются над тундрой остовы разрушенных скал. Многоцветный узор лишайников покрывает их выветренную поверхность. Сколько миллионов лет насчитывают эти каменные утесы? Ветер свистит в их каменных вершинах. По дну живописнейших каньонов текут холодные реки, струятся прозрачные ручьи. . .

Для впечатлительного наблюдателя, любителя девственной природы все необычайным кажется в этой суровой, по первому взгляду, полярной стране. Необычайный вид имеют возвышающиеся над тундрой древние останцы — остатки размытых и выветрившихся горных хребтов.

В очертаниях останцев глазу чудятся фантастические картины. Путешественнику видятся зубчатые стены, разрушенные башни, древние города.

Странно чувствует себя путешественник, в полном одиночестве забравшийся на каменную вершину тяжелого останца. Таинственные горы рисуются перед ним над горизонтом. Призрачным светом озарены их снежные вершины. Пересеченная розоватыми и синими тенями, расстилается впереди снежная пустыня. Как бы подчеркивая окружающую тишину, отовсюду слышатся голоса птиц. В кристальной чистоте воздуха сказочно звучат эти далекие бесчисленные голоса.

Десятки тысяч лет назад здесь, у подножия каменных останцев, бродили косматые мамонты.

Костями вымерших животных, тяжелыми бивнями мамонтов, известковыми створками древних моллюсков, кусками окаменелого дерева усеяны берега рек и озер. . .

Холодный ветер, сбивая с ног, свистит в вершине высокого останца, в беспорядочных россыпях и нагромождениях каменных выветрившихся обломков, покрытых разноцветным узором лишайников. Необычайно тонки эти живые узоры, рукою самой природы нанесенные на мертвой поверхности камней.

Дикие гуси кружат у основания останца. С каменной вершины я наблюдаю легкие тени птиц, скользящие по нетронутой пелене снегов.

Пустынный, мертвый ландшафт подавляет. Чуткому путешественнику представляется далекое прошлое Земли. Миллионы лет проносились над этой холодной страной. И особенное, гордое чувство испытывает здесь впечатлительный путешественник, впервые увидевший далекую полярную страну, в которую хозяином вступил теперь человек! . .

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Иван Сергеевич Соколов-Микитов. <i>М. Смирнов</i>	3
ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ	
Лесные картинки	9
От весны до весны	37
Листопадничек	47
Домик в лесу	54
РАССКАЗЫ ОХОТНИКА	
Первая охота	65
Ранним утром	67
На глухаринном току	—
На лесной канаве	70
Заяц	71
Петька	73
Журавль-летчик	75
Звуки весны	78
ПО ЛЕСАМ, ГОРАМ И МОРЯМ	
У синего моря	83
В горах Кавказа	102
Весна в Чуне	113
Белые берега	125
На родине птиц	146
Весна в тундре	165

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О И С Р Е Д Н Е Г О В О З Р А С Т А

Соколов-Микитов Иван Сергеевич
ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ

Ответственный редактор Г. П. Гроденский. Художник-редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Н. М. Сусленникова. Корректоры Ю. А. Бережнова и
К. Д. Немковская.
Подписано к набору 20/V 1964 г. Подписано к печати 31/VII 1964 г. Формат 70×90^{1/8}. Печ. л. 11,125.
Усл. п. л. 13,02. Уч.-изд. л. 10,37 + 1 вклейка = 10,44. Тираж 100 000 экз. ТП. 1964 № 262. Ленинград-
ское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 376.
Цена 62 коп.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Мини-
стров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская, 7.

62к.